АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

СБОРНИК СТАТЕЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Томский Государственный Университет

Философский факультет

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук» 19-20 апреля 2002 г.

Издание
Томского государственного университета
Томск – 2003

Актуальные проблемы социальных наук: Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», 19-20 апреля 2002 г. Томск: Томский государственный университет, 2003. 245 с.

В данный сборник включены статьи молодых ученых как философского факультета ТГУ, так и других вузов г. Томска (ТГПУ, ТПУ, ТУСУР) и городов Сибири (Новокузнецк, Юрга). Кроме того, в сборнике представлены тезисы студентов ТГУ – участников вузовского тура олимпиады по философии. Материалы сборника отражают проблематику всех научных направлений, развивающихся на гуманитарных специальностях томских вузов в настоящее время.

Научно-редакционная коллегия: д-р филос. наук, профессор, декан ФсФ М.П. Завьялова, д-р филос. наук, профессор Г.И. Петрова, д-р филос. наук, профессор В.Н. Сыров, д-р полит. наук, профессор А.И. Щербинин, к. филос. наук, доцент О.Г. Мазаева, к. филос. наук, доцент Н.В. Поправко, к. филос. наук, доцент К.М. Южанинов.

Ответственный за выпуск: к. филос. наук О.Н. Ладова.

© Томский государственный университет, 2003

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

Статус нарратива в современном социальном пространстве

Е.В. Агафонова

Сегодня можно с уверенностью сказать, что одной из основных и неотъемлемых характеристик нарратива является его вездесущность. Мы с детства врастаем в рассказывающий репертуар языка и нашей культуры. Он становится привычным и прозрачным для нас, он представлен во всем, что и как мы говорим, думаем, делаем, воображаем.

Говоря о роли и статусе нарратива, известный французский исследователь Ж.-Ф. Лиотар подчеркивает, что практически любому роду знания в обществе присуща нарративная форма. Рассказанная история, рассказчик, слушающие и ситуация, в которой она рассказывается, оказываются связанными с базовой культурно-исторической структурой. Именно через рассказы передается набор прагматических правил, конституирующих социальную связь. Причем эта «социальная связь содержится не только в значении передаваемых рассказов, но и в самом акте рассказывания. Референция этих рассказов может принадлежать прошлому, но по существу она всегда современна акту "здесь и теперь"» [2. 60].

И то, что будет сейчас интересовать нас в отношении нарративов, это как раз вопрос о референции нарративов, о том, в каком отношении они находятся к реальности – это вопрос, который продолжает вызывать огромное количество споров среди нарратологов.

Одно из авторитетных мнений, представленных такими фигурами, как П. Рикер, Х. Уайт, Л. Минк, содержит в себе утверждение, что нарратив – это ничто иное, как *литературная форма*, представляющая некоторую последовательность событий, организованных так, что они имеют начало, середину и конец и изнутри артикулированы отношениями незнания-знания, отклонения-возвращения, проблема-решение и т.д. Это структура, извлекаемая из самого рассказывания истории, а не из событий, с которыми это связано. Так, американские философы истории Минк и Уайт, например, утверждают, что мы сами производим подобные истории, опираясь на сюжетные структуры – комедии, трагедии, романа и сатиры, которые заимствуются нами из литературного наследия и были предложены в качестве таковых канадским литературоведом Н. Фраем. На основании этого и делается вывод, что нарратив как литературный артефакт не описывает реальность, а навязывает событиям форму, которую они сами по себе иметь не могут. По мнению Минка, нарративы конституционно неспособны репрезентировать «жизнь» (реальные события и действия прошлого) именно по причине своей нарративной формы. Эта форма – продукт индивидуального воображения, которая происходит от самого действия рассказывания. Более того, мы имеем возможность рассказывать о

событиях только после того, как они произошли. Рассказчик должен быть дистанцирован от этих событий, свободен от них и от времени, в котором они происходят, он находится как бы вне времени, или же над временем, и потому обладает «превосходного» рода знанием, которым не наделены ни аудитория, ни те, о ком ведется повествование, даже если рассказчик сам выступает в качестве персонажа своей истории. Таким образом, утверждается, что пока события происходят с нами, мы можем только фиксировать их, а возможность рассказывать о них мы получаем лишь post factum. То есть сначала мы выступаем в роли агентов, совершающих действия и поступки, а потом в роли нарраторов, имеющих ретроспективный взгляд на вещи, и наделенных способностью видеть события во всей их целостности.

В философии истории давно существует разделение между нарративом и хроникой (летописью). Летописец просто описывает события в том порядке, в котором они и происходят, нарратор же имеет ретроспективный взгляд на вещи, имеет возможность излагать наиболее важные события, причины и мотивы, которые вызвали данные события, и предоставляет уже организованную и согласованную картину произошедшего. Возможно, именно в этом смысле Уайт, сравнивая события «реальной жизни» с хроникой в большей степени, чем с нарративом, утверждает, что мы сначала проживаем события и только потом рассказываем о них.

Конечно сходство между «жизнью» и «жизненной историей» подчеркивается многими теоретиками. По мнению Рикера, проблема репрезентации действительности в нарративе это одна из важнейших проблем, и ключом к ней является понятие «мимесиса» Аристотеля. Однако сам он отказывается переводить этот термин как «репрезентация» или «имитация», он полагает, что отношения между нарративом и миром более запутаны, чем это принято традиционно считать. Взамен описания мира нарратив предоставляет лишь пере-описание его. Нарратив, говорит он, имеет сходство с метафорой, которая есть способность «видимого как...» и открывает нам такую область, которую можно назвать *«как если бы...»*. Говоря о темпоральном характере нарратива, Рикер называет это «осюжечиванием» или «конфигурационным актом» (термины, заимствованные у Минка и Уайта), которые являются посредниками между событиями и рассказываемой историей, объединяя хронологическое с нехронологическим, трансформируя события в историю, «схватывая их вместе в акте рефлексии и направляя к заключению или цели».

Возможность критики данной позиции основана на выявлении двух заблуждений, которые были четко сформулированы американскими нарратологами Брокмейером и Харре в статье, посвященной проблемам нарратива:

- во-первых, мы впадаем в онтологическое заблуждение, которое находит свое содержание в уверенности, что существует некая реальная история, ждущая своего раскрытия, лишенная аналитической конструк-

ции и существующая до нарративного процесса; а сам нарратив тогда представляет собой ничто иное, как металингвистическую иллюзию;

- во-вторых, мы также заблуждаемся, когда утверждаем, что имеется одна и только одна реальность, с которой согласуются все нарративы, представляющие собой лишь описание этой реальности (это репрезентационное заблуждение).

И первое, и второе заблуждение исходят из предпосылок, что существует некоторый скрытый уровень до-дискурсивных смысловых структур, и на основании этого происходит разделение нарративов на «верные», основанные на реальных фактах, и «неверные», основанные на лжи и обмане. Но если реальность – это факт, на основании которого только и можно судить об истинности нарратива, то как нам узнать об этой предзаданной или изначальной реальности? Ведь она не дана нам как таковая, но лишь в форме рассказов о ней [1. 35]. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, требующей своего разъяснения: или же мы имеем дело с бесконечным количеством рассказов, имеющих своим референтом такое же количество разнообразных реальностей, или же мы имеем одну реальность как гарант некоей абсолютной истины, но о которой мы не можем ничего знать, обладая возможностью лишь рассказывать о ней. Преодоление проблемы возможно только одним образом, если трактовать нарративы вообще не как репрезентацию реальности, но как *способ конструирования и создания самой этой реальности.*

Наиболее радикально и последовательно проводит эту идею Карр в работе «Время, история, нарратив», настаивающий на том, что все события проживаются, только будучи рассказаными, и рассказываются, только будучи прожитыми. Это означает, что наррация тесно переплетена с действиями и событиями нашей жизни. Карр предлагает, вслед за Гуссерлем и Хайдеггером, использовать слово «историчность», он говорит, прежде всего, мы историчны и вплетены в историю, но не только потому, что мы – часть исторического процесса, но потому, что мы уже есть в мире. Мир – это фон или горизонт нашего повседневного опыта. Мы всегда уже обладаем некоей пред-теоретической осведомленностью о прошлом и будущем в нашем обычном опыте восприятия времени, и ключ к природе этого опыта – нарратив или повествовательный характер этого опыта. Иногда мы изменяем историю, согласовывая ее с событиями, иногда мы должны изменить события своими действиями, чтобы согласовать их с историей. Очевидно, это не является тем случаем, когда Минк полагает, что мы сначала живем и действуем, а затем уже, возвращаясь назад и вспоминая, как это было, рассказываем о том, что произошло, посредством этого сотворяя нечто новое, благодаря новой перспективе. Ретроспективный взгляд нарратора с его способностью дистанцироваться от событий не стоит в непримиримой оппозиции к взгляду агента действия, но является расширением точки зрения, принадлежащей действующему лицу. Поэтому быть агентом опыта – значит постоянно сохранять воз-

можность взглянуть со стороны, занимать позицию, которая обычно доступна только рассказчику, и наоборот. «Это значит не просто позволять событиям с тобой случаться, а пытаться доминировать над течением событий, собирая их вместе в ретроспективно-проспективном схватывании нарративного акта. То есть, с одной стороны, агент благодаря своим действиям является создателем нарратива, а с другой стороны, нарратор не является только внешней фигурой, он соучастник творения нарратива как организации жизни» [3. 60].

Когда мы говорим, что суть наррации тесно переплетена с течением нашей жизни, это не отсылает к тому простому факту, что большая часть наших повседневных разговоров посвящена рассказыванию историй. Это, конечно, верно, что нарративы, особенно в форме историй о наших знакомых и родственниках, составляют огромную часть нашего ежедневного общения, и роль этих нарративов в социально коммуникации достаточно велика. Но нарративная структура отсылает не только к такой игре мнений, но также и к организационным характеристикам самих событий, которыми они обладают, таким как начало-середина-конец, неизвестность-разрешение, отклонение-возвращение, повторение и т.п. Все эти структуры и характеристики принадлежат повседневному опыту и действию, даже независимо от того, принимает ли нарративная структура или акт нарративного структурирования форму внешней вербализации, или нет. Таким образом, автор настаивает, что события и действия в нашей повседневной жизни имеют темпоральный характер, и тем самым они сами по себе обладают организационными характеристиками и нарративной структурой. Иначе говоря, сама реальность нарративна, а я обнаруживаю себя в ней, не просто чередуя роли рассказчика, слушателя и героя, а являясь одним, другим и третьим одновременно.

Так, например, иногда Я наблюдаю свое действие, как если бы это был другой человек и как если бы Я не понимал, что этот человек делает, и необходимо, чтобы мне объяснили. Карр называет это видом Besinnung (сознания), которое «производит смысл» действия, где «Я (нарратор) рассказываю или вспоминаю или объясняю себе (слушателю), что Я (герой) делаю» [3. 63]. Совсем не обязательна при этом дословная и внешняя вербальная форма выражения подобного самопрояснения или саморазъяснения, в котором Я имею реальную возможность поставить себя на место реально существующих других: знакомых, друзей, авторитетных для меня лиц, входящих в мое социальное окружение.

Такая внутренняя наррация может быть представлена как свидетельство того, что определенный вид нарративного структурирования, рассматриваемый нами, по своей сути является социальным, так как, если Я как агент или наблюдатель расколот на различные роли и функции, это является просто интериоризацией той реальной социальной ситуации, в которой Я себя обнаруживаю.

Теперь, если признать тот факт, что реальность на уровне нашего опыта или действия темпорально организована, и нарративы представляют формы, внутренне присущие структуре нашего восприятия мира и наших действий в нем, то можно утверждать, что именно посредством наррации индивид существует и придает всем своим актам (действиям и переживаниям) смысл, организовывая во времени и придавая форму и согласованность всем своим имеющимся и последующим опытам.

Нарратив предстает формой воплощения и организации времени человеческого бытия. В таком виде он снимает проблему, с одной стороны, метанарратива, а с другой, - скепсиса и релятивизма. И так как человек получает возможность посредством нарратива конструировать реальность, то нарратив таким образом воплощает собой форму или способ наиболее адекватного восприятия и существования – способ создания удовольствия от проживания жизни, показывая границы и возможности человека, реализуя нашу потребность в созидании и в разрушении, то есть потребность в постоянном слагании всевозможных историй и в постоянном их переописании.

Литература:

1. Бройкмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативы // Вопросы философии. № 3. 2000.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С.-П., 1998.
3. Carr D. Temporality and Narrative Structure // Time, Narrative and History. Indiana University Press. 1986. P. 45-73.
4. Riceur P. The Narrative Function // Hermeneutics & Human Science. Cambridge university press. 1995. P. 274-296.
5. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. The University of Wisconsin Press. 1978. P. 41-62.

Философский анализ современного кризиса национально-культурных ценностей

И.В. Аксёнов

Если проследить основную логику изменения ситуаций в российских условиях, то можно видеть, что кризис национально-культурных ценностей нарастает от одного социального катаклизма к другому. Протекание этого кризиса обычно связывают с политической или экономической ситуацией и понимают в соответствии с теми или иными идеологическими установками, при этом более глубинные причины кризиса, не связанные с непосредственно лежащими на поверхности социальными явлениями, от нас ускользают. От понимания этих причин зависит самоопределение национального сознания русского народа, стоящего на исторической развилке и позволяющего совершить окончательный выбор оптимального пути развития России. Основная проблема заключается в вопросе: сво-

дится ли кризис национально-культурных ценностей только лишь к социальной ситуации в России, или же имеет более глубинные духовные причины? И если да, то какие именно причины лежат в основе кризиса национально-культурных ценностей и каков механизм их действия, вызывающий в качестве следствия сам этот кризис.

Судьба России осмысливалась в русской мысли не только на прагматическо-политическом уровне, но и с точки зрения философско-исторической, когда искался высший смысл, предназначение, миссия России в мировой истории, а сам путь страны воспринимался как служение некой цели. Именно в этой цели, в особом мессианском значении России, выраженном в идее «Москва – третий Рим, и четвертому Риму не быть!» следует искать духовные истоки кризиса национально-культурных ценностей.

Мессианская идея являлась в русском сознании не формой национальной гордыни, императивом служения, требованием выполнения особого духовного предназначения. Это требование не всегда было понятно, также как не всегда общественное сознание, подчиненное превратностям сиюминутной социальной ситуации, могло понимать то духовное предназначение, которое заложено в самом основании национальной культуры. Этот императив, как непосильная тяжесть, отторгался русскими в условиях кризисной социальной ситуации. Поэтому кризис порождали методы защиты от этого императива.

Иначе говоря, кризис национально-культурных ценностей был обусловлен защитой от императива служения основной национальной идеи, высокий идеал которой оказался непостижим для общественного сознания, обусловленного конкретной социальной ситуацией.

Этот кризис носит не локальный характер, но перманентный для всей истории русской культуры, достигая своего апогея сейчас. Это видно из истории нашей культуры.

Уникальность ситуации, в которой идея «Москва – третий Рим» становится общенациональной, связана с исключительным положением России в конце XV века. Россия оказывается единственной православной державой, от судьбы которой зависит вся мировая история православия. Понимание этого легло тяжелым грузом ответственности для национального самосознания, к которому оно не было готово. Идея «Москва – третий Рим» содержала в себе императив выполнения не просто своего национального предназначения, но и общемирового религиозного призвания. И понимание этого особого мессианского предназначения оказалось взвалено на плечи молодой нации, только что начавшей свое государственное строительство.

В результате происходит раздвоение национального сознания между мессианством и необходимостью повседневного социального обустройства, которое оставляло желать лучшего. Молодая нация не сумела преодолеть эту раздвоенность, что, с одной стороны, породило нигилистиче-

ское отношение к социальной жизни и миру в целом, а с другой стороны, к стремлению защититься от мессианского служения внешним соблюдением обрядовых форм и консервированием всех творческих начинаний. С одной стороны, мы видим нигилизм, с другой, - консерватизм. Постоянная борьба между этими двумя тенденциями вела к череде кризисов национально-культурных ценностей.

Первый кризис связан с деятельностью патриарха Никона. Консервативная тенденция общественного сознания во времена Никона проявлялась как подмена сущности христианства внешним обрядоверием, которое привело к разнобою в обрядовой, литургической жизни и отсутствию единства в копиях церковных книг.

Второй кризис национально-культурных ценностей связан с реформаторской деятельностью Петра I. Нигилистическое неприятие Петром I русского традиционного образа жизни было связано с косностью и консервативностью, являвшимися защитой от императива национальной идеи. Новый император начинает вытеснять русский уклад подражательством Западу. Петр упраздняет патриархию и передает церковь в ведомство государственной машины. Для последующей истории эта реформа имела катастрофическое значение. В кризисные для России периоды задавленная государством Церковь не имела достаточного авторитета, чтобы противостоять разрушительным антикультурным и антинациональным силам.

Третьим кризисом национально-культурных ценностей явилось распространение в России во второй половине XIX века материализма, позитивизма, революционных идей на фоне падения авторитета Церкви и традиционных ценностей.

Кризис национально-культурных ценностей петровского периода резко обострил противоречие между императивом национальной идеи и социальной действительностью. Чем сильнее социальная действительность противоречила мессианскому характеру императива, тем больше национальное сознание стремилось защитить себя от этого императива в своих консервативных сторонах, выраженных косностью, подавлением творческого начала, обрядоверием, слепому подчинению авторитету и т.д. Это в свою очередь усиливало противоположную тенденцию – негативное отношение к социальной действительности, выразившееся во второй половине XIX века в распространении революционных идей, материализма и атеизма. В этот период становится модным ниспровергать религию, читать марксисткою литературу, ругать национальные идеалы. Чем более консервативной становилась среда, тем большим нигилизмом заражались ее обитатели. В этот период наиболее нигилистически настроенными оказались, как это ни странно на первый взгляд, не дети интеллигентов, но дети священников, что показали революционные движения среди студентов.

Четвертый кризис национально-культурных ценностей связан с при-

ходом к власти большевиков и их яростной борьбой против всей русской традиционной культуры. Нигилизм, на волне которого пришли к власти большевики, оказался столь разрушительным, что они вынуждены были трансформировать национальную идею «Москва – третий Рим» в новую идеологическую форму. Только благодаря тому, что новая идея советской империи, которая должна была рано или поздно объединить весь мир в строительстве коммунизма, возродила мессианский дух национального самосознания, разрушительные тенденции революционной эпохи были преодолены. Однако коммунистическая мессианская идея еще больше вступала в противоречие с социальной действительностью, чем традиционная национальная идея «Москвы – третьего Рима». В силу этого в условиях коммунистического строительства формы защиты от мессианского императива приняли еще более косный выхолощенный характер. Вся жизнь советского человека ритуализируется всевозможными соцсоревнованиями, субботниками, партсобраниями, праздниками, демонстрациями и т.д., смысл которых он все меньше и меньше начинает понимать. Это противоречие между коммунистическим мессианством и социальной действительностью вылилось в нигилизм – сначала в робкой форме диссидентского движения, а затем в разрушительной волне перестроечных преобразований, развалившихся советскую империю.

Распад Советского Союза послужил началом пятого кризиса национально-культурных ценностей. Так или иначе, коммунизм выражал, пусть и в искаженной форме, мессианскую национальную идею русского народа. С ее исчезновением миллионы людей потеряли всякие ценностные ориентиры, что привело к быстро набирающей силу тенденции люмпенизации и криминализации общества.

Разрушительный характер нигилистической волны реформирования оказался столь сильным, что она не сумела предложить, как в аналогичных условиях это сделали коммунисты, какой-либо новой формы выражения национальной идеи. Поиск новых форм выражения этой национальной идеи взяла на себя патриотическая оппозиция. Возникли всевозможные неокоммунистические, националистические, этатистские движения, которые стремились в той или иной форме следовать императиву мессианства, облекая его в самые разные идеологические формы – от идеи восстановления Советского Союза до идеи восстановления монархии.

Однако все эти движения, претендуя на мессианство, в действительности не сумели воплотить служение ему в социальной действительности. Эта невозможность следовать императиву выразилась в консервации самих движений. Вместо нормальной патриотической работы с молодежью и создания дееспособных организационных ячеек мы видим бессмысленные марши в униформе по улицам российских городов. Вместо пропаганды национальных идей – банальный «мордобой», подозрительный с точки зрения расовой чистоты. Вместо организованной борьбы с коррумпиро-

ванными властями – бесконечные внутренние «разборки», кто больший оппортунист, а кто более верный сталинец, и т.д. Все эти уродливые формы явились лишь разными способами защиты от мессианской идеи, ответственность за которую взвалили на себя эти движения.

Пятый кризис национально-культурных ценностей породил в России новую ситуацию. Если раньше господствующая консервативная тенденция порождала волну нигилизма, то теперь господствующая нигилистическая тенденция вызывает в качестве своей оппозиции консервативную волну, претендующую на выражение национальной идеи. Но поскольку в этих условиях противоречие между мессианской идеей и социальной действительностью достигает своего пика, то и консервативные тенденции патриотических движений, выражающих национальную идею, усиливаются настолько, что полностью разрушают все эти движения.

Неспособность и невозможность возродить национальную идею, создать патриотическое национальное движение в современных условиях вызывают разочарование не просто в современной социальной ситуации, как это мы наблюдаем в предыдущих кризисах, но разочарование во всей русской истории в целом. Нигилизм, как неприятие социальной действительности, начинает носить тотальный характер, что порождает новый, шестой кризис национально-культурных ценностей, переживаемый нами в настоящее время. Наиболее характерной чертой этого кризиса является то, что нигилизм охватывает даже патриотические движения, созданные для борьбы с ним, в результате чего не остается никакой социальной ниши для борьбы с этим разрушительным течением.

Общую логику перехода к кризису и его протекания можно изобразить так.

Первое – осознание мессианской идеи, которая реализуется в национальном сознании как императив.

Второе – осознание ответственности перед мессианской задачей.

Третье – осознание противоречия между мессианским замыслом и социальной действительностью, разочарование в собственном служении мессианской идее и осознание ответственности.

Четвертое – желание избавиться от ответственности перед мессианской идеей, что выражается в подмене служения мессианской идее каким-либо частным ритуальным действием. Это достигается путем отождествления мессианской идеи с частным социальным ритуализированным явлением, например, соблюдением внешних церковных обрядовых норм, ритуалов КПСС, созданием квази-военизированных казацких или баркашовских формирований, имитирующих военную силу.

Пятое – возникновение нигилистического отношения к социальной действительности, деформированной всевозможными консервативными течениями, которые подменяют служение мессианской идее частными социальными явлениями и ритуалами.

Шестое – наступление кризиса национально-культурных ценностей в

силу борьбы нигилистической и консервативной тенденций.

Седьмое – возникновение внутри нигилистической тенденции попыток выразить по-новому мессианскую идею, создание новых консервативных форм защиты от нее и противостояние нигилистической и консервативной тенденций на более высоком уровне. Таким образом, кризис национально-культурных ценностей приобретает цикличный характер.

И последнее – усиление от одного кризиса к другому нигилистической тенденции настолько, что она в зародыше разлагает любые попытки выразить национальную идею в качестве императива общественного сознания. На этом заключительном этапе кризис национально-культурных ценностей носит тотальный характер.

Познание и научная проблема: особенности современной интерпретации

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет

Познание всегда было и остается одной из самых актуальных проблем философии. Философский интерес к познанию вызван, может быть, не столько содержанием данного процесса, сколько исследованием вопроса возможности осуществления самого познания. Ведь за этим вопросом скрывается другой, не менее значимый, вопрос – вопрос о природе человека. Не случайно И. Кант свой знаменитый комплекс вопросов, касающийся предмета философского исследования, начинает с вопроса «Что я могу знать?», а заканчивает вопросом «Что такое человек?». Этим признается, что познание (самопознание) является начальной формой конституирования человека в мире, а, следовательно, оно позволяет раскрыть особенности человеческого бытия. Причем одновременно познание представляет собой процесс подобного конституирования человека (человеческая жизнь – это познание).

Переоценка данной значимости познавательных операций проявилась с наибольшей силой в философии XVII в., когда была утрачена аксиологическая составляющая в познании, и в XIX в., когда стал игнорироваться онтологический аспект. Если использовать опять же комплекс вопросов И. Канта, касающихся предмета философии, то произошедшее означало абсолютизацию первого вопроса «Что я могу знать?» и забвение последнего вопроса «Что такое человек?», который собственно и являлся конечной целью философского интереса к миру. Данный процесс можно попытаться обозначить еще и такой характеристикой: по сути, познание было сведено к научному познанию (то есть, к такому процессу организации представлений человека о мире, который утрачивает целостность осмысления мира как предмета исследования). Фрагментарность, «безжизненность», «сухость» – это те черты, которые можно приписать к знанию, получаемому научным путем. В этих знаниях в полной мере проявляется

самодостаточность, позволяющая утверждать, что цель познания – это не ответ на вопрос «Что такое человек?», а постоянное осуществление познавательных операций (познание ради познания), господство «объяснения» над «пониманием». Отсюда и способ такого рода познания – постоянная «проблематизация» знания, но не мира. Именно этим, условно, можно различить научную проблему от любой другой (к примеру, философской). Ведь проблема, решаемая ненаучным путем, обладает не только познавательным эффектом (то есть, не обязательно связана с получением нового знания, как это утвердилось в науке). Такая проблема имеет и иные измерения. Например, философия – это тоже «проблематизация», но «проблематизация», касающаяся не только предмета исследования, но и самого исследователя, интересующегося этим предметом. Как пишет М. Хайдеггер, философское вопрошание – это такое «...вопрошание, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся поставлены под вопрос» [1. 122]. Решение философской проблемы предполагает постоянное жизненное погружение в нее, обозначение жизненной позиции мыслителя. Ведь «мир» для человека – это, прежде всего, человеческий мир, который неотделим от самого человека. Как считал Х. Ортега-и-Гассет, «я – это я и мои обстоятельства», где каждая деталь неотделима от человека и наоборот. Воспользуемся еще раз идеями М. Хайдеггера, чтобы резюмировать обозначаемую мысль. «Философия имеет смысл только как человеческий поступок. Ее истина есть по существу истина человеческого присутствия» [1. 129]. Подобным образом (с точки зрения представленности полноты мира) деятельность можно характеризовать и в религии, и в искусстве, и в других культурных сферах человеческого бытия.

В науке же проблема предстает совсем в ином виде. Она направлена на имеющееся у науки знание (но не на мир), на то, чтобы выяснить в нем «недостоверность», «лакуны» и т.д. И хотя данная тема достаточно подробно представлена и исследована в литературе (это работы К. Поппера, Т. Куна, С Тулмина, Е.С. Жарикова, В.Н. Карповича, Б.С. Грязнова, Е.М. Дуна и др.), тем не менее, общего представления о научной проблеме, ее месте и роли в научном познании не сложилось. А если быть точнее, существует плюрализм в вопросе о том, что такое научная проблема.

Однако в этих работах акцент ставится, как уже писалось выше, на сугубо гносеологическую значимость проблемы для научного познания. Подобная особенность интерпретации научной проблемы свидетельствовала лишь об общем характере научного познания, который представлял собой самодостаточный процесс. Это не значит, что результаты научного познания не использовались людьми на практике, в жизни, а значит, что сам характер научного познания не затрагивал многие измерения человеческого бытия. Это измерения бытового, повседневного, ценностного и иных культурных планов. Опять же было бы несправедливо утверждать,

что наука (ученые) не пытались преодолеть свою самодостаточность, показать зависимость результатов своих исследований от социокультурного и исторического контекстов, от особенностей индивидуальной ситуации человека. Другое дело, что при учете такого аспекта, наука начинала утрачивать свою научность, переставала быть сферой жизнедеятельности, характеризующейся познавательной предназначенностью. Иного и быть не могло, поскольку научное знание (та цель, на которую направлена проблема), не охватывает целостность жизненного мира человека. Во многом те поиски интеграции науки с «жизнью», которые являются основным предметом анализа исследователей, составили основное содержание философии и науки в XX в. Естественным образом, такие попытки не могли не затронуть и научную проблему – основную форму осуществления процесса научного познания. Поэтому задача автора видится не в том, чтобы охарактеризовать современное понимание процесса научного познания, а в том, чтобы через характеристику научной проблемы, через ее дефиницию показать насколько наука в своем познавательном процессе способна преодолевать свою «самодостаточность». Иными словами, чтобы вопрос И. Канта «Что такое человек?», вновь стал предметом исследовательского интереса ученых, (показать, что позволит познавательную функцию научной проблемы реализовать с учетом решения и данного вопроса).

Научная проблема определялась по-разному у отечественных и зарубежных исследователей. Нельзя сказать, чтобы в этих определениях присутствовали кардинальные расхождения. Каждый из исследователей обращался к тому или иному аспекту проблемы. Кого-то волновала «ненормативность», с которой была связана постановка научной проблемы, кого-то некоторая «алогичность» вопроса проблемы (что не верно с точки зрения логики, так как вопрос, на который не существует ответа, это неправильно поставленный вопрос) и т.д. В целом же, научная проблема выявляла в процессе познания два отдельных момента: «момент открытия» и «момент обоснования». Это характеризовалось соответствующим образом: в «моменте открытия» допускались любые возможные формы и методы для получения нового знания, в «моменте обоснования» полученное знание соотносилось с уже имеющимся научным знанием путем логической формализации, что и устраняло, по сути, конечную цель познавательной деятельности – вопрос «Что такое человек?» Однако присутствие «момента открытия» показывало, что именно человеческое бытие, мир являются истинным предметом исследования, а не то знание, которое «проблематизировалось» и трансформировалось в качестве результата научного познания. Обозначение «момента открытия» и привело исследователей к мысли о том, что следует в самом процессе постановки проблемы отразить его как начало, которое позволит преодолеть «самодостаточность» научного познания. А, следовательно, вопрос касается понимания того, что такое «проблема» (научная проблема)?

Формат статьи не позволяет провести анализ имеющихся определений проблемы. Да и этого не следует делать, так как цель работы – показать, как в самой проблеме можно обнаружить аспекты не только познавательного характера, но и какие-либо иные моменты.

Проблема всегда представлена в форме вопроса. Но не каждый вопрос является проблемой. Поэтому в проблеме всегда существует выразимая сторона и сторона, которую нельзя логически выразить. Поэтому в качестве рабочего определения проблемы предлагаю следующую дефиницию: проблема – это вопрос, решение которого связано с необходимостью для человека удовлетворить какие-то важные потребности, причем решение такого вопроса никогда не может быть исчерпывающим (единственным).

Данное определение схоже с имеющимися определениями в отечественной и зарубежной традициях философии науки. Однако наша задача заключается в выявлении «гуманистической» составляющей проблемы, что никогда не являлось основной целью при анализе места и роли научной проблемы. Из данного определения можно выявить очень важный гуманистический аспект. Он заключается в том, что вопрос делает проблемой человек. Именно человеческое измерение вопроса преобразует последний в проблему. Подобный процесс никак не связан с сугубо познавательной спецификой проблемы, поскольку ее логическое выражение в качестве вопроса абсолютно не меняется от того, что для человека он превратился в проблему. Логически вопрос остался вопросом. Но в своем целостном существовании для человека он содержит нечто большее. Это большее та неудовлетворенность, та мера «нужности», преодоление которой требует решение этого вопроса.

Это очень важный аспект, ибо в нем, как может не показаться на первый взгляд, больше значимости не только для ощущения удовлетворенности человеком, но и для процесса познания. Ведь неудовлетворенность потребностей человека толкает не только на необходимость искать пути их решения, но и заставляет человека понять необходимость взаимодействия его с окружающим миром. Понятно, что возникающие потребности есть следствие «отсутствия» чего-то у человека, а значит, возникающие потребности есть следствие присутствующего интереса человека к «иному», «другому», к «миру», окружающему человека. Тем самым, мера «нужности», «направленности» человека к «другому», лежащая в основе постановки проблемы, обогащает человека новыми представлениями. А это, естественно, не может не сказаться на результатах познавательной деятельности. Только при этом познание будет не только объяснять, но приводить к пониманию, к диалогу. Конечно, результат научно-познавательной деятельности не будет отражать полноту и целостность исследуемого мира, но продемонстрирует недостаточность одного лишь объяснения как итога решения научной проблемы. Эта недостаточность потребует признать в качестве основной функции научной проблемы коммуникативную функцию, поскольку направленность на общение ста-

новится единственным способом существования науки. Об этом говорит и развитие интеграционных процессов в науке, и появление различных синтезных направлений. Конечно, их оценка не столь однозначна (одни исследователи признают за ними будущее, другие считают их «временными»), но существующая тенденция и есть свидетельство того, что коммуникативная функция проблемы – это та функция, без которой сегодня не реализуемо научное познание, не полно наше представление о нем. Поскольку необходимость соотнесения результатов научного исследования с результатами других систем знаний (философии, религии и т.д.) – это способ преодоления «проблематизации» знания, где проявляется признание зависимости «знания» от «мира человека». Как бы не выглядел банальным данный вывод, тем не менее, человечеству понадобилось несколько сотен лет, чтобы к нему прийти. Поэтому, для современной постановки проблемы «вопрошание» знания не может выступать достаточным основанием, необходимо хотя бы обозначение связи этого «знания» и каких-то значимых проявлений окружающего человека «мира».

Важным при подобном рассмотрении научной проблемы в процессе познания становиться и еще один аспект, выведенный в рабочем определении. Он касается того, что у проблемы не может быть «исчерпывающего», единственного ответа, иначе проблема превращается в обычный вопрос. Данный аспект имеет два значения с точки зрения рассматриваемой проблемы: 1) «неединственность» ответа осложняет «достоверность» объяснения с точки зрения научного знания; 2) «неединственность», невозможность дать исчерпывающий ответ делает «гуманистическую составляющую» более значимой, так как от самого человека будет зависеть, удовлетворится ли он ответом или начнет искать другие решения. Таким образом, обозначенная особенность возможного решения научной проблемы еще с большей очевидностью подчеркивает необходимость учета коммуникативной функции научной проблемы. Именно ее выявление в рамках «научной проблематизации» знания делает это знание открытым, позволяет преодолеть самодостаточность научного познания, вновь ввести вопрос И. Канта «Что такое человек?» в рамки научного исследования.

Проведенное рассмотрение соотношения научной проблемы и познания, учитывая особенность его современной интерпретации, позволяет говорить, что познавательная функция научной проблемы не является сегодня определяющей без учета коммуникативной функции, которая превращает науку, научные знания в открытую систему. Более того, коммуникативная функция научной проблемы позволяет последней полнее выполнять познавательную предназначенность. Об этом свидетельствует и необходимость того, что решение проблемы не может быть единственным, исчерпывающим. Такая характеристика научной проблемы заставляет ориентировать науку не только на вопрос «Что я могу знать?», но и «Что такое человек?» Констатация подобных идей не является каким-то

новым результатом для философского анализа проблемы познания, но позволяет четко оговорить те особенности научной проблемы, без которых сам процесс научного познания не будет соответствовать требованиям времени.

Литература:

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 122.

Психоаналитический подход в литературной критике в России

О.В. Городович

Широко известна и общепризнанна психоаналитическая литературная критика, берущая свое начало от проведенной З. Фрейдом психоаналитической интерпретации литературы. Эта традиция не нарушена в западной мысли и по сей день; существует множество школ и направлений, которые продолжают развивать психоаналитический подход. Я же хотела бы попытаться показать существование такого рода подхода к литературной критике в современной России.

По моему мнению, в отечественной философской мысли в настоящее время появляется и получает бурное развитие психоаналитическая критика литературы, представлена она прежде всего такими именами как В. Руднев и С. Зимовец.

Если говорить о самой традиции психоаналитической литературной критики, то, по сути, интерпретация текста, в том числе и художественного, всегда была и остается одной из наиболее актуальных проблем философии, так как философия всегда так или иначе связана с текстом и его интерпретацией. Неудивительно поэтому, что существует и постоянно вновь возникает множество различных подходов к этой теме, каждый из которых открывает какие-то новые стороны этой проблематики и, возможно, раскрывает новые интенции ее понимания.

Психоаналитическая литературная критика на Западе уже давно доказала свое право на существование. Но то, что происходит в отечественной философской мысли, не дает нам пока права говорить об аналогичной ситуации, так как сами исследователи в этой области, как правило, не указывают на Фрейда и западную традицию как на свой источник. Ситуация складывается таким образом, что мы имеем возможность говорить, что то, чем занимаются, например, В. Руднев и С. Зимовец, является психоанализом текста. Такое заявление может быть выдвинуто как гипотеза, которую я считаю возможной обосновать. Данная работа имеет поэтому характер предварительного исследования и экспозиции взглядов авторов.

Названые авторы в своих исследованиях показывают, что психоанализ и литературная критика имеют схожие сущностные интенции, и что пси-

хоаналитический метод или метод психоанализа может быть использован как метод литературной критики. Стоит отметить, что литературная критика, которая будет рассмотрена в данном случае, не является академической литературной критикой в строгом смысле; речь идет о философской литературной критике и интерпретации текста в широком смысле.

Отметим также и то, что при обращении к психоанализу текста философы пытаются обосновать свой подход к литературной критике и саму его возможность. В частности, В. Руднев пишет, что соотнесение психоанализа и литературной критики возможно, так как в обоих случаях текст как объект анализа прячет свой глубинный смысл (тему) при помощи механизмов защиты (психоанализ) и приемов выразительности (поэтика). И далее: «Цель генеративной процедуры – перейти от поверхностной структуры к глубинной путем анализа трансформации. Цель психоанализа – выйти от сознательного к бессознательному при помощи анализа механизмов защиты» [5. 155].

Теперь я хотела бы попытаться воспроизвести основные моменты в теории В. Руднева и С. Зимовца.

Говоря об общих интенциях психоанализа и литературной критики, прежде всего нужно отметить, что для них общим является объект исследования. Этот объект – текст. И художественное произведение, и речь пациента – текст, прячущий свой смысл. Для этого используются различные механизмы.

В. Руднев, таким образом, уподобляет текст сознанию, а его смысл бессознательному. Художественный текст не говорит о чем-то прямо – прямо сказать нельзя, так как в основе художественного текста всегда лежит травматическая ситуация, которую текст хочет скрыть, подобно тому, как сознание пациента пытается скрыть хранящееся в бессознательном воспоминание о травме.

Далее в своей статье «Психотический дискурс» [3] Руднев составляет типологию текстов (типов изложения), литературных стилей на основании того, какому типу дискурса в психоанализе они соответствуют (свое рассмотрение этой темы Руднев продолжает в статье «Психоанализ и философия текста. Шизофренический дискурс» [4]). В ситуации, когда воображаемое подменяет реальное, мы имеем дело с невротическим дискурсом; символическое подменяет реальное – психотический дискурс; воображаемое подменяет символическое – постневротический дискурс; символическое подменяет воображаемое – постпсихотический дискурс; реальное подменяет воображаемое в реализме; и, наконец, реальное подменяет символическое в постреализме. «Таким образом, символическое, воображаемое и реальное (конечно, условное реальное литературной традиции) формируют в культуре XX века свои собственные типы дискурса» [3.131].

Аналогичным образом проводятся параллели между скрытым смыслом художественного произведения и скрытой в бессознательном травма-

тической ситуацией.

Например, С. Зимовцем анализируется одна из ранних и малоизвестных пьес Л.Н. Толстого «От ней все качества». Статья, посвященная анализу этого произведения, носит название «Нехватка субъективности», что, по мнению С. Зимовца, соответствует смыслу травматической ситуации общей для русской культуры: «Субъективность не может стать ни формообразующей, ни отправной для конституирования жизненного мира, для этого не хватает автономии и суверенитета» [1. 16].

После того, как устанавливаются аналогии между психоанализом и литературной критикой, делается допущение о возможности использования психоаналитического метода для интерпретации текста.

Таким образом, в роли пациента будет выступать текст (но не автор, как это происходит в анализе, например, Фрейда); для аналитика литературное произведение будет выступать как голая конструкция, которую необходимо разобрать по винтикам, а весь анализ будет преодолением ловушек, которые расставило сознание (текст, приемы выразительности), желая скрыть травматическую ситуацию.

Используя данный метод, можно проанализировать любое произведение, имея в наличии лишь непосредственно сам текст, и ничего кроме него. Преодолеть все ловушки сознания, добраться непосредственно до бессознательного текста – его смысла. Таким образом, поступает в частности С. Зимовец. Наиболее показателен, по моему мнению, в этом плане анализ, который проводится им в статье «Тургеневская девушка: гениология аффекта (опыт инвективного психоанализа)». В статье прослеживаются «психосоциальные истоки онтологической женской («героической») хвори в русской классической литературе» [2. 48]. Реконструируется смысл текста таким образом, что сам текст рассматривается как речь пациента – так как «тексту присущи те же комплексы, которые психоанализ выделил в сфере сознания» [5. 157].

Существенное различие психоанализа и литературной критики возникает лишь тогда, когда речь заходит о конечных результатах того и другого. Травматичность художественного смысла (в литературной критике) и осмысленность травматической ситуации (в психоанализе) направлены в противоположные стороны. Результатом психоанализа (если он прошел удачно) является выздоровление пациента. Результатом анализа текста будет являться не выздоровление пациента (то есть, текста), а выздоровление самого аналитика, которое достигается путем позитивного переноса своей травмы на анализируемый текст.

Психоаналитический подход к литературной критике в отечественной мысли несмотря на непродолжительную пока историю развития имеет свою, в отличие от западной, специфику и свои интенции развития. Это дает возможность предположить, что оригинальная отечественная концепция психоаналитической литературной критики имеет все средства для

того, чтобы обогатить философский дискурс, предложив ему новые аспекты понимания и интерпретации текста.

Литература:

1. Зимовец С.Н. Молчание Герасима: Психоаналитические и философские эссе о русской культуре. М., 1996.
2. Зимовец С.Н. Тургеневская девушка: гениология аффекта // Логос. 1999. № 2. С. 43-50.
3. Руднев В.П. Психотический дискурс // Логос. 1999. № 3. С. 113-132.
4. Руднев В.П. Психоанализ и философия текста. Шизофренический дискурс. http: //arctogaia.krasu.ru/laboratory/rudnev/3.shtm.
5. Руднев В.П. Смысл как травма: психоанализ и философия текста // Логос. 1999. № 5. С. 155-170.

Реминисценции в культурно-исторической памяти

С.В. Дементьева

Томский политехнический университет

Осознание культурой своих ценностей и смыслов, выраженных в символах, метафорах, художественных образах, реминисценциях и отраженных в социальной памяти возможно лишь на предельной границе с другими культурами, что, в свою очередь, позволяет значительно расширить и углубить ментальную вместимость социальной памяти. Наиболее полно эта проблема решается через диалог культур, в результате которого происходит не простой обмен социокультурными ценностями и смыслами, а многоплановый, взаимопроникающий и взаимодополняющий полилог, позволяющий увидеть и понять образ своей культуры в зеркале иной ментальности.

Диалог в истории мировой и отечественной культуры отражается в многообразных способах бытия социальной памяти. Наиболее часто это проявлялось в форме экзегезы не только текстов, но и символов и смыслов. На этом построена и продолжает развиваться вся культура. Но если экзегеза ставит перед собой цель исследовать данный, конкретный текст, символ с предельной углубленностью в его смысл, то этот подход оставляет без внимания сущностное содержание социальной памяти. В рамках философии культуры предпринимается попытка отрефлексировать постоянно разрывающуюся связь времен. И в этом случае экзегезы явно недостаточно.

В определенной мере восполнить этот пробел может понимание культуры как социальной памяти, в содержании которой в снятом, латентном виде присутствует широкий пласт реальности, как актуальной, так и потенциальной. Этот подход позволяет рассматривать событие культуры не как единичное, отдельное, а как момент единого культурно-исторического процесса. Ибо одно случайное событие, взятое в рамках

линейного времени, не может быть смыслополагающим: ему недостает имманентного значения циклического, постоянно повторяющегося, в сущности, мифического. Опредмечивание культурных ценностей осуществляется в формах символов, метафор и реминисценций. Но если символ помогает «означить» опредмеченную реальность и затем распредметить ее в иных символах, то реминисценция позволяет продлить этот процесс в культурно-историческом пространстве и через характерные субъективные и субсидарные качества трансмутировать распредмеченную сущность явления культуры в социальной памяти. Оригинальность, неповторимость реминисцентного постижения сущности культуры будет выше, если между сравниваемыми феноменами культуры будет существовать достаточно длительный исторический период.

Эвристичность или тривиальность реминисценции непосредственно зависит не от ее содержания и смысла (реминисценция может в принципе выродиться в банальное цитирование, только в этом случае возникает закономерный вопрос, – будет ли это реминисценцией), а от степени и возможности ее распредмечивания в данной культуре. В реминисцентном отражении и постижении мира культуры нет главных и второстепенных линий. В зависимости от способности человека к творческому постижению явлений культуры, от его личностной ментальной вместимости, второстепенные сюжеты могут превратиться в главные, и наоборот. Реминисценция, возникающая между общим и особым, более эвристична по сравнению с реминисценцией между особыми случаями. Общее полнее раскрывается в особом, высвечивая какие-то свои особые грани, ранее не замеченные при восприятии. Так называемые «вечные» темы культуры, при всей их «неновости под луной», в частных, особых случаях обретают совершенно неповторимую окраску и тем самым обогащают мир социальной памяти.

Негативная теология и черный юмор

М.Н. Евстропов

Негативная теология негативным образом сказывается о «Божестве»: «не-иное» (non aliud) Николая Кузанского [3. 185-247] (как отказ от какой бы то ни было позитивной предикации – поскольку, как позже скажет Спиноза, «determinatio est negatio» [4. 492]); «ничто» или же «что-то» еще более «ничтойное», чем само «ничто» у Экхарта [5. 112-115] (и здесь отрицание будто бы перехлестывает само себя, так что отрицательное сказывание приобретает модальность утверждения). «За» этими отрекающимися речениями апофатической теологии (которыми последняя, кстати, «уже всегда» готова пожертвовать – «несмотря на» или даже «благодаря» во всяком случае присущей им утвердительности) возможно разглядеть некоторую «субъективность» – к примеру, взыскующую «Божественную Сущность», но вместе с тем не удовлетворяющуюся ей как так

или иначе «сущностью», как тем, чему сама эта «субъективность» как «желающее» может оказать «предпочтение». Это «гнев души», о котором говорил Экхарт [5. 102-104]. Это «парадоксальная гипербола» [1. 106-107] самой взыскательности, которая тем не менее разрешается, оказывается «у себя», в самом, казалось бы, «нижайшем» и «неподобном» – в «ничто», или даже в «чем-то» еще более «ничтойном», чем само «ничто».

Апофатическая гипербола желающей «субъективности» опять же может парадоксальным образом свидетельствовать как о желании не быть, стать «ничто», так и о желании быть «всем» чем угодно, или же чем угодно «другим». Собственно, речь здесь идет о «субъективности» «вообще», «как таковой» – однако тем самым говорится, что «как таковая» она «уже» «есть» разорванное, «уже» смещена, - так что нельзя сказать, будто ей со-ответствует какая-либо собственная «непосредственность», или же будто она адекватна какому-либо пред-решению насчет «бытия» или «сущности» (в том числе насчет собственного существования как «субъекта») – «изначальному» «да/нет». Такую «субъективность» как всегда излишнее вряд ли возможно призвать к ответу – как «невозможное» она «изначально» нарушает всякую со-ответственность – она «невменяема», и как «априорно инаковое» может только «грезить».

«Sub-jectum» как «ничто» и как «бездна» – это собственно «человеческое», и вместе с тем «сверх-человеческое», равно как и «недочеловеческое» – словом, это смещающая гипертрофия всякой возможной меры. Но такова же и вывернутая «изнутри наружу» принципиально децентрированная «субъективность» психического автоматизма или же черного юмора. Последний, будучи моментом актуального «эстетического» освоения «иного» («зла», «безобразного» etc.), «уже» существенным образом переворачивает всякую возможную трактовку «эстетического» «как такового». Апофатическая «черная ночь души», «nox mystica» как само «онтологизированное» от-рекающееся речение во всей его сверх- или же недо-утвердительности может быть парадоксально-юмористически истолкована как «эстезис», или, во всяком случае, как «источное» для «эстетических» определений. Именно апофазисом прочищена дорога как для «катафатической» эстетики условного образа – аллегории или же символа (так в «Corpus Areopagiticum» катафатическая и апофатическая тео-логии различаются и со-вмещаются – в трактатах «О божественных именах» и «О мистическом богословии» соответственно), – так и для парадоксальной эстетики безобразного (Босх, Нитхардт). Апофатическая «пустыня» становится иносказанием «ада», переполненного чудовищностью фантасмагорий, а «ад», в свою очередь, обращается в иносказание места «чистоты» (Это может быть замечательно проиллюстрировано различными вариантами «Искушения Святого Антония» Босха [2. 54-62, 139, 150]).

Априорная «невменяемость», фантазмирование черно-юмористического «изначального» смещения становится «тонкоразличи-

мым» с принципиальной скептичностью (то есть со скепсисом автоматизма или же критичностью «откровения»). В ключе смещения черный юмор может быть прочитан и как «позитивный» («симпатический») «коррелят» («уже» вне со-ответственности) мистического ужаса, и как «критико-иронический» «коррелят» веры, либо как оборотная сторона метафизического инфантилизма (метафизической дебильности) – как детская «жестокость».

От-речение выявляет «неподобие» («несговорчивость») речения – аллегория и аналогия взаимно смещаются, язык словно начинает работать вхолостую («автоматически») – в апофатических формулах, казалось бы, со-вмещающих всю полноту возможностей сказывания (в том числе модальностей последнего), денотация претерпевает кризис, референция становится «невозможной» и в то же время «как таковая» «онтологизируется», – сам язык начинает «грезить» или же сказывается как «грезящий» – становится «невменяемым». Апофатический дискурс – это провокация экстатики (во всей двусмысленности грамматической конструкции этой фразы).

Как жест исчерпания порядка, метафизической/языковой структуры апофазис выводит в наличие такую «структурность» (etc.), «внутри», «вне», «сверх», «по поводу» которой возможен только «бред» («невменяемость» как результат суммарной разложенности возможностей сказывания плюс еще что-то «сверх» – неисследимый остаток, вытесняемое, приносимое в жертву – «субъективность»). Иными словами, негативная теология/черный юмор пред-находит, из-обретает метафизический дискурс как «бредовый», или же высвечивает «край» этого самого дискурса, где означение его как «бредового» является наиболее «эстетически» результативным (резонантным), где сам этот дискурс еще не отливается в патологическую (и уже «конформную») форму расстройства речи, уже не будучи, впрочем, «конформным» онтологически. Причем это апофатическое сдерживание как удержание на краю – безусловно «произвольный» черно-юмористический жест.

Таким же манером апофатическое «является» «источным» метафизического вопрошания: и не утверждение, и не отрицание, а вопрошание, где оно еще не отлилось в форму вопроса. Таким образом, апофазис и «есть» само «существо» метафизического вопроса, и вместе с тем – его трансформирующая гипертрофия.

Черный юмор, в свою очередь, актуализирует именно «апофатический» момент в «классической/расхожей» (то есть, собственно говоря, «метафизической», «этической», «эстетической» etc.) трактовке «иного» – «всегда уже» смещенное «сверх» в ней, «бездну» ее бес-смысленного с-мысла.

Черный юмор – с того самого момента, как только он заявляет о себе, – также заявляет о себе как о чем-то относящемся «уже» к нашему возможному «пред-пониманию» – его «уже» невозможно «адекватно» истол-

ковать через что-либо иное, даже генетически ему предшествующее (к примеру, через романтическую иронию) – наоборот, он сам становится истолковывающим, «истоком» истолкования, не преминув задеть при этом и истолкование самого истолкования. Черный юмор радикальнейшим образом ревизует прошедшее, ставшее – наличное, «действительное», «сущее как таковое» – он смещает онто-логию. Но такое же «изначальное смещение» свойственно эсхатологическому заявлению апофазиса – самому несговорчивому и безапелляционному из всех заявлений, обращающему негативную теологию в трансмутационный тигель всего собственно «разумного».

Литература:

1. Деррида Ж. Кроме имени // Ж. Деррида. Эссе об имени. М-СПб., 1998. С. 71-134.
2. Иероним Босх. [Альбом]. М., 1974. 160 с.
3. Кузанский Н. О неином // Н. Кузанский. Соч. в 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 183-249.
4. Письма некоторых ученых мужей к Б. д. С. и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения // Б. Спиноза. Соч. в 2-х т. СПб., 1999. Т. 2. С. 331-569.
5. Экхарт М. О гневе души // М. Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. СПб., 2000. С. 101-116.

Дзэн как философское вопрошание

А.С. Ильин

Тема данного текста – дзэн как философское вопрошание. Для тех, кто хоть немного знаком с дзэном, попытка каким-то образом связать дзэн и философию может показаться абсурдной. На самом деле, я всего лишь хочу указать на то, у них есть общего. Для этого сначала я дам краткое пояснение того, что в моем понимании есть «дзэн» и что такое «философия».

Дзэн – это своеобразный путь постижения истины или природы конечной реальности. Своеобразие его заключается в том, что он презирает слова и предпочитает непосредственное указание. Значение имеет не некоторое знание, выраженное в слове или описании, а только непосредственный личный *опыт*. Не будет преувеличением сказать, что дзэн в целом направлен только на достижение и передачу этого опыта. Момент постижения называется «сатори», что с японского обычно переводят как «просветление» или «озарение».

Само сатори по своему содержанию не поддается строгому терминологическому описанию, но тем не менее можно выделить некоторые основные формальные моменты, характеризующие его в целом. Удобнее всего это сделать на примере практики коан.

Коан – это краткая загадка или намек, который по содержанию может представлять собой либо описание некоторой безвыходной ситуации, либо историю о чьем-то просветлении, либо вопрос, на который требуется найти ответ. В целом задача коана – поставить человека в ситуацию, когда он не сможет сказать ни слова и будет вынужден искать понимание вне сферы ума. Этому способствует и учитель, последовательно отвергающий ответы, опирающиеся на те или иные попытки рационализации.

Работа над коаном не ведет к цели, если она не сопровождается так называемым *«духом вопрошения»*, то есть непреклонным стремлением найти ответ и постоянной актуализацией поставленной задачи. Как отмечают учителя, без этого усердия и внутреннего усилия никакое просветление невозможно. Работа над коаном должна продолжаться непрерывно и в полную силу, так, словно от его решения зависит жизнь вопрошающего и всех живых существ.

Во всяком коане зашифровано предельное содержание. Вопрошание в коане таково, что вопрошающий сам оказывается частью вопроса, причем не только по формальному объему, но и реально – как *здесь и сейчас вопрошающий*. Для успешного решения задачи человек должен как бы слиться с коаном, почувствовать его, стать с ним одним целым. Именно осознание себя здесь и сейчас является решением коана, то есть выходом за пределы размышления. Экзистенциальное напряжение достигает некоторого предела, после чего происходит осознание невозможности и отказ от попытки найти ответ при помощи слов. Просветление и есть этот отказ от всякого говорения с его «есть». При этом происходит прорыв в иную сферу, и ответ обнаруживается сам собою, так, словно он всегда был доступен. Это переживается как шаг в *пустоту*, в которой еще нет никакого различения, но которая является источником всяких различий и условием их возможности [1].

Просветление достигается интуитивно и тогда, когда его меньше всего ожидаешь. Это нечто, что может произойти в любое мгновение. По сути, это есть нечто, совершающееся постоянно. Оно настолько просто, что мы не замечаем его, запутавшись в сети двойственного ума, в котором уже присутствует различение на сущее и иное, и который не видит того, что это различение делает возможным. Просветление открывается как нечто, что не может быть понято или достигнуто, поскольку оно само является условием всякого понимания и достижения. В просветлении человеку открывается чистое бытие в его «таковости». Это не мое бытие, не бытие какой-то вещи, не бытие человека. Это бытие вообще, как таковое.

Здесь уже намечены основные моменты, связывающие опыт дзэна с философией. Приступим теперь к характеристике последней.

Философия, если это не пустое теоретизирование, непосредственно связана с самым глубоким основанием нашей человеческой сущности. Стало быть, она также проистекает из некоторого фундаментального опыта. Для характеристики этого опыта удобнее всего будет обратиться к

пониманию философии М. Хайдеггером в том виде, в каком оно заявлено в работе «Что такое метафизика?». Философия, по Хайдеггеру, – это *предельное вопрошание*, проистекающее из фундаментальной выдвинутости человека в *Ничто*. Это вопрошание нацелено на сущее в целом и идет от самого этого целого. В этом фундаментальном *опыте* Ничто человек впервые оказывается перед сущим как таковым в его отчуждающей странности. На основе этой странности рождается удивление, удивление порождает вопрошание, а вопрошание делает возможным мышление и обоснование. Таким образом, нам становится доступной судьба исследователя [2].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что дзэн и философия – это две ближайшим образом родственные сферы духовной жизни. Обе они указывают на некий фундаментальный опыт, открывающийся в предельном вопрошании, невыразимый в словах, но, тем не менее, требующий своего выражения. Различие заключается лишь в методах этого выражения. Философия по большей части старается держаться дискурсивного и логического, в то время как дзэн предпочитает прямое указание. Первая использует интеллект, второй -- волю.

Литература:

1. Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма // Буддизм. Четыре благородных истины. М., Харьков, 1999. 992 с.
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // М. Хайдеггер. Время и бытие. М. 1991.

Проблема пространства и времени в контексте субъективного восприятия

О.Н. Карпицкая

Томский университет систем управления и радиоэлектроники

В современной концепции времени и пространства можно выделить два способа ее восприятия. Первый связан с внешним представлением, формирующим определенный взгляд на проблему времени. Его задают общекультурные установки, имеющиеся в том, или ином обществе. Второй – с внутренним ощущением пространства и времени, которое определяется исходя из интуитивной данности его переживания.

В философской традиции можно выделить два противоположных направления, представления о данном понятии. Античное понимание связано, прежде всего, с цикличным восприятием, обусловленным первичной установкой внешнего способа познания действительности. Мифологическое сознание строилось на постулате уже произошедшего единожды события и его бесконечного повторения в реальной жизни. Концепция средневековья хоть и опиралась на концепцию линейности времени, но представляла собой также замкнутый процесс, основывающейся на идее

возвращения к некому утраченному совершенному состоянию. То есть, внутреннее течение истории, воспринимаемое как линейная длительность, ведет к некому замыканию круга, возвращению к уже имевшемуся когда-то состоянию. Онтологический фактор определял основной способ познания самого себя и окружающего космоса. Достижение новоевропейской культуры состоит в доминировании гносеологического фактора. Новая сфера восприятия, заключалась во внутреннем способе переживания действительности. Таким образом, центром конституирования картины мира стал не реальный мир, а сознание человека.

Отнесение к внутреннему источнику достоверности приводит к неизбежной проблеме соотношения идеи и реально существующего, объекта и отраженного в сознании образа. Установка о первичности данности сознания с неизбежностью приводит к невозможности выхода к непосредственной реальности, самого ее познания. Способы определения ее сознанием задают безграничное поле интерпретаций, не обладающих возможностью объективизации. Отсюда становится понятным и тенденция разрушения единой картины мира, Современное представление о мире не обладает целостностью, представляя собой мозаику, не соотносящихся друг с другом элементов. Единая картина мира распалась на бесконечное множество индивидуальных картин, созданных на основе личных установок и интуиции отдельного сознания.

Потребность в создании единой картины мира заложена в самой природе человека. Это одна из априори, заложенная и воспринимающаяся как внутренняя потребность, обеспечивающая стабильность существования. Разрушение ведет к актуализации основных механизмов защиты, приводящих к самоуничтожению. Поясним данное утверждение. Именно новое, неизвестное настораживает человека более всего, а зачастую является причиной страха, связанного с угрозой его существованию, которое порождает желание защититься, а порой, провоцирует агрессию к окружающему как один из механизмов самосохранения. Данная агрессия, не зная источника своего направления, обращается против самого человека, выражаясь в бурных проявлениях эмоций провоцирующих различные психозы, таким образом, и являющиеся источником патологий. Помимо этого, неконтролируемость действий, связанная с состоянием аффекта, ведет и к угрозе физического состояния. Формы защиты организма перед неизвестным различны. Психоаналитическая традиция, например, вводит понятия комплекса, как основного показателя деятельности защитных механизмов. Отсюда ясна и психоаналитическая установка о корне психологических проблем закладываемых в детстве, так как именно в этот период происходят первые столкновения с новым, формирование отношения к которому, обеспечивает характер накапливаемого опыта, а тем самым создает условия для формирования определенной картины мира. Таким образом, преодоление страха происходило посредством восстановления уже имеющейся картины мира, соотнесения с уже имеющимся

опытом, включения или встраивания неизвестного в уже имеющееся. Разрушение единой картины мира приводит к невозможности апелляции к устойчивости, следовательно, и преодоления страха. Поэтому необходимость воссоздания обусловлена инстинктом самосохранения и требует новых способов реконструкции картины мира, что становится возможным только исходя из самого субъекта.

Можно выделить три таких способа:

- Концентрация внимания на одном из элементов «мозаики» и описание остальных сфер исходя из нее (ситуация подгона). Примером такого способа может служить естественнонаучное знание. Так физическая картина мира стремится описать все явления с точки зрения исключительно собственно выведенных категорий, таких как объем, масса, движение, инерция, сила трения, и т.д.
- Замещение подлинной реальности искусственно созданной. На основании этой альтернативной реальности делается попытка объяснения первичной реальности посредством ее подобия или копии (ситуация замещения). Этот метод приемлем для гуманитарных знаний, например, литературы (мы говорим: мир Достоевского, Гоголя, и т.д.), психологии (мир сновидений Фрейда, ЛСД С. Гроффа, и т.д.), а также некоторых технических наук, таких как информатика (создание виртуальной реальности).
- Третий путь отличен от двух предыдущих по своей внутренней направленности. Конституирование единой реальности основано на первичных интуициях, задающих субъективное мироощущение (ситуация внутреннего ощущения достоверности). Монадное восприятие, порождающее проблему взаимопонимания, возможности проникновения в мир другого.

Таким образом, первые два пути основаны на попытке восстановления объективных условий, задающих единство восприятия реальности. Третий путь постулирует отказ от любой объективности вообще.

Перечисленные способы строятся на двух принципах ориентации: внутренней и внешней. Доминирование одного из них обусловлено природной склонностью отдельного человека. Между внешними и внутренними формами, конституирующими представление о пространстве и времени, наблюдается несоответствие. Так, в естественнонаучном восприятии внутренние факторы подгоняются под внешние условия, что способствует ощущению ускорения темпа внутреннего течения времени. Это связано с необходимостью в максимально короткий срок охватить максимальное количество информации внешне данного знания о мире. Доминирование со стороны внешнего восприятия обеспечивает хорошую ориентацию во внешне данном, но имеет свой минус, заключающийся в забвении или отчуждении от внутреннего содержания самообнаружения. Это определяет прагматический тип отношения к действительности. Поясним данное утверждение. Способ действования человека, в отличие от

животного, определен этико-эстетическим восприятием. Человек – единственное существо, способное этически оценивать свои поступки: анализировать, восхищаться, сожалеть о том или ином выборе, словом, способное к саморефлексии. Совесть – одно из качеств, принадлежащих только человеку. Принцип поступания, руководимый совестью как внутренней неотъемлемой данностью, выражен либо как внутренний моральный долг, либо как внешний закон (содержание которого, так или иначе, выражает этическую интуицию). В ситуации внешней ориентации поступания все внутренние установки начинают руководствоваться внешним целеполаганием, принципы совести, определяющие поведение, заменяются принципами наиболее быстрого и практического получения пользы.

Попытка создания искусственно созданных альтернативных реальностей обуславливает не только ускоренный темп течения времени, но, прежде всего, характеризует его как замкнутый на себе. Искусственный конструкт не охватывает трансцендентных особенностей восприятия первичной реальности. Он ограничен и полностью основан на возможностях и границах самого разума, его порождающего.

Подобный способ восприятия строится на догматической установке достаточных и безграничных возможностях сознания. Сознание, претендующее на адекватное описание действительности, вынося себя вовне, тем самым задает границы такого восприятия, не учитывает априорных, интуитивных (как и первом случае), трансцендентных условий мироописания. Темп течения времени, воспринимаемый таким сознанием, ускорен, но ориентирован не вовне, а замкнут на собственной проекции.

Для течения времени, исходя из внутренней установки его ощущения, характерно замедление его темпа. Так как главным условием достижения результатов становится не количественное накопление информации, а ее качественное осмысление, снимается условие соревновательности в скорости овладения максимальным количеством информации как главным ценностным ориентиром в деле наиболее успешного существования.

Несовпадение внутреннего восприятия времени и внешнего, при ориентации на внутреннее, проявляется как пространственно-временная дезориентация. Так, например, люди склонные к внутреннему переживанию времени, не в состоянии зачастую контролировать его внешнее течение. Это проявляется в непунктуальности, рассеянности, забывчивости, но связанной не с нежеланием подчиняться обстоятельствам, а с так называемым перманентным внутренним чувством альтернативного способа упорядочивания действительности.

Таким образом, специфика переживания времени обусловлена той первичной интуицией, которая определяет способ восприятия действительности в целом. Причиной изменения способов восприятия служит, прежде всего, изменение общекультурных установок, рассмотрение которых позволяет наиболее адекватно выявить причины и условия такого изменения.

Метафизика *Ничто* как онтология *Тела*

А.В. Кривошеев

Представленная работа презентирует в контексте авторского мировидения и миропонимания своего рода «продуктивный конфликт» с Миром. Эта работа - набросок философской системы выполненный в вольном неоплатоническо-мистическом стиле, *своеобразное* решение интересующей меня проблемы «тела» и «телесности» взятых в глубинном онтолого-метафизическом аспекте.

Именно этот аспект и определил теоретико-методологическую базу работы, которую составляют философия неоплатонизма (в лице Плотина и Прокла), немецкая средневековая мистика (в лице М. Экхарта и Я. Бёме), немецкая классическая философия (в лице Ф. Шеллинга и Г. Гегеля) и, конечно, современные исследования по телесной проблематике (Ж.-Л. Нанси и М. Мерло-Понти).

Я ищу *глубины* в понимании Тела, поэтому «телесная» проблема видится мне как проблема *онтолого-метафизических корней* Тела. Тело - плод. Где же корни того дерева, с которого сей плод сорван? Вопрос о корнях - это всегда вопрос о Начале. Но вопрос о Начале - это и вопрос о Конце. Что же это за Начало, которое есть одновременно с этим и Конец?

Это – само Ничто! Мне представляется невозможным что-либо сказать о Теле, в действительно *метафизическом* смысле, не обратившись лицом к самому Ничто. Поэтому сразу хотелось бы указать на то, как соотносятся в данной работе «метафизика Ничто» и «онтология Тела». «Онтология Тела» - это схватывание тела в его многообразном *бытии*. Но исследование тела только в его бытии, кажется мне односторонним и для того чтобы избежать упомянутой односторонности необходимо ещё и схватывание тела в его *не-бытии*. Причем это схватывание, во-первых, уже не вписывается в рамки только онтологии, и, во-вторых, схватывается скорее уже даже и не тело, а само «*не*» бытия (Ничто). Именно такое схватывание и определяется здесь как «метафизика Ничто», которая и разворачивается в своеобразном неоплатоническо-мистическом стиле как «онтология тела».

Но вернемся к Ничто. Ведь где Ничто, там и, как его conditio sine qua non, Единое! Единое и Ничто - Предел и Без-Предел!

То, о чем я буду здесь говорить - это Предел. Я буду говорить о Пределе. Я буду говорить Пределом.

То, о чем я не буду говорить здесь - это Без-Предел. Я не буду говорить о Без-Пределе. Я не буду говорить Без-Пределом.

Я не хочу! Но кто я такой, чтобы противиться древнему герметическому закону, самому прообразу диалектики: «То, что является нижним, то же является и верхним, и то, что лежит стесненным в земле, то же находится и в звездах»?

Потому я не буду говорить о Пределе. Я не буду говорить о Без-

Пределе. Но я буду говорить на Пределе, витать между двумя «крайностями» манифестируя их неслиянное Единство.

Мой метод здесь - это «синтез Закона и Хаоса» в рамках одной работы. Иначе - *«диалектическое самораскрытие»*. Моя задача не подрезать предмету исследования крылья, но наоборот, преклонить пред ним колени, создать условия, в которых предмет мог бы *сам* проявить себя, *сам* открыться, *сам* себя обосновать.

Поэтому я и обращаюсь к диалектике. К живой, непоседливой, «таинственной» диалектике Платона, Плотина и А. Ф. Лосева, который определял ее как просто ритм самой действительности. Ритм (от греч. rhythmos) же - это, в самом общем виде, чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью и частотой. Таким образом, диалектика, будучи «просто ритмом», охватывает и сами элементы в их чередовании, и само это чередование как vacuum между элементами.

В этом истина диалектики - она должна не просто допускать то, чего нет, хаос небытия, но *быть* в этом небытии, быть такой же живой даже в отсутствии самой жизни. В этом полнота диалектики! В этом момент её Чуда и её Тайны. Она должна быть живым биением чьего-то сердца, таким же переменчивым, непостоянным, и пугающим.

I. Материя как своеобразное «ничто» Единого или телесное Тело самого *Ничто*

Исходным пунктом, первым положением, «центром всех центров», «точкой Омега» всей разворачиваемой здесь системы служит своего рода интуитивно понятный постулат – «Всё имеет свое тело».

И вопрос об онтолого-метафизических корнях Тела реализуется в поиске *Первого Тела*. Прежде всего, необходимо найти Первое Тело, дабы возможно было свести все тела к *одному* корню, и в этом смысле вообще к Единственному Телу. Единственным же телом может обладать только Единственный, тот, кто Первый и тот, кто Один. Он полагается мною как Единое. А *единственным Телом Единого* полагается мною *Ничто*.

Итак, Единое – тоже имеет свое тело. Но так как Единое суть Единое, т. е. для него нет никакого «вне», то тело Единого - это его, скажем так, «внутренность». Это *им самим* положенное Тело, им самим себе позволенное Тело. Тело Единого, Первое Тело, существует *с позволения* Единого. Единое просто милостиво разрешает Ничто, как своему Телу, быть.

В этом «позволении», кстати, навеки заключен момент *комичности* Ничто, а, следовательно, вообще комичности любого тела. Тело, конечно, ужасно и порой даже отвратительно, но за этим стоит все же просто «позволение», просто милостивое «FIAT...» («Да будет...»), что тут же ставит Ничто (тело) на свое место. А его «ужасность» и «отвратительность» приобретают какой-то кокетливо-жеманный оттенок.

Единственный, дабы оставаться Единственным, с необходимостью должен быть *неизменным*. Таким образом, Единое должно быть своего

рода воплощением статики, неизменности, строгости, а значит ясности и простоты! Более того, будучи Единым, оно должно охватывать и свое *«слишком»*. Поэтому оно *слишком* статично, *слишком* неизменно и строго, *слишком* ясно и просто. Настолько просто, что граничит с глупостью. Оно, как *механизм* без-умно и без-душно действующий только по одной схеме, не только само себя постоянно *переливает через свой край*, но и порождает этим сугубо простым, ясным и механическим действием собственную Тайну. То есть собственную жизненность, собственную движимость, собственную текучесть, собственное Ничто, *свое Тело*.

«Единое обращенное к себе» - вот, что такое Ничто, вот что такое Первое Тело! Все, что живет, все, что делается, все, что происходит, все, что течет и движется суть таковое только *благодаря Ничто*. Поэтому можно даже сказать так: Ничто - это *потенция* Единого, его изначальная *потенциальность*. И в силу этой собственной потенциальности, собственной *свободы жизни* Ничто есть уже как бы и не «своё» Единого, но *само по себе*. Ничто *само по себе* живо, *само по себе* подвижно, *само по себе* комично и может само себе позволить быть «ужасным» и «отвратительным».

Но Ничто суть, прежде всего, не потенциальность, но тело, то есть, следуя всему вышесказанному, одновременно *и* потенциальность, *и* тело. Следовательно, Ничто есть *Потенциальное Тело*. Единственное тело являет собой единственное потенциальное тело. Иными словами: единственное «не конкретное» тело, единственное тело без конкретной телесности, единственное воистину Первое Тело!

Обращение Единого к себе есть его к себе *отношение*. Отношение же есть некоторая направленная на что-то движимость, поэтому никакое отношение невозможно без Ничто, как самой *потенциальной возможности* отношения. *Ничто – залог любого отношения*. Ничто не может быть субъектом отношения, Ничто - сама *потенция* отношения.

Однако Ничто есть, прежде всего, Тело и поэтому любое отношение *отягощено* телом, любое отношение манифестирует некоторое тело! Поэтому и само обращение Единого к себе, само Ничто отягощено телом, *порождает* тело, свое особое тело, свое уже *конкретное телесное тело*.

Это порожденное самим Ничто в результате отношения Единого к себе новое тело есть *Материя*. Материя – это своеобразное *«ничто» Единого*. Такое «ничто», которое в то же время является и конкретным телесным телом, *конкретным телом единственного потенциального Тела*. Материя – это своего рода «дитя» Единого и Ничто, а потому она так же строга, ясна, проста и глупа, как и ужасна, отвратительна и комична. В Материи поровну от Единого и от Ничто, однако, разница их присутствия в том, что Единое здесь половину как бы *«потеряло»*, а Ничто, наоборот, половину как бы *«приобрело»*, ибо Ничто здесь уже не просто потенциально! Ничто уже полноценно *«в»* материи, оно здесь не просто конкретно, но уже и *материально*!

...Так что же есть *для нас* такая *Материя*? *Материя* - это то, что именуем мы «Абсолют», «Бог», «Дух». *Материя* – это все наши «запредельности»...

II. Тело как своеобразное «ничто» Материи или конкретное множество телесных тел Материи

Неукоснительно следуя первому постулату теперь необходимо выделить и тело самой Материи. Упомянутое выше «обращение к себе» или «отношение» есть отношение без собственного начала и без собственного конца. Это, будучи отношением *самого* Единого, *вечное отношение*, это замкнутая в круг цепная реакция, постоянное самоуглубление являющееся в то же время постоянным «выворачиванием самого себя наизнанку». Каждое звено цепи, как и сама цепь, обращена только на самое себя и только этим отношением к самому себе порождается следующее звено, причем Первое звено (и тем самым самое себя) порождает сама цепь (Единое) своей потенцией (Ничто).

Поэтому и Материя, являясь таким «звеном», подчинена единому Механизму. *Материя неотвратимо обращается на себя*. Материя вступает в отношение с собой. Тем самым Материя попадает во власть Ничто, ибо только через него и возможно отношение. Результат этого отношения – «тело». Таким образом, *тело* – своеобразное *«ничто» Материи*, конкретное *множество* телесных *тел* Материи.

Хотя Материя относится к самой себе, будучи как бы *«в»* Едином, *само* Единое в этом отношении не участвует, в отличие от Ничто, которое здесь еще более конкретно, еще более телесно и материально, а потому в «телах» еще меньше строгости, ясности и простоты. Зато еще больше отвратительности и комичности. Доля «ничто» в теле еще больше, чем доля «ничто» в Материи, а потому и *само* Ничто творит в теле веселый праздник без-Предела! Оно просто-напросто *играет*, а вместе с ним играет и множество тел, сободных от ясности и косности Единого.

...Так что же есть *для нас* такое *тело*? *Тело* - это то, что именуем мы «Я», «Мир», «Душа». *Тело* – это все наши «предельности»...

III. Плоть как своеобразное «ничто» тела или само Ничто полностью выраженное в своей конкретности

Опять же, следуя постулату «Всё имеет свое Тело» выделим теперь и конкретное телесное *тело* самого упомянутого выше тела. По аналогии, результатом обращения тела к себе, *телом* тела, своеобразным *«ничто»* тела будет являться *Плоть*. Плоть еще сильнее втянута в игру, затеваемую *самим* Ничто, да она и есть сама *вот эта* игра. Плоть еще более подвижна, да она и есть сама *вот эта* подвижность. Плоть еще более жизненна, да она и есть сама *вот эта* жизнь.

Плоть – это уже почти Ничто, да это и есть *само* Ничто полностью выраженное в своей крайности, в своем ином, то есть в своей *конкретности*!

Плоть – это самое живое и подвижное, самое комичное и игривое, самое конкретное, самое телесное, самое *ничтойное*, и в этом смысле самое *могущественное*, что есть в этом мире. Потому Плоть *ближе*, чем, что бы то ни было другое *к Первому Телу*, к Единственному потенциальному Телу, да она и есть само Первое Тело выраженное в своей крайности, то есть в конкретной, осязаемой материальности.

Плоть – это живое, осязаемое выражение бесконечной тайны Единого и бесконечного ужаса Не-бытия в бытии. Вот от чего Плоть так притягательна! Вот от чего все таинственное и ужасающее в этом Мире напрямую связано с плотью, плоть`но.

Но как раз с этой максимально выраженной *жизненностью* плоти и связана *трагедия* плоти! Плоть *должна жить на пределе*, чтобы быть плотью, а жизнь на пределе неминуемо приводит плоть к ее собственному конкретному концу, к *смерти*. Смертна только плоть!

Однако парадоксальным образом в этой собственной конкретной конечности и смертности плоти как раз и состоит *бесконечная потенциальность* ее жизни, ибо смерть, являясь *предельностью* конкретной жизни, роднит плоть и с Пределом и с Без-Пределом одновременно.

...Так что же есть *для нас* такая *плоть*? *Плоть* – это всё то, до чего можно дотронуться. *Плоть* – это всё наше...

Природа моделирования искусственного интеллекта: к постановке проблемы

В.В. Котельников

Томский политехнический университет

Понятие моделирования в литературе имеет различные трактовки, - это касается толкования объема понятия моделирования и его содержания.

Можно говорить об основаниях этой многозначной интерпретации. Одним из этих оснований является возникновение кибернетики как науки, когда такие понятийные конструкты, как «моделирование», начали использоваться в качестве кибернетических категорий.

Сегодня понятие моделирования используется в качестве категории кибернетики, характеризующей деятельность всех кибернетических систем: понятие «моделирование» в этом смысле выражает процесс, внутреннее состояние кибернетической системы любой природы и сложности. Под моделью как информационным состоянием управляющей системы понимается при этом не только итог всего исторического развития системы (применительно к биологическим системам итог фило- и онтогенеза), но и результат отражения конкретной ситуации, поскольку действующая

кибернетическая система постоянно получает извне свободную информацию. «Информационное моделирование» синонимично информационному процессу, если под последним понимать процесс и результат взаимодействия собственной связанной информации кибернетической системы с получаемой извне свободной информацией. Безусловно, подобная интерпретация конструкта «моделирование» является не единственной.

Сознание как высший вид информационных процессов является не чем иным, как внутренней моделью внешнего мира. Мыслительные процессы, в которых опосредованно и обобщенно отображаются объекты, суть моделирование материальной действительности существом, обладающим разумом. Под моделью понимают и отдельные компоненты сознания и мышления – сложные логические и знаковые конструкции, которые подчас не имеют очевидной связи с предметным миром. Попытки ограничить мыслительные модели такими, какие обладают наглядностью, следует признать необоснованными, хотя в подобном смысле термин «модель» широко употребляется в частных науках. Часто под моделью понимается и материальный объект, созданный человеком в практических целях или для более глубокого изучения оригинала, - в данном случае говорят о методе моделирования как одном из способов познания. В таком значении термин «моделирование» используется давно и привычно. Причем под моделью понимается материальная система искусственной природы, которая на основе аналогии способна замещать в некотором отношении изучаемый оригинал так, что позволяет получить о нем новую, дополнительную информацию.

Одновременно отметим, что нельзя согласиться с чрезмерно расширительным толкованием термина «модель». К примеру, А. Лернер считает, что если между двумя объектами может быть установлено сходство хотя бы в каком-то отношении, то между этими объектами существуют отношения оригинала и модели. С позиции этой точки зрения любое отражение фактически рассматривается в качестве модели, что вызывает самые серьезные возражения.

Иногда сложно ответить на вопрос, имеет модель практическое или чисто теоретическое значение и создана в целях познания, хотя существуют модели, созданные лишь для получения дополнительной информации об оригинале, когда ситуация такова, что изучение оригинала затруднено. В подобных случаях используется математическая теория подобия. Именно так Н. Винер создал первую ЭВМ, - для действий в системе ПВО; лишь позднее компьютеры стали использоваться как средство получения дополнительной информации о характере мыслительной деятельности человеческого мозга, моделью которого они по преимуществу являются. Мысленное моделирование, осуществляемое человеком, предполагает не только сходство, но и различие оригинала и модели. Представления человека о предметном мире отличаются от оригинала не только идеальной природой, но и нетождественностью по содержанию. Смысл последнего в

том, что научные знания относительны.

Мало, однако, утверждать, что существуют как идеальные, так и материальные модели. По характеру воспроизводимых сторон оригинала (субстрат, структура, поведение) различают субстратные, структурные, функциональные (информационные) и смешанные модели. Формирующаяся в мозгу человека идеальная модель является необходимой предпосылкой моделирования в технике, поскольку, создавая техническое устройство, человек вначале конструирует мысленный прообраз – создает идеальную модель материального оригинала.

Сегодня наибольшее развитие получили информационные устройства цифрового, дискретного действия, хотя предпринимаются попытки создать машины-гибриды, в какой-то мере сочетающие в себе свойства как цифровых, так и аналоговых устройств. Информация цифровых электронно-вычислительных машин дискретна, и ее использование представляет собой важнейшую сторону протекающих в ней процессов: информация, как известно, не зависит от величины энергии передающих ее электрических импульсов.

Подчеркнем, что информация кибернетических устройств имеет свои особенности по сравнению с биологической информацией: во-первых, здесь используется дискретная, селективная информация, в то время как в центральной нервной системе циркулирует значительно более сложная информация дискретно-непрерывного вида. Кроме того, грань между собственной связанной и той частью свободной информации, которая зафиксирована в машинной памяти, в какой-то мере стирается. Нет в технических устройствах и той нераздельности вещественных, энергетических и информационных процессов, которая свойственна обменным процессам в организме. Причем в силу разделения вещественных, энергетических и информационных процессов вероятностный характер имеют здесь только те информационные явления, которые представляют собой само решение задачи с использованием математической теории вероятностей, а не собственные информационные, вещественные и энергетические процессы. Речь идет о математической вероятности, дающей количественное выражение простейших вероятностных ситуаций, когда непрерывность полностью отсутствует.

Что касается проблемы, может ли машина стать живой, отметим тот факт, что, несмотря на определенное структурно-функциональное сходство в работе компьютера и мозга, сознание «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди». Сознание могло бы возникнуть лишь в результате искусственного синтеза живого организма и его длительной эволюции, создания общества искусственно созданных существ, однако назвать это моделированием сложно, это воспроизведение живого во всей его полноте.

Классические методы моделирования мыслительной деятельности человека на обычных цифровых машинах не могут привести к созданию

«искусственного разума»; и дело не в уровне объема памяти и скорости счета ЭВМ. Большая память и большая скорость работы не означает, что будет создана думающая машина. Возникли непреодолимые трудности принципиального плана.

Так, классический метод моделирования предполагает предварительное создание четкого, подробного алгоритма, последующее решение задачи на «детерминированном автомате» с конечной памятью. В технической кибернетике термин «детерминированный автомат» используем для обозначения машин, отличных от тех, которые используют «вероятностные» принципы. Этот метод не дает возможности учесть все случайности процесса.

Отсутствие психического уровня регуляции в технических устройствах объясняет ограниченный характер моделирования любой стороны деятельности организма, в том числе и научения. Положение не меняется и при создании «блоков эмоций». Ранее была предпринята попытка использовать метод прямого моделирования деятельности мозга человека посредством создания нервных сетей из искусственных нейронов. «Формальные» нейроны позволяют имитировать отдельные стороны психической, но не физиологической деятельности мозга. Формальные нейроны нервной сети воспроизводят формально-логическую сторону мышления, но не деятельность отдельных нервных клеток, не физиологические процессы. Формальный нейрон отличается от обычного триггера и других двухстабильных элементов: импульс на выходе возникает здесь не обязательно после второго импульса; это зависит от количества действующих входов, числа «запрещающих», «тормозящих» и «возбуждающих» волокон.

Однозначно детерминированный характер работы нервных сетей обусловлен дискретностью их структуры и строгой фиксацией свойств формального нейрона. Что касается мозга человека, ему присущ вероятностный принцип функционирования: именно он объясняет феномен восстановления и компенсации утраченных функций мозга.

Проблема оказалась в том, что вынужденное упрощение при моделировании нейрона – абсолютизация дискретности в работе нервной клетки в соответствии с принципом «все или ничего» – привело к тому, что имитация получилась грубой и не обещала ощутимой практической ценности: нейрон оказался интегрирующей системой, более сложной, чем самая совершенная современная машина или логическая программа. Это обусловило необходимость перехода с физиологического на информационный уровень моделирования мозговой деятельности, поскольку «детерминированный автомат», смонтированное на триггерах арифметическое устройство, в частности, тоже моделирует не работу отдельных нервных клеток головного мозга, а умственную операцию счета в целом.

Появился метод так называемого эвристического программирования. Суть в том, что для моделирования стохастических процессов не годятся

методы абсолютно однозначной детерминации. И даже задачи с полностью предсказываемыми событиями, которые в принципе можно полностью формализовать, не могут быть успешно решены «детерминированными машинами». Мало отличается от метода «эвристического программирования» другой «вероятностный» метод моделирования сознания – «эволюционное программирование». Этот путь моделирования психической деятельности обеспечивает большее сходство в работе машины с деятельностью мозга, в ряде случаев дает лучшие практические результаты, чем классический способ.

В методологическом плане при этом важны следующие моменты:

- Перестройка и перегруппировка программ происходит с использованием элемента случайности, что исключено в работе жестко «детерминированного автомата», хотя происходит потеря оптимальности при решении задачи в силу неполноты предварительного математического анализа проблемы (вместе с ненужными комбинациями могут быть отброшены и оптимальные).
- Основным приемом решения задачи остается метод проб и ошибок, метод перебора вариантов, это определяется сутью эвристического программирования; налицо неполный математический анализ задачи, и его результаты используются для последующей организации более эффективного поиска.
- Машина с эвристической программой учится решению каких-то задач определенного класса. Налицо довольно узкая специализация: ни одна из созданных эвристических программ не моделирует мышления вообще или решения всех проблем мозгом человека, она рассчитана только на узкий класс информационных процессов. Часто оказывается невозможным точно определить тот класс задач, к решению которых она может быть успешно применима.
- Что касается исходной посылки, которая лежит в основе метода эвристического программирования и рассматривается как исходный принцип, можно утверждать следующее: сложные психические процессы могут быть предварительно разложено на дискретные «атомы», элементы (квантование), промоделированы математически и синтезированы в различных комбинациях. Такая постановка вопроса методологически уязвима: процесс мышления, представляющий собой единство прерывного и непрерывного, не исчерпывается суммой дискретных элементов, не сводится к математическому дереву решений, социальную информацию нельзя рассматривать как снятую в результате выбора неопределенность.

Мышлению присущ вероятностный характер, соответствующий отображаемой стохастической действительности. По выражению Неймана, «язык мозга не есть язык математики». Творческие мыслительные процессы невозможно точно и до конца выразить с помощью алгоритмов и программ. Эвристическая программа содержит

правила и операторы условных переходов, но в машинном мышлении содержится только намек на интуицию, которая, как и сознание в целом, имеет вероятностный смысл. Это то, что можно назвать «барьером стохастичности» в моделировании мышления. Отсюда – сложность создания общей теории эвристического программирования. «Списочная организация памяти», «выдвижение целей», «создание планов», «рассмотрение гипотез», «распознавание аналогий» – это лишь имитация сторон психической деятельности человека.

Исследование диалога в современной отечественной философии

С.А. Кукушкин

В настоящее время человечество, разделённое на системы с различным социально-политическим строем, на государства, расы, нации, этнические и религиозные группы, стоит перед проблемой перехода от непримиримой конфронтации к осознанию своего единства перед лицом природы и космоса. Однако осознание этого единства и выработка совместных действий по обеспечению выживания человечества в сложной экологической и социально-политической обстановке не могут происходить вне развития диалога и коммуникативных процессов, составляющих одну из отличительных родовых характеристик человека. Более того, современная культура требует выработки новых коммуникативных стратегий. Поэтому интерес к исследованию разнообразных аспектов коммуникативных процессов, диалога – как важной формы их проявления и развития постоянен.

Во второй половине XX века в интеллектуальном сообществе резко увеличилось внимание к проблеме диалога как феномена культуры. Эта тема более полно была проработана в трёх основных концепциях, которые в данном случае заслуживают особого внимания. Во-первых, это экзистенциально-литературная позиция М.М. Бахтина; во-вторых, это семиотическое направление философии, которое развивал Ю.М. Лотман; и, в-третьих, философско-религиозные взгляды видного отечественного философа Г.С. Померанца.

Серьёзнейшим событием в исследовании проблемы диалога стало творчество М.М. Бахтина и, прежде всего его работа «Проблемы поэтики Достоевского». И дело даже не в новизне самой проблемы, но в глубине, точности и продуктивности анализа, в волнующей силе его идей, исторических реконструкций, в способности Бахтина входить в глубочайший подтекст человеческого творчества. Он был одним из первых отечественных мыслителей, кто на примере полифонического романа Достоевского обратил внимание на то, что «диалогические отношения...это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни,

вообще всё, что имеет смысл и значение» [1. 248]. А для того чтобы состоялся большой (истинный – Г. Померанц) диалог необходимо принимать во внимание то, что «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только *диалогически общаться*» [1. 275], проявляя тем самым огромную и напряжённую диалогическую активность, без чего, по сути, не возможен сам диалог. Основное требование, которое Бахтин предъявляет к диалогическому общению, состоит в том, чтобы «слова были бы двуголосыми, в каждом слове звучал бы спор (микродиалог) и слышались бы отголоски большого диалога» [1. 280]. Следовательно, в большом диалоге, о котором говорит Бахтин, голоса не замкнуты и не глухи друг к другу, они всё время слышат друг друга, перекликаются и взаимно отражаются друг в друге, и вне этого диалога не возможны ни один существенный поступок, ни одна существенная мысль его участников. Исходя из всего вышеизложенного, надо сказать, что для Бахтина феномен диалога в культуре заключается в том, что именно он является основой творческого мышления человека.

Тезис Бахтина об универсальности диалога привлекает многих современных отечественных исследователей, но лишь не многие задаются вопросом о механизмах данного явления. Одним из тех, кто занимался этой проблемой, был Ю.М. Лотман. В своей семиотической концепции он указывает на то, что весь механизм диалога основывается, прежде всего, на асимметрии, которая выражается в различии семиотической структуры (языка) его участников и в попеременной направленности сообщений. Но здесь асимметрия подразумевает некоторый «уровень инвариантности», т.к. «если без семиотического различия диалог бессмысленен, то при исключительном и абсолютном различии он не возможен» [2. 193]. Однако для того чтобы диалог состоялся, по мнению Лотмана, помимо всего этого необходимы – взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении, а также способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры. Важным элементом в механизме диалога является и то, что «потребность диалога, *диалогическая ситуация*, предшествует реальному диалогу и даже существованию языка для него» [2. 194]. В диалоге, как считает Лотман, должна также обнаруживаться строгая последовательность смены передачи информации приёмом, т.е. когда одна из сторон осуществляет сообщение, другая сохраняет паузу и наоборот. Следовательно, одним из наиболее важных законов всех диалогических структур является «дискретность – способность выдавать информацию порциями».

Все приведённые выше элементы, составляющие механизм диалога, раскрываются Лотманом при рассмотрении некоторых аспектов истории культуры. В данном случае конструируется такая схема: культурная система, находящаяся в относительно инертном состоянии,

активизируется при помощи потока текстов, которые поступают со стороны других связанных с ней определёнными отношениями структур, находящихся в состоянии возбуждения, т.е. следует этап пассивного насыщения – усваивается язык, адаптируются тексты, и при этом генератор текстов находится в ядерной структуре семиосферы, а получатель на периферии. Когда насыщение достигает критической отметки, в движение приводятся внутренние механизмы текстопорождения принимающей структуры и из пассивного состояния она переходит в состояние возбуждения, начиная бурно выделять новые тексты, одаривая ими другие структуры, в том числе и своего возбудителя. Таким образом, активизировавшаяся система выделяет энергии на много больше, чем её возбудитель, и распространяет своё воздействие на значительно более обширный регион, тем самым, меняя местами, центр и периферию [2. 195]. Следует отметить, что и асимметрия, и взаимная заинтересованность сторон в получении информации, а также дискретность – все эти характеристики делают диалог универсальным явлением.

Отметив универсальный характер диалогических отношений, разобрав внутренние механизмы, которые и составляют собственно диалог, справедливым будет затронуть ещё один очень важный аспект, касающийся достижения подлинности (истинности) диалога. Над этим вопросом размышляет в своих работах современный отечественный философ Г.С. Померанц. Здесь он вводит понятие Целого и говорит о том, что подлинный диалог (такой как, например, диалог религий) возможен только под образом Целого. «А согласие в духе Целого невозможно без диалога» [3. 214]. Что же такое Целое, которое Достоевский, а вслед за ним и Померанц, пишет с прописной буквы, как имя Бога? Определить его нельзя. «Как только мы подходим к проблеме целого, разум оказывается в положении слепых, ощупывавших слона. Один слепой пощупал хобот и сказал: он похож на змею; другой – бивень и решил: слон похож на копьё; третий – ногу и пережил слона как столб; четвёртый – брюхо и уверен, что слон похож на мешок. Целостная реальность, никогда не влезающая в слово, может приоткрываться только в ходе диалога, вечно открытого новому» [4. 14]. Тот особый смысл, который приобрело слово «диалог», наверняка сложился в память платоновского диалога, в память Сократа, его знаменитых слов: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Диалог – кружение вокруг ускользающей истины Целого, Истины, дающей жизни смысл и путь.

Померанц задаётся вопросом «Как же всё-таки сделать шаг от разговора глухих, переходящего в свару, к подлинному диалогу?» И даёт три ответа, которые он выработал и подтвердил своими экзистенциальными переживаниями. Во-первых, следует отдаться духу диалога до отказа всех собственных мыслей, которые хочется высказать и направить всё внимание на то, что рождается в собеседнике (и

помогает родиться). Во-вторых, Померанц приводит слова Достоевского о том, что самое главное в жизни – удовлетвориться вторым местом (и понять эту мысль, по мнению Г.Померанца, возможно только тогда, когда это переживёшь); В-третьих, необходимо придерживать все мысли и прислушаться к тому, что рождается здесь, сейчас, и не в моей голове, а в другой, и говорить только то, что помогает собеседнику не выходить из общего потока разговора. И дальше держать в голове образ беседы как живого целого и давать ему (этому целому) жить. Таким образом, разговор приобретает художественное совершенство и доставляет больше радости, чем, если бы выговорить всё, что знаешь.

«Дух диалога – замена утраченной соборности. Или новая форма соборности, – если расширить смысл слова. Новая форма глобального сознания, без которого немыслимо решить задачи наступающего века» [4. 14].

Итак, сделаем вывод из всего вышесказанного. В современной отечественной философской традиции проблема диалога исследуется до сих пор в различных направлениях. В данном случае были рассмотрены три позиции. Позиция М. Бахтина, выдвинувшего тезис об универсальности диалогических отношений и рассмотревшего диалог как основу творческого мышления. Наиболее фундаментальные механизмы диалога были проработаны Ю. Лотманом, который исследовал его элементы, основываясь на примерах семиотики и истории. Понятие подлинного диалога разрабатывал в своей концепции Г. Померанц, он предложил конкретные пути достижения такого диалога в реальной жизни (т.е. необходимо способствовать развитию диалога на практике, т.к. если диалог не развивать, то разрушительные силы возьмут верх).

Отечественные философы исследуют проблему диалога в различных аспектах. Каждый из аспектов является философски значимым и даёт возможности ухватить дискретную целостность понимания диалога.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994.
2. Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. 1999.
3. Померанц Г.С., Курочкина М.Н. Тринитарное мышление и современность. М. 2000.
4. Померанц Г.С. Похвала диалогу // Огонёк. 1993. № 6. С. 13-14.

Роль психоаналитической установки в философии постмодерна

С.Б. Куликов
Томский государственный педагогический университет

Долгое время считалось, что человек, даже если он склонен забывать об этом, в общем-то, существо разумное. Психоанализ, являясь способом установления бессознательных (иррациональных) мотиваций психической жизни индивида и общества [4. 321-326, 250-319], поставил данную точку зрения под вопрос. Это, подкрепясь известными событиями XX столетия, не могло не вызвать отклика в философском знании. В частности, философский постмодернизм, будучи тотально-скептической по собственным «основаниям» направленностью мысли, воспринял психоаналитическую методику и обратил её едва ли не в *общий случай* онтологического выведения на «чистую воду» и частной, и культурной жизни человека. С другой стороны, психоаналитическая установка, войдя как особая форма сознания в философский дискурс, получила как минимум двузначное прочтение: строгого *принятия*, например, Лаканом [2. 647-671] и Жилем Делёзом [1. 208-209], и не менее строгого *неприятия*, например, Мишелем Фуко [5. 19-20] и Жаком Деррида [2. 677-788]. Прояснению причин возникновения данной «двусмысленности» и посвящена наша работа. Для того зададимся такими вопросами. Что получили философы вместе с психоанализом? Что вызвало критическое озабочение? Но самое главное, - что означает сама эта ситуация принятия/неприятия?

На первый вопрос, как нам представляется, достаточно просто ответить. Идея о том, что рациональное поведение зависит от до- и внерациональных структур, дала возможность *корректно* проникнуть в область подлинных «глубин» человеческого существа, терявших «себя» при традиционной рационализации: творчества, болезни и пр. Психоаналитическая установка *философского* сознания, выстраивающаяся, например, в условиях интерпретации литературного (т.е. по определению *вымышленного*) текста, делает возможным обнаружение некоторого общезначимого смысла («сексуального» характера человеческого бытия, например) и *вне* зависимости от априорной фиксации реальности или нереальности содержательных моментов. Что позволяет решить такую проблему, как воспроизведение некоторого процесса адекватным ему образом – без необходимости рациональной метапозиции, принципиально затрудняющей совмещение внешних и внутренних моментов рассматриваемого. Но это то, что касается «сильной» стороны психоаналитической установки. Вернёмся к поставленным нами вопросам и отследим, отчего, например, Жак Деррида имел возможность заявлять, что «...несмотря на внешнее

впечатление, деконструкция логоцентризма – не психоанализ философии» [3. 319].

Психоаналитическая установка, попавшая под критику, выказала следующую «слабину». А именно, - перформативность «логики действий» и «логики результатов». Иначе говоря, - *принципиальное* противоречие между тем, «как» и «для чего» происходит психоаналитический акт (серия или сеанс) и тем, «что» в действительности *может* происходить. Психоанализ стремиться к «внутреннему обращению» – выслушать говорящего (или пишущего) и установить в его словах некоторую закономерность, *бессознательно* задающую сам способ речи или письма. Но стремление к такой закономерности (т.е. общему формальному правилу, не зависящему от содержательной стороны собственного выражения) оборачивает содержание вторичным, незначительным образом. Что при желании проанализировать саму «форму», провести «психоанализ психоанализа» (т.е. придать ему некоторый философский статус) ведёт к проблеме установления мотиваций самого психоаналитика [2. 401-644]. Где «сила» психоанализа (нейтрализация различия «вымысла» и «реальности») оборачивается и его «слабостью» – возможностью приписать «объекту анализа» *всё, что угодно*. Даже то, для чего вообще нет оснований в его речи (или письме).

Впрочем, приведение психоаналитической установки к самоочевидной противоречивости (как это *делал* М. Фуко на путях вписания психоанализа в более широкий контекст («Современную эпистему») и *осуществлял* Ж. Деррида в качестве явного «саботажа»), не возбудили в «психоаналитийствующем» сообществе стремления к «покаянию», признанию заблуждений или отказу от использования психоанализа в целом [2. 790-825]. Возможно, потому, что и внешние атаки, и внутренний «подкоп», разрушая, оставляют сторонников психоанализа буквально с *ничем*. Но возможно и то, что сама «борьба» сторонников и противников указывает нечто, выходящее за пределы «психоаналитического спора». Что, между прочим, позволяет перейти нам к финальной фазе нашего вопрошания. А именно, - прояснить то, что *означает* ситуация принятия/неприятия. Иначе говоря, тематизировать *роль* психоаналитической установки, которую она *играет* в рамках постмодерна.

Вне зависимости от принятия или неприятия психоанализа в качестве позитивно-методологического феномена, возможным становится зафиксировать. «Психоаналитический спор» - знак. Знак эпохи, *спорящей об иррациональном в человеке*. Кроме того, само наличие спора – указание внутреннего напряжения этого знака (как минимум, - в пункте интерпретации). Принятие чего в качестве *самостоятельного* принципа познавательных действий позволяет вскрыть структуру определённой исторической ситуации, допуская:

1. Возможность спецификации эпохи – распознавание её *до* отличия от возможных прочих.

2. Указания, в связи с этим, самой возможности *такой, априорной* спецификации. Т.е. обращения знания (в масштабе одного случая) к образу *необходимого* и *всеобщего*, причём, вне (или – «до») зависимости от оценки самой фактичности на истинность или ложность, подлинность или мнимость, общезначимость или уникальность.

Литература:

1. Делёз Ж. Логика смысла. М. 1995. 302 с.
2. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск. 1999. 832 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. М. 2000. 495 с.
4. Фрейд З. Основной инстинкт. М. 1997. 656 с.
5. Фуко М. Рождение клиники. М. 1998. 310 с.

Телесность: возможность трансцендентального видения проблемы

З.С. Лобода

В своей статье хотелось бы представить важность того, что современность дает новые возможности для философии, которая в классике рассматривалась как философия сознания. И, следовательно, присутствие человека (субъекта) представлялось через сознание.

Современная философия в качестве нового модуса присутствия дает другое, а именно телесное присутствие.

Необходимо заметить, что если философия сознания – это трансцендентальная философия, то и философия телесности (раз уж она на этот статус претендует) не может разрушить принцип трансцендентализма. Но в этом случае возникает проблема: каков должен быть этот вариант трансцендентализма, и вообще, может ли быть философия телесности трансцендентальной? В выступлении это проблема только ставиться и не претендует на свое окончательное решение. Непосредственно целью является попытка найти те основания, с помощью которых можно эту проблему решить. И если в классике такими основаниями были априори (априорные формы чувственности и рассудка, которые относились к сознанию), то в философии телесности нужно найти новые априори, и не в сознании, а те которые определяются телесными практиками взаимоотношения человека и мира. Ракурс, в котором попытаемся решить проблему – это соотношение трансцендентного и имманентного, внутреннего и внешнего в человеке.

В классической философии, парадигму которой задали такие фигуры как Р. Декарт и И. Кант, вопрос о соотношении внутреннего и внешнего решался следующим образом. Сознание объявлялось абсолютным,

настолько всеобщим и необходимым, что без него, как абсолютной достоверности «Я», невозможно вообще ничего. Нет никакой внешней реальности самой по себе, - все это реальность сознания (нет объекта без субъекта). Основной принцип классики - cogito, или «я мыслю», или трансцендентальное единство апперцепции. Этот принцип сопровождает все представления и является источником истины. В моменте самосознания происходит соприкосновение гносеологического аспекта с онтологией: трансцендентальное единство апперцепции демонстрирует тождество бытия и мышления. То есть, восприятие чего-либо, что синонимично осознанию, происходит таким образом и в той мере, в какой ухватывается сам факт, что «я сознаю». Субъект осознает себя идентичным тому, что он мыслит, в этом смысле единством самосознания задается тождество субъекта самому себе. И последнее, говоря о сознании в классической философии, имеется в виду трансцендентальное сознание, отличное от эмпирических, и не сводимое к ним. Этим задается поле «единого одного сознания» и непрерывность воспринимаемого опыта, то есть мы «... наблюдаем один и тот же мир, ...который существует в некоторой универсальной системе отсчета» [3. 12].

Однако, существует новая традиция трактовки вопроса о соотношении и взаимопроникновении внешнего и внутреннего, а именно через телесные практики. Например, М. Мерло-Понти задается вопросом о точке, в которой сознание входит в соотношение с природой. Заявляя о том, что восприятие – это не осознание согласно априорным правилам разума, М. Мерло-Понти говорит о теле, о телесных практиках, которые формируют человека. Именно тело является тем, что закрепляет человека в мире, но вместе с тем и способом выхода в мир. Благодаря телу человек понимает мир и дает ему значения, но и представлен в мире человек через тело: «Хотим мы того или нет, тела соприкасаются на этой странице, или, другими словами, эта страница сама есть прикосновение (моей руки, которая пишет, ваших, которые держат книгу). Это касание бесконечно искажено, отсрочено – оно опосредовано машинами, транспортными средствами, ксерокопиями, глазами, другими руками, - но остается мельчайшая упрямая частица, бесконечно малая пылинка повсюду прерываемого и повсюду осуществляемого взаимодействия» [5. 79-80]. Тело – граница между внутренним и внешним, и при этом не относится и не сводится абсолютно ни к первому, ни ко второму. Отсюда возникает основание задать Ж.-Л. Нанси вопрос: Тело мое или чужое? – «повсюду распространена тяжба о том, что считать «собственным» [1. 184]. М. Мерло-Понти разводит понятия: «чистое самосознание» и «природное сознание». «Чистое самосознание» – «я мыслю» (данное самому себе и абстрагированное от всяких случайностей) тем не менее основано на «природном сознании» – «я воспринимаю», которое всегда

воплощено: «... чтобы что-то видеть, нужно где-нибудь находиться...» [2. 60].

Из приоритета «я воспринимаю» по отношению к «я мыслю» вытекают следствия, которые расходятся с классической парадигмой. Поэтому требуются аргументы в доказательства того, что философия восприятия, основанная на телесных практиках, все же являются трансцендентальной.

Заканчиваю снова вопросом, который был поставлен в начале: может ли быть философия телесности трансцендентальной и на каком основании? Оставляем открытыми пути для вариантов решения этой задачи. С открытостью вопроса связана его актуальность в современной философии.

Литература:

1. Ашкеров А. Ю. Жан-Люк Нанси как антрополог современности // Человек. №5. 2000. С. 179-185.
2. Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. 344 с.
3. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси., 1984. 90 с.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. 607 с.
5. Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999. 255 с.

Проблема ментальных оснований человеческого бытия

Е.Н. Мостовой

Человеческая жизнь форматируется рядом ценностей, установок и безусловных предпочтений, с которыми он считается, такие установки обуславливают способ и цели действий, вместе с тем определяя и горизонт восприятия. Такие установки мы называем ментальными основаниями, то есть основаниями, существующими и формирующимися в ментальности как ментальные установки и тем самым обуславливающими бытие человека. Ментальность здесь рассматривается как отношение существования некоторого бытия и некоторого мышления.

Ментальные основания и установки, ментальное как таковое обнаруживают себя в существовании. Человеческое бытие экзистирует себя, и это экзистирование не беспорядочно, а определенно, то есть имеет некоторую форму или образ. Существуя, человек формирует его как бытие, тем самым, определяя образ этого существования. Человек в своем бытии имеет некоторое чувство целостности своего бытия, стремится его обрести и наделить им все, целостность выражает себя в некоторой общности и направленности, интенции и тенденции. Ментальность определяет целостность этого существования, тем самым, оформляя ее как целое. Таким образом, произвольность, свобода, тенденции существования, экзистенциальность находят своей основой

ментальное. Ментальность может быть не фиксируемой отчетливо, может быть вне поля внимания, но обнаруживать себя в существовании как в целостном, едином проекте образа себя. Ментальность по отношению к экзистенции обнаруживает себя как основание, которое определяет экзистенцию, пронизывает все сферы существования человека и в этом отношении имеет фундаментальный статус. Ментальность не является характеристикой разума, она скорее выступает формой существования разума, мышления и сознания.

Бытие человека есть его бытие, человек положен как бытийствующий и сознающий, где сознающий – осуществляющий процесс сознавания, самосознания, сознания себя, себя в себе, вне себя, вне сознания, в объективированной форме, отчужденно. Вопрос в том, как возможно бытие сознания? Оно возможно постольку, поскольку есть человек, и в бытии человека осуществляется переход между сознанием и бытием. Человек в своем бытии руководствуется некоторым принципом единства бытия, которое проявляется в построении бытия и определяет последовательность, целостность и единство актов бытия, таким образом, мы можем говорить о бытии человека как целостном бытии. Это основание определяет бытие, содержание бытия определено интенцией, оно имеет интенциональный характер и может быть определено как имеющее тенденцию, тенденция же определена содержанием основания бытия. Сведение бытия человека к некоторому основанию, полагая единство в бытие, мы демонстрируем в человеке наличие ментального, то, что определяется мышлением и действительно в бытии как принцип, которым мы руководствуемся в полагании бытия. При этом он может быть рефлексивно осознан, но не является необходимостью его настоящее удержание, в этом смысле его существование автономно, над-актуально.

Ментальность, взятая в философском смысле как основание, должна быть охарактеризована через понятие предельности. Предельность задается в данном случае в двух смыслах: предельность как полнота и предельность как осознание границы, то есть то, что понимать извне невозможно, и то, что за пределами, трансцендентно, а потому предполагает направленность – трансцендирование, в первом смысле представляя полноту бытия человека, заключает в себе его единство, единство мышления и существования. Таким образом, существование человека может и должно быть представлено в ментальности и быть ментальным. Но почему такое бытие возможно? Как возможно их единство? Предметом мысли является содержание мышления, ментальность представляет круг установок, которые определяют образ бытия. Такими установками выступают как ценностные установки, так и предпочтения, чем и определяется бытие человека. Данные установки, ставшие пределом осмысления могут быть изменены, тем самым, изменяя и бытие. Таким образом, изменения в мышлении автоматически

изменяют и бытие человека, в смысле существования и в смысле бытия. Мысль, предметом которой выступает ценность, как предел мышления и существования, взятая в предельности своего смысла, становится взятым в своем пределе бытием, то есть предельности становятся тождественными, а потому движение тождества является движением каждого его элемента как равного в своей предельности. Тогда ментальность выступает принципом единства мышления и бытия и тем самым приобретает онтологический характер, то есть становится фундирующим принципом.

Ментальные основания, то есть то, что определяет бытие человека, такие основания, которые задают форму и содержание, специфику бытия человека, можно назвать установками, так как большинство таких ментальных оснований представлено в качестве стереотипов, предвзятостей, ценностных убеждений, в пространстве которых осуществляется не только выбор нашей активности, но и направление, формы и содержание этой активности и деятельности, как теоретической, так и практической. Они задают наше мышление и существование, наши суждения и действия, выступая в качестве тех оснований, с которыми и на базе которых мы сверяемся в нашей деятельности.

Ментальные установки, рассмотренные как присущие индивиду, указывают на свою связь с генезисом его развития, то есть становлением самого человека и становлением ментальных установок, которые формируются в качестве стереотипов поведения в раннем возрасте, в качестве моральных ценностей в юношеском и так далее. В таком подходе проблема связана, прежде всего, с тем, что ментальные установки формируются изначально как интеллектуальные проекции мира в сознании человека и становятся определенной целостной картиной мира, как бы непосредственно воспринятого. Но на такое восприятие, безусловно, оказано влияние со стороны индивидуальных черт, таким образом, это отражение предносит не только мир, но и самого человека в этом мире. Далее процесс формирования ментальности изменяется, так как содержанием его становится не непосредственно отраженный предмет, а то, как мы его отражаем, не мир, а образ мира, но так как ментальные установки определяют не только сам предмет, но и форму предмета, то мы имеем дело с ментальностью, а не с миром. Ментальность становится как бы призмой, через которую мы не только воспринимаем, но и которой мы руководствуемся действуя. Из такого положения, когда реальность следует из мышления, вытекает ряд проблем экзистенциального плана. В статье А.Б. Мурашова [1. 99-103] указывается, что ментальные установки носят априорный характер по отношению к активности, которая осуществляется человеком, которую они определяют, так как выбор содержания и средств деятельности осуществляется до самой этой деятельности, такой выбор может быть осознаваемым или неосознаваемым субъектом деятельности, то есть

может быть не только априорным, но и сознательным и бессознательным, включая вытесненное и латентное в психике. Такие установки не обусловлены той деятельностью, которая осуществляется в данный момент. А в таком случае ряд ментальных установок может быть неадекватен той активности, которая в данный момент осуществляется и самой деятельности субъекта, но абсолютно с ними несовместима, что приводит к блокаде активности или полной или частичной, и их неэффективности.

Так как ментальность есть образ мира и себя, то, осуществляя самоопределение, человек в этом действии пытается обозначить свое восприятие, чувства и мышление, то есть эта самоидентификация есть прежде всего идентификация собственной ментальности или себя, представленного в ней как содержание, а что более важно, как способ этой представленности, это всегда выражение внутреннего. Но, понимая это, человек обнаруживает, что полностью свою ментальность он выразить, не может, для себя и для других она существует, но не явно, не целостно, а лишь локально ухватываемо человеком. Человек не мыслит ментальность как целое, не осознает ее содержания и оснований, не осознает ментальные установки, так мыслит уже из них самих. Таким образом, имманентно они осознаны быть не могут. Так как нет осознавания этих установок ментальности, то и нет адекватности их миру и деятельной активности, которую приходится осуществлять постоянно. В этом плане возникает проблема идентичности как экзистенциально значимая проблема. Ментальность указывает на экзистенциальный разрыв и источник напряженности в самом существовании ментальных установок.

Понимание формирования ментальности из мира реальности как отраженный образ в сознании было бы недостаточно, так как здесь сформулирована идея о мире самом по себе представленном в нас. Факт ментальности не привязанный к факту индивидуальной ментальности, а рассматриваемый как ментальность вообще, указывает на пример групповой ментальности. Человек, сменивший страну как окружение, вместе с тем меняет и ментальность, образ мира – на иной, отсюда и интерес к другому видению мира.

Итак, ментальность – не только сугубо индивидуальный феномен, но и феномен формируемый из себя, самовоспроизведение ментальности в сознании любого другого субъекта, включенного в поле ее существования. Таким образом, соотношение индивидуальной и групповой ментальности должно наличествовать, но это вряд ли так, так как нет групповой ментальности, есть ментальность конкретного индивида, которая может быть рассмотрена с социальной позиции. Ментальность самовоспроизводит себя в другом. Она не возникает из существования и подлинного переживания мира, она формируется из переживания другой ментальности, или ментальности как таковой,

сложившегося образа мира, процесса сознавания. Данное отношение обостряет экзистенциальную проблему разрыва существования и способа существования, так как способ, таким образом, вообще не связан с существованием, а связан сам с собой. Ментальная установка выступает в качестве социального явления.

Ментальность формируется априори как существование культуры, и включает ее как установки. Таким образом, ментальность как метакультурная проблема скреплена с тем, что она определяется культурой и цивилизацией. С развитием последних происходит изменение ментальности индивида, культура и цивилизация выступают внешним условием движения, развития, изменения, адеквации ментальных установок, но вместе с тем культура и цивилизация определяются ментальностью индивида, возникает проблема унификации, культурного однообразия. Априорное существование ментальности по отношению к человеку определяет его существование, выступая в качестве сверх-Я по отношению к Я человека, выступает и в процессе собственного становления, осуществляя разрыв между Я и сверх-Я. Именно этот механизм формирования ментальных установок, как механизм формирования культуры одно из возможных направлений дальнейшего рассмотрения проблемы, ибо обнаружено, что ментальность формируется самой ментальностью.

Литература:

1. Мурашов А.Б. Ментология как теория и практика ментальности // Имя: альманах метаномического опыта. Томск, 2001. С. 99-103.

Социальный аспект понятия адаптации на основе анализа различных концепций адаптации

Е.Н. Муравская

Томский политехнический университет

Стремительные социальные изменения, происходящие в нашем обществе и связанные с институциональными, структурными сдвигами, распадом устойчивых, самовоспроизводящихся связей, делают актуальным исследование проблемы социальной адаптации.

Многие исследователи отмечают, что собственно понятие адаптации имеет междисциплинарный характер и широко используется в различных науках:

- В биологии им пользуются для обозначения степени выживаемости особи и популяций, сприспособленности органов и частей тела (коадаптация);
- В медицине – для обозначения жизнедеятельности человеческого организма в норме и патологии;

- В гуманитарных науках под этим понятием подразумевается процесс и результат установления определенных взаимоотношений между личностью и социальной средой;
- В филологии используется понятие «адаптированный» текст;
- В технике и кибернетике применяется понятие «адаптированной системы», под которым понимается самонастраивающаяся система, радиотехническое устройство и т.п.

Объектом данного исследования является проблема социальной адаптации. Социальную адаптацию можно определить как процесс усвоения индивидом на протяжении жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит. На протяжении жизни человек как бы «включается» в культурный контекст, который имеет конкретно-исторический характер. Необходимо отметить, что процесс социальной адаптации является одной из сторон процесса социализации. Однако социализация человека идет, как правило, эволюционным путем, посредством накопления и усвоения предыдущего опыта, приобретения новых навыков, а механизм социальной адаптации носит более быстрый характер, когда нужно в относительно короткий промежуток времени активно устранить или усвоить создавшиеся прецеденты.

Цель данной работы – на основе анализа генезиса понятия адаптации выделить существенные черты (параметры), характеризующие гносеологический аспект понятия социальной адаптации.

Так как термин «адаптация» был введен в биологии, то, по мнению автора, исследование данной проблемы целесообразно проводить с анализа исторических концепций понятия адаптации.

В рамках биологической науки можно выделить два основных подхода к проблеме адаптации: телеологический и эволюционный.

Первоосновой, на которой сформировался телеологический взгляд на сущность адаптации, послужило истолкование целесообразности как свойства, изначально присущего живой материи. Именно так Аристотель трактовал понятие цели применительно к органической материи. Таким образом, первые попытки изучения понятия адаптации обнаруживаются в античной философии.

Позднее идея об изначальной целесообразности становится превалирующей при попытках объяснения различных явлений. В XVIII веке Вольфом А.Х. вводится понятие «телеологии», т.е. представления целесообразности как свойства, якобы изначально присущего живому.

В этот период начинают зарождаться эволюционные идеи в лице таких французских биологов, как Бюффон Ж., Ламарк Ж.Б., Сент-Илер Ж. и др. Именно эти ученые впервые подвергают тщательному анализу и изучению проблему адаптации. Бюффону Ж. принадлежит мысль о том, что основной механизм приспособления определяется прямым влиянием условий среды на изменяющиеся соответствующим образом организмы.

В начале XIX века эта идея послужила отправной точкой для дальнейшего развития принципа прямого (адекватного) приспособления.

Итак, рассмотренный этап в истории изучения проблемы адаптации, в основном, сводится к представлениям телеологического характера. Целесообразность понимается в качестве свойства имманентно присущего всему живому.

Второй этап в развитии проблемы адаптации был связан с формированием эволюционных идей Чарльза Дарвина. Ему принадлежит идея о существовании статистического механизма эволюции (принципа естественного отбора), который заложен в основу адаптациогенеза, т.е. приспособительного процесса. В соответствии с этой идеей процесс приспособления организмов к окружающей среде осуществляется путем выборки из числа разнонаправленных вариаций (полезных, индифферентных и вредных). Под эволюцией понимается процесс, направленный на выработку приспособительных реакций.

Изучение явления адаптации в медицине связано с именами таких ученых как Сеченов И.М., Введенский Н.Е., Ухтомский А.А. и др.

Общим для их представлений было положение, выдвинутое Сеченовым И.М., о том, что взаимодействие среды и организма является необходимым условием возникновения и развития адаптаций. По мнению Ухтомского А.А. в процессе этого взаимодействия активным фактором выступает организм, а его активность проявляется в избирательном отношении к среде. Павлов считал, что живая система существует в окружающей среде только благодаря непрерывному уравновешиванию этой системы с внешней средой, т.е. благодаря определенным реакциям живой системы на падающие извне раздражения.

Таким образом, первые попытки исследования механизмов адаптациогенеза строились на *организмоцентрическом принципе*. В его основе лежит признание неизменности и разобщенности вещей и явлений. По этому принципу сущность вещей неизменна, а их изменения незначительны, преходящи и не имеют никакого значения для содержания вещей и явлений.

Теория естественного отбора стала основой возникновения и развития *популяционноцентрического принципа*, т.к. естественный отбор требовал в качестве элементарной единицы эволюции не отдельный организм, а некоторое множество, популяцию. Поэтому эволюция представляет собой преобразование массовых (статистических) процессов. В результате обмена генетической информацией внутри популяции создается резерв наследственной изменчивости, который обеспечивает высокую адаптивную устойчивость при изменении окружающих условий.

Итак, рассмотрев и проанализировав различные концепции процесса адаптации можно выделить следующие характеристики, свойственные, в том числе, и социальному аспекту процесса адаптации:

- Целесообразный характер приспособительного процесса;
- Приспособительный процесс осуществляется путем выбора из разнонаправленных вариаций (полезных, индифферентных и вредных);
- Необходимым условием возникновения адаптации является естественное стремление живой системы к гармоничному взаимодействию с окружающей средой;
- Активным началом в этом взаимодействии является организм; его активность проявляется в избирательном отношении к среде;
- Цель взаимодействия организма и среды сводится к уравновешиванию внешних раздражений и определенных реакций живой системы;
- Приспособление может происходить без изменения сущности вещей, явлений; изменения могут быть незначительными и не менять содержания;
- Приспособление может осуществляться на уровне популяции. В таком случае в результате обмена генетической информацией внутри популяции может создаваться резерв наследственной изменчивости, который обеспечивает высокую адаптивность при быстро меняющихся условиях;

Необходимость подобного рассмотрения заключается, прежде всего, в том что:

1. Подобное представление понятия позволит более адекватно рассмотреть проблему социальной адаптации в контексте философского знания.
2. Актуальность такого исследования состоит в необходимости анализа современной общекультурной ситуации, обуславливающей основные механизмы процесса социальной адаптации.

Литература:

1. Философские проблемы теории адаптации. М., 1975. 277 с.
2. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984. 239 с.

Диалектика божественного и человеческого в контексте эсхатологии

А.С. Николаева

Конец? Нелепое словцо!
Чему конец? Что, собственно, случилось?
Раз нечто и ничто отожествилось.
И.Ф. Гете

В основании своем данная тема содержит вопрос о сущности человека, о смысле его существования; что, на мой взгляд, составляет фундамент философской рефлексии. Смысл же приоткрывается при соединении с понятием конца, и конца человеческой жизни, в частности.

Потому обратимся к эсхатологии.

Человек – существо конечное в плане его смертности и ограниченности проявлений его возможностей. Конец для человека неизбежно выводится из противоречия его природы и условий существования в этом конечном мире. Ограниченность человека должна найти свое оправдание. Должно существовать нечто бесконечное, безграничное, совершенное – в общем, абсолют, который бы и задавал смысл человеческому существованию. А подобные характеристики в религиозной философской традиции обычно приписываются Богу, в атеистической – инобытию, понятию Ничто. И в данной работе будут представлены позиции обеих сторон в русле экзистенциализма. Но предпочтение будет высказано в пользу христианского экзистенциализма, согласно которому сущность человека предзадана, и она имеет божественное происхождение. С противоположной точки зрения, первично существование, человек сам задает свою сущность. Но это способно породить произвол, человек может обожествить себя: т.е. произойдет подмена понятий – несовершенство и временность существования принимается за самодостаточность и вечность. Это далее будет рассмотрено на примере идеи сверхчеловека у Ницше. Моя позиция заключается в том, что философия не может не быть религиозной – не касаться вопросов веры. Ведь каждый человек во что-то верит, другое дело – во что...

Человеческое – «нечто», наличное; божественное же можно соотнести с понятием «ничто», т.к. оно не явлено, неизвестно, оно лишь находит форму проявления в виде духовности человека. Абсолютное соединение божественного и человеческого происходит при наступлении конца, т.е. смерти. А ее приближение позволяет обнаружить диалектичность человеческих основ.

Человеческое существование дихотомично: традиционно оно разделяется на субъективную и объективную, материальную и духовную сферы, чувственный и интеллигибельный миры; оно принадлежит «царству свободы» и «царству необходимости». Двойственность начал человеческой природы образуют диалектику, ведь эти начала находятся в связи друг с другом.

Композиционно данное исследование будет развиваться согласно следующим этапам: 1) обоснование диалектики: в чем заключается «человеческое» и «божественное»; 2) выявление условий, при которых проявляется сущность человеческой природы (с опорой на философию трагедии Л. Шестова); 3) обоснование возможности возникновения «опасных» последствий при выборе приоритетной компоненты его сущности (идея сверхчеловека у Ницше и С. Булгакова); 4) вывод о соотношении божественного и человеческого.

Человеческое в человеке связано с его пребыванием в реальности земного мира, которая отчасти является продуктом его собственной деятельности. Основная масса людей придерживается истин

посюстороннего мира. Человек есть существо общественное: находится в постоянном взаимодействии с себе подобными, по отношению к которым у него имеются определенные обязанности. Невозможность удовлетворить все свои потребности в одиночку и обустроить все сферы жизни обусловливают необходимость общественного устройства. Общество раскрывает сферу должного для людей, тем самым, ограничивая их свободу.

Человек, пребывая на земле, подчиняется законам природы. Он обладает телесностью и потому связан с пространственно-временными характеристиками.

Человека поглощает и каждодневная суета. Заботы о насущном, об обеспечении себе достойного образа жизни могут приобрести тотальный характер в области его интересов.

Что же есть человеческое с точки зрения философии? Обратимся к М. Хайдеггеру, известному современному философу, представителю атеистического экзистенциализма. В его философии имеет место человек бытийственный. Человек существует, т.к. экзистирует. Экзистенция – это «стояние в просвете бытия» [4]. Бытие есть отношение; человек соотносится с его истиной, его существо «существенно» для последней. Бытие пребывает в языке, деятельность которого осуществляет только человек. А суть деятельности и есть осуществление. Главным в человеке Хайдеггер признает способность экзистировать, открываться судьбе бытия.

Для экспликации же божественного перейдем к философии иной ветви экзистенциализма в лице Н.А. Бердяева. Божественное в человеке есть его дух: духовно он связан с Богом. И Бердяев выделяет следующие признаки духа: свобода, смысл, творческая активность, целостность, любовь, ценность, обращение к высшему божественному миру и единение с ним [2]. Человек свободен именно в плане своей духовности. Она позволяет ему покинуть пределы, в которые заключена его жизнь на земле. Бог, как абсолют, к которому направлены человеческие стремления, и понятие вечности задают смысл жизни, исключают ее абсурдность. Духовность задает целостность, ведь человек представляет собой духовно-телесное единство. Дух обладает творческой активностью – может создавать нечто новое. Посредством творчества реализуется тот потенциал, который ограничен в объективном мире. Творческий потенциал находит выход через активность разума. Разум способен рождать какие угодно идеи, уходить в область трансцендентного. И в этом, как мне кажется, тоже имеет место проявление божественного в нас.

Божественное будет превалировать в человеке, если он во главу поставит сознательность в высшей степени, духовные основы. Все в человеке должно исходить из него самого, дабы свобода нашла свое воплощение. Предела здесь нет, есть лишь бескрайний горизонт для самовыражения и самосовершенствования.

Так, я обрисовала диалектические начала человеческой природы. А каковы же условия их проявления? С разграничением божественного и человеческого актуализируется проблема конечности, имеющая отношение к эсхатологии. В трагические моменты, приносящие страдания, ставящие человека в тупик – в период кризиса – ему и приоткрывается смысл. Но кризис имеет положительное значение благодаря наличию некоего креативного начала в нем, ибо он рождает нечто новое после пересмотра системы ценностей. Интересно в данном контексте обратиться к философии трагедии Л. Шестова (работа «Ницше и Достоевский»). Началом этой философии является момент, когда человек под влиянием жизненных обстоятельств приходит к «страшному одиночеству», которое никто не способен помочь преодолеть. Но по наличию бунтарского свойства философ делит людей на обыкновенных и необыкновенных. Первые живут по нравственным законам, вторые же действуют по произволу, им «все позволено», они сами создают законы. Те ситуации, которые ставят первых в тупик, для вторых разрешимы, они находят новый путь. Таким образом, трагедия способна направить человека на осознание собственной сущности; она же может побудить его к религиозным исканиям. В период кризиса люди склонны взывать к помощи высших сил. Религиозность, конечно, может быть и искренним стремлением и самовыражением человека. Потому, в той или иной степени, человек есть существо религиозное, ибо он во что-то верит.

Представления же о наличии некого высшего разума зависят и от качеств самого человека. Ведь можно обожествить самого себя, ярким примером чему может послужить идея о сверхчеловеке у Ницше. Ницше критиковал христианство, т.к., по его мнению, оно исказило истины Христа. Сила Христа была в его поступках, христиане же ограничиваются верой. Таким образом, данный мыслитель утверждает прежде всего человека деятельностного. По Ницше, Бога нет, и человек, следовательно, один, предоставлен самому себе. Если человек – деятель, он не может подчиняться раз заданным заповедям. Таким образом, у Ницше нет обозначенной выше диалектики; он придавал значимость посюстороннему миру.

Ницше признавался Шестовым «необыкновенным» человеком, бунтарем, но это бунтарство исходило из эгоизма. Подобные мысли проводил в своих романах и Ф.М. Достоевский, провозвестник экзистенциализма. Именно в эгоизме и таится опасность.

У русского философа С. Булгакова тоже обнаруживается проблема сверхчеловека [3]. Он пишет, что т.к. человечество представлено личностями, то оно и порождает идею личного Бога, антихриста. Мир есть противостояние двух градов: один строится на любви к себе, другой - на любви к Богу. Человек и способен впасть в крайность, отдавая предпочтение тому или иному «граду». Булгаков призывал человечество верить в истины Христа. Воскресение Христа есть залог сохранения ценностей, особенно «абсолютной ценности человеческих

индивидуальностей». Христос является той идеальной личностью, в которой нашли свое равное воплощение как божественное, так и человеческое.

Итак, диалектика человеческой природы есть синтез божественного и человеческого в человеке, претворяющийся в нашем реальном мире посредством творческой активности. Человеческое всем явлено, божественное трансцендентно. Божественное – это сфера духовного, что находит свое воплощение в человеке в его духе. А творчество является своего рода человеческим бого-действием: в нем человек реализует свое богоподобие. Через творчество и свободный выбор возможен выход в вечность. На статус вечного претендует и память, в которой запечатлевается человек и плоды его творческой деятельности.

Связующим началом диалектических сторон человеческой природы может выступать любовь. Она способна изгонять страх, в частности, страх перед смертью (ужас небытия), давая тем самым возможность преодолеть трагедию, имеющую место в человеческой жизни. И в русской философии присутствует идея всеобщей, «братской» любви, что соотносимо с христианской заповедью «возлюби ближнего своего».

В данной работе утверждается единство диалектических начал в человеческой природе. Но необходимо разъяснить это единство. Сущность человека предзадана в том смысле, что он имеет божественное происхождение. Свое богоподобие человек подтверждает творческой активностью. Человек постоянно находится в творческом поиске, открывает мир, создает нечто новое. Творчество – это деятельность, имеющая языковое происхождение. И в этой мысли содержится сходство с идеями Ницше и Хайдеггера: первый утверждал человека деятельностного, также и второй, только с уточнением, что это деятельность языка, посредством которого человек открывает истины бытия. Этот момент, следовательно, является общим у этих философов с представителями русской философской традиции.

Заключение: в человеке имеет место единство божественного и человеческого, так как эти начала находятся во взаимодействии друг с другом, одно раскрывается через другое. И диалектика рассматривается в данном случае как синтез противоположностей. В перспективе же можно будет затронуть проблему критериев обозначения сущностных сторон человеческой природы и проблему веры (которая у каждого своя), ведь, как уже было указано, эгоизм способен привести к подмене понятий.

Литература:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1998. 384с.
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М., 1999. 312 с.
3. Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Спб., 1997. 589 с.

4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1998. 552 с.
5. Шестов Л. Сочинения двух томах. Т.1. Томск, 1996. 512 с.
6. Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994. 115 с.

Против однозначной эстетической трактовки смерти

А.Н. Новожилова

Чаще всего в литературе и искусстве смерть изображается как начало злое и безобразное. Особенно наглядно это представлено в американском кинематографе, который сейчас является наиболее массово распространенным и не в последнюю очередь влияет на оценку различных явлений этой же массы зрителей.

В то же время в истории культуры, особенно в истории японской культуры, наше внимание останавливает необычное с общепринятой точки зрения отношение к смерти. Удивляет прежде всего эстетичность феномена смерти, ее идеализация, которая и позволяет рассматривать смерть как феномен эстетический.

Для начала определим термин эстетическое. Разумеется, это будет рабочее определение, так как на эту тему написана не одна книга. Итак, эстетика связано с ударом по чувствам, и в то же время оно предполагает некоторую идеализацию, то есть некоторую духовность.

Теперь, когда определен термин, можно переходить к постановке вопроса. Возможна ли и если возможна, то как, эстетическая трактовка смерти, трактовка ее с точки зрения прекрасного, если учесть, что область эстетического описывается категориями прекрасного и безобразного? Сама возможность такой трактовки, безусловно, теоретически выводится из возможности трактовки смерти как безобразного. Поскольку в философской традиции смерть не рассматривается с точки зрения эстетики, а только отражается в произведениях литературы и искусства, то для подкрепления своих рассуждений к ним я и буду обращаться.

Целый пласт культуры Востока, а точнее, культуры Японии воспитывался в уважении к смерти. Смерть во имя любви, двойное самоубийство влюбленных, считалось красивым завершением любой истории. Более того, это считалось наиболее предпочтительным концом. В самом деле, смерть идеально завершала картину любви в самом ее расцвете, не давая ей скатиться к увяданию. (Впрочем, не чуждо это и западному мышлению, вспомним хотя бы Ромео и Джульетту.) Смерть как отрицание дальнейшего неэстетического существования.

Или героизм альтруистического самоубийства, который оценивается с этико-эстетической точки зрения. Причем этика и эстетика в оценке неразрывно сплавляются друг с другом, как прекрасное и доброе в понятии калокагатии у греков.

Вот уже два примера положительного отношения к смерти, не говоря уже о состоянии современного искусства, в котором есть направление, включающее в себя смерть как эстетическую канву картины или же изображающее смерть в открытую, причем без всякого ее осуждения, но наоборот, всячески утверждая ее красоту.

Своеобразным апостолом от смерти является Юкио Мисима, его произведения – смерть в эстетичной форме, поэтизированная смерть. «Японское искусство обогащает не жестокая и дикая смерть, а скорее смерть, из-под ужасающей маски которой бьет ключ чистой воды. Этот ключ дает начало многим ручейкам, которые несут свою чистую воду в наш мир» [1. 303].

Такая оценка смерти тоже требует своего внимания, своего раскрытия, возможного в феноменологическом исследовании.

Причем пути исследования данного феномена могут пролегать не только в русле эстетики, но и затрагивать морально-этические нормы, заходить на территорию религии, где достойная смерть гарантирует спасение души.

Литература:

1. Книга Смурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Нюмон. - Евразия, Спб., 2001.

Гражданское общество в античности: социально-философский и политический аспекты

Г.А. Окушова

Томский государственный педагогический университет

Концепт гражданского общества является одним из немногих теоретических конструктов, устойчивый интерес к которому присутствует в политико-философском дискурсе различных исторических эпох. Его становление как некой модели существования человеческой общности в условиях политического процесса происходит в период Нового времени и связано с именами Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш.Л. Монтескье, Ж-Ж. Руссо и др. К концепции гражданского общества возвращаются философы и политики XIX и XX века: И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, А. Грамши, К. Поппер, М. Фуко, Ю. Хабермас. Такое постоянство имеет под собой серьезные основания, связанные с желанием научного сообщества понять природу социально-политической жизни общества и определить возможные способы управления ею, а также условия для самоактуализации и самореализации гражданина как субъекта политики.

В связи с этим, следует обратить особое внимание на проблему исторического развития идеи гражданского общества, как в теоретическом, так и в практическом плане. Понятие «гражданское общество» имеет античное происхождение, и как утверждают М.В.

Ильин и К.С. Гаджиев, его возникновение связано «с появлением гражданина как самостоятельного и политического актора, обладающего определенными правами и наделенного обязанностями». Оно существовало в двух языковых вариантах: в латинском (societas civitis) и в греческом (koinonia politike). Гражданское общество представляло собой совокупность граждан, занимающихся решением полисных вопросов. Гражданское общество античности мыслилось как политическое, и, по сути, являлось синонимом понятия государство. Но мнения ученых разделились относительно существования гражданского общества как социально-политического феномена. Одни считают, что ни античность, ни средневековье не знали гражданского общества как социально-политического феномена, так как в этот период отсутствовали идеи частного, индивидуального права, границ государственной власти, гражданского выбора участия или отказа от политической жизни (К.С. Гаджиев, И.Б. Левин). Другие, исходя из определения, что человеческая общность становится гражданской только при условии включения политического содержания в ее развитие, утверждают о существовании гражданского общества как общественного явления уже в античный период (А.М. Перфильев).

Целью данной работы является анализ особенностей социально-политической жизни античного полиса и философских подходов к ее осмыслению. Гражданское общество – миф или реальность в античной истории, тактика или стратегия политики греческого полиса, особенное или универсальное социальной реальности?

В античной философской мысли впервые появляются работы, посвященные анализу политических проблем социальной реальности, и направленные на поиск путей их разрешения. Особенностью древнегреческого социально-политического устройства является полис. Это город – государство, характеризующийся замкнутой политической культурой и своеобразными институтами демократической направленности. Эпоха античности – это период трансформации социальной реальности, который Ж.-П. Вернан называет переходом «от микенской дворцовой цивилизации, близкой по своему устройству восточным царствам того времени, к социальному универсуму полиса – города-государства», способствовавшим осознанию «особенного значения слова, иначе говоря, языка, ставшего решающим орудием политики, а значит, и всей социальной жизни полиса» [1. 15]. Формирование демократических институтов, начатое реформами Солона во второй половине VII века в Афинах (конституция, избирательная система, народное собрание, суд) и продолженное Периклом в V веке, надолго определило главную тему философских размышлений того времени. Для правителей-реформаторов было характерно стремление разумно устроить и упорядочить социальную жизнь полиса. В стихах правителя Солона отражается философия того времени: «Благозаконие

всюду являет порядок и стройность... Всюду, где люди живут, разум с порядком царит» [2. 150].

Античный полис представлял собой стройную политическую систему с четко обозначенными структурно-функциональными связями. Народное собрание как законодательный орган власти, народный трибунал, выполняющий судебные функции, архонты – исполнители гражданской воли и гражданин полиса – системообразующий элемент греческого города-государства. Участие граждан в народном собрании рассматривалась как их гражданский долг – право и обязанность. Надо отметить, что гражданство имели не все жители полиса. В устройстве социально-политической жизни полиса ярко прослеживается тенденция к порядку и рациональной организации. Полис – это первая попытка сочетания в социальной жизни двух принципов: единства и плюрализма. Условием успеха и интегрирующей силой является Разум, воплощенный в человеческом духе. Разум, позволяющий из хаоса создать порядок, сохранить единство в противоречивом многообразии.

Говоря об особенностях социально-политической жизни античного полиса, следует отметить ее парадоксальность, проявляющуюся в сочетании демократических институтов с абсолютным бесправием людей, не имевших гражданских прав, в том числе женщин и рабов. Следующей особенностью является стремление к рациональности и порядку, реализованное в установлении принципов и законов существования полиса. И самой главной особенностью греческого полиса, требующей особого внимания, является риторика – искусство говорить. Жизнь античного города-государства наиболее ярко демонстрирует роль языка и коммуникации в социально-политической деятельности. А. Боннар приводит слова Фенелона: «Все в Греции (правильнее было сказать – в Афинах) зависело от народа, а народ зависел от слова» [2. 146]. Ю. Хабермас, задавая понятие общественности в своей концепции гражданского общества, усматривает ее рождение в жизни греческого полиса, где она конституировалась в обсуждении гражданами общих проблем и проявлялась в таких формах как совещания, дискуссии, суд, решение, совместное решение. Демократичность города-государства проявляется не столько в наличии выборности и коллегиальности власти, сколько в открытости и риторике общественной жизни. М.К. Петров замечает: «Мир общения, в современном его срезе гражданского общения – доказательного рассуждения, аргументации, опровержения, спора и всего того, что древние называли диалектикой, искусством с равной убедительностью говорить за и против на любую тему, попадает в сферу внимания философии с момента ее возникновения» [3. 55]. Но именно это обстоятельство способствовало негативной оценке демократии и игнорированию гражданского общества как одной их форм социальной реальности. Осознание роли языка в политике, его амбивалентности, способности ставить под сомнение истину, подводить к конфликту или

консенсусу заставило философов искать пути преодоления власти языка. Язык как главное орудие политики, как условие демократии является причиной неустойчивости полиса и его поражения.

Но полис, город-государство, оказался не самым лучшим образцом государственности и пал под натиском имперских амбиций Ф. Македонского. Именно в этот период появляются работы Платона и Аристотеля, ищущие причину неустойчивости демократии и конструирующие модели идеального государства. Социально-политическая философия Платона представлена в двух работах «Государство» и «Законы», написанных в период кризиса полиса. Идеальное государство – это справедливость, воплощение гармонии Космоса, человеческой души и государства. Для него характерна смешанная форма правления: монархия и демократия. Платон не принимает демократию, так как считает ее предтечей Хаоса. Демагогия, отсутствие ценностей и личных убеждений, характерные для демократии, приводят, в конечном счете, к распаду государства и деградации человека. Платон говорит о необходимости следования разумным началам в вопросах управления государством, используя в качестве обоснования мифы. Древнегреческий философ Аристотель, размышляя об особенностях социально-политической жизни полиса и обобщая его опыт, вводит в философскую лексику образ гражданина полиса и гражданского общества как совокупности граждан. Аристотель исходит из принципа телеологизма. Государство представляет собой энтелехию общества, целое предшествующее части. Государство – это естественное явление, которое проистекает из природы человека, оно всегда первично. Аристотель обосновывает связку: человек – семья – община – государство. Человек достигает самореализации только при условии политического общения. Гражданин – это человек участвующий в политической жизни, государство – это совокупность граждан. Гражданское общество – это понятие тождественное государству. Добродетель гражданина заключается в укреплении того типа общения, который господствует в политическом строе, и в способности подчиняться и властвовать. К демократии Аристотель также относится с некоторым скепсисом, так как в ней аффекты чаще всего доминируют над душой, телесное – над разумным. Аристотель создает проект идеального государства – политию. Понимая, что государству присуще противоречивость в интересах, Аристотель пытается найти ресурсы для сглаживания противоречий. И парадоксально, находит их в риторике. Платон желал ее изжить, а Аристотель видит в ней конструктивное начало. Законы государства должны отражать своеобразие общественной жизни и способствовать ее стабилизации.

Таким образом, концепты Платона и Аристотеля очень схожи. Свобода понимается как противоположность рабству, государство отождествляется с обществом. Идея справедливости и общего блага выступает как побуждающее начало. Закон и власть, государство и

гражданин, типы правильных и неправильных государств, социальное и политическое разделение, критерии и основания для управления государством – все это впервые задается в философских работах Платона и Аристотеля. Платон выступает против демократии, его идеальным государством управляют философы, знающие, что и как говорить. В целях укрепления государства он предлагает систему общественного государственного воспитания. Аристотель также уделяет особое внимание риторике, так как она является наиболее эффективным средством политики и ресурсом стабилизации общественной жизни.

Устройство греческого полиса, особенности его социально-политической жизни и подходы философов к его осмыслению отражают специфику античного мышления. О. Шпенглер писал, что это «не есть мышление о пространственных отношениях, но мышление об отграниченных для телесного глаза, осязаемых единицах» [4. 122] и указывал на «глубокую метафизическую боязнь перед преодолением осязательно-чувственного и настоящего» [4. 122]. Античное мышление – это акцент на статике, на «настоящем и здешнем», на понимании предела как осязаемой меры, это отсутствие понятий времени и пространства. О. Шпенглер отмечает: «Полис есть наиболее маленькая из всех мыслимых государственных форм, и его политика, определенная политикой близких окрестностей, есть полная противоположность нашей кабинетной дипломатии, являющейся политикой беспредельного» [4. 145]. В соответствии с существовавшей античной картиной мира, О. Шпенглер сравнивает полисы с «политическими атомами». То, что находилось за границей полиса, греками воспринималось как Хаос – нечто «безобразное и невысказанное». Полис – это преодоление Хаоса, и с точки зрения И. Исаева он «олицетворяет собой космос и порядок, его гармония не придумана людьми, а задана свыше. Его внутреннее многообразие не мешает единству» [5. 58].

Надо отметить, что демократические реформы греческих правителей, ориентированные на порядок и рациональность, обосновывались идеей управления Разума миром. В. Дильтей, выделяя три мотива метафизики, писал: «Божественный разум – принцип, которым обусловлено разумное в вещах и которому родственен разум человека; этот принцип позволяет познать космос в его разумности, в его логическом, математическом, гармоническом, имманентно целесообразном устройстве и вместе с тем предоставляет основу и уверенность целесообразно формирующейся деятельности разумного человека» [6. 10]. Разум задает легитимность рационализации общественной жизни греческого полиса. Не случайно в идеальных проектах государства присутствуют понятия блага, справедливости и гармонии. А. Чанышев, рассматривая политические традиции античности и средневековья, отмечает две особенности политических теорий: синкретичное понимание морали и политики и социо-антропоморфизм. Он отмечает, что «человек мыслится подобным обществу и наоборот, общество уподобляется человеку» [7. 5].

Действительно, Платон пишет: «...справедливый человек не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливости, но, напротив, будет с ним схож» [8. 221]. В античном понимании общество и человек соразмерны друг другу и поэтому, в построении идеальных государств используется принцип аналогии согласно которому государство-общество наделяется человеческими качествами. Платон, определяя свойства того или иного строя (монархии или демократии), рассматривает «как эти свойства отразятся на отдельной личности» [8. 362.]. М.К. Мамардашвили отмечает в связи с этим следующее: «...основная политическая идея, вытекающая из греческой связки космоса, души и полиса, была такова, что греки как бы считали, что общество, чтобы хорошо работать, должно максимально отражать собой то, из чего составлен человек» [9. 307]. Стремление к соразмерности есть движение к гармонии духовной и социальной, к снятию социальной напряженности, объективно присутствующей в природной дифференциации общества. В конечном итоге, это способствует воплощению принципа справедливости в государстве.

Таким образом, античная философия позволяет нам выделить некоторые принципы в конструировании социальной реальности греческого полиса. Первый – это ориентация на порядок и рациональность, обоснованная идеей управления Разума миром. Разум задает легитимность рационализации общественной жизни греческого полиса. Второй – это стремлении к гармонии космоса, души и полиса, снимающей противоречивость социальной реальности. И третий – это коммуникация и язык, являющиеся основанием для конструирования социальной реальности. В исследовании гражданского общества как одной из форм социальной реальности, греческий полис должен выступать как социальной артефакт (М.К. Мамардашвили), характеризующийся наличием конструктивной основы (символа) и возникающих в связи с этим отношений. Социальное существует в виде законов, общения, материи человеческий связей [9. 109]. В гражданском обществе проявлением этой социальности является гражданственность. В полисе оно проявлено как идея необходимого участия, «полного присутствия в любой нераздельно малый момент», как акт высказывания, формирующий политическую жизнь.

Литература:

1. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
2. Боннар А. Греческая цивилизация. Т.1. Ростов-на-Дону, 1994.
3. Петров М.К. Роль языка в становлении и развитии философии // Историко-философский ежегодник. М., 1991.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
5. Исаев И.А. Метафизика власти и закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998.

6. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. Москва-Иерусалим, 2000.
7. Чанышев А.А. История политических учений. Классическая западная традиция (античность – первая четверть XIXв.). М., 2000.
8. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. М., 1999.
9. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1997.

К феноменологии личной собственности

Л.В. Подшибякина

Феноменологический анализ личной собственности в широком смысле и одежды в частности неразрывно связан с феноменологическим описанием тела человека, поскольку именно тело является выражением человека в мире. В связи с этим возникает потребность проделать анализ личной собственности и одежды, основанный на феноменологическом описании конституирования телесности, и особенно на идее двойного схватывания.

Гуссерль отказывается от кантовского понимания тела как вещи-в-себе. Для него тело есть то, что конституируется чувственным восприятием, а именно, тактильным восприятием. Тактильное восприятие отличается от любого другого тем, что оно всегда телесно локализовано. Сравнивая тактильное восприятие со зрительным, Гуссерль специально обращает внимание на то, например, что видимое никогда не локализуется в самом глазе, который, собственно, и видит.

При феноменологическом описании характеристик тактильного восприятия, обнаруживается феномен так называемого «двойного восприятия». Например, если человек что-то трогает рукой, то он воспринимает это что-то как объект восприятия плюс собственное тактильное ощущение руки. Если он притрагивается одной рукой к другой своей же руке, то каждая рука становится и объектом и субъектом тактильного ощущения.

Если обратиться к восприятию собственной одежды и к инстинкту личной собственности то общим в них является то, что вещь воспринимается как продолжение человека.

Восприятие вещи как продолжение самого себя предполагает три последовательных момента:

– перенос (трансфер) собственной внутритактильной интенции на факт присутствия вещи для человека, т.е. момент «оживотворения» («оживления + одухотворения») вещи;

– вычленение себя в качестве самостоятельного субъекта из процесса восприятия;

– отождествление перенесённого на вещь содержания с собственным внутритактильным ощущением, т.е. момент отрицания самостоятельного существования вещи.

Эти три аналитических момента можно синтетически представить в следующей форме: отождествление собственного внутритактильного ощущения с результатом переноса внутритаткильной интенции на вещь. На основании этого возникает восприятие вещи в качестве части или продолжения самого себя.

Как личная собственность в широком смысле, так и одежда в частности феноменологически воспринимаются продолжением собственной телесности. Однако одежда как таковая обладает дополнительной характеристикой. В чём же состоит эта характеристика.

Специфика восприятия одежды заключается в том, что человек не просто воспринимает её как продолжение собственного тела, но рассматривает как его полноправное выражение. Личная собственность в широком смысле таким выражением не является, хотя и мыслится неразрывно с человеком.

Так, например, П.А. Флоренский был уверен, что одежда является внешним продолжением тела, аналогичным волосяному покрову животных или оперению птиц. Одежда врастет в тело человека, и в зрительно-художественном отношении представляет собой явление самого тела. Флоренский указывает на интуицию общности волосяного покрова тела и одежды. Однако помимо этой общности необходимо установить и их феноменологическое различие.

Если рассмотреть волосы с позиции телесности, конституируемой посредством двойного схватывания, то следует признать, что они не могут считаться телом человека, поскольку не содержат внутритактильного ощущения.

Однако их также нельзя не считать телом, потому что они очень тесно связаны с тактильным ощущением поверхности тела, из которого они растут. К тому же волосы несут на себе все прочие характеристики человеческой телесности, воплощая его эстетические, эротические, символические и т.п. свойства. На основании этого собственные волосы воспринимаются не как лишенные внутритактильного ощущения, но как обладающие бесконечно ослабленным тактильным ощущением. Иными словами, волосы феноменологически отличаются от остальных элементов тела не качественно (наличием или отсутствием тактильного ощущения), а количественно (большей или меньшей степенью проявления тактильного ощущения).

Человек воспринимает свои волосы как элемент собственного тела, только это восприятие бесконечно ослаблено в рамках его внутреннего восприятия. Восполняя эту ослабленность, человек переносит свои внутритактильные ощущения на собственные волосы и, благодаря этому, считает их полноценным выражением своего тела.

Такое отношение к волосам, человек воспроизводит и в отношении к одежде, которая отличается от основного тела уже не количественно, а качественно, так как одежда в принципе не может иметь собственных внутритактильных ощущений.

Человек проецирует на одежду свои собственные внутритактильные ощущения, дифференцируя тем самым внутритактильное ощущение как таковое и внутритактильное ощущение перенесенное на одежду и посредством этого воспроизводит структуру двойного схватывания, которая, согласно Гуссерлю, конституирует телесность человека. Структура одежды воспринимается с точки зрения конституирования телесности, где смена одежды уподобляется обмену веществ внутри тела, одевание – питанию и т.п. Подобное восприятие одежды приводит к тому, что прикосновение другого через одежду воспринимается как прикосновение к собственному телу.

Личная собственность в широком смысле также воспринимается человеком как продолжение своего тела, но она никогда не является полноценным выражением человеческого тела. Недостаток личной собственности умаляет человека в собственных глазах не в столь значительной степени, как ущербная одежда. Прикосновение через одежду человек воспримет как непосредственное прикосновение к себе, в то время как прикосновение к личной собственности воспринимается как вторжение в личностное пространство, при котором, однако, человек еще не открыт для другого.

Следует более подробно остановиться на том, каким образом человеку дано чувство личной собственности. Общим моментом собственности и телесности является то, что как через собственность, так и через тело человек присутствует в мире. А поскольку присутствие человека в мире есть всегда присутствие целого, то собственность и тело в самосознании человека составляют некоторое нерасторжимое целое, посредством которого он обнаруживает себя в мире.

Одежда настолько тесно связана с телом, что часто выступает символом рождения и умирания. Также тесно связана с рождением и смертью собственность. Она столь же интимна, как и человеческое тело и подлежит сокрытию от публичности. Основные характеристики тела (рождение и умирание, интимность, сокрытость от публичности и т.д.) можно перенести не только на одежду, но и на личную собственность. Несмотря на то, что в обычном смысле собственность не воспринимается как нечто, непосредственно выражающее и открывающее человека, тем не менее, в своем первоначальном смысле она вполне может выполнять эти функции, что стирает границу между собственностью и одеждою.

Однако можно выделить еще один момент, принципиально отличающий одежду от личной собственности в широком смысле. Личная собственность всегда мыслится как продолжение тела, одежда же способна не только продолжать тело, но и подменять его. Фундаментальным свойством одежды является способность редуцировать тело, сводить его к частным проявлениям частей тела (например, лица и рук) на фоне одежды. Более того, в публичной жизни человек способен воспринимать лицо только при условии, если в качестве его дополнения выступает не обнаженная фигура, но фигура,

покрытая одеждой. Это означает, что тело как таковое редуцируется в восприятии, сводится к лицу и одежде.

Кроме того, в обществе человек выражает себя через тело принципиально иначе, нежели когда остается наедине с собой. Основным заместителем целостного тела в социуме служит лицо. В сообществе оно является полноправным репрезентантом всего человека. Одежда, руки, контуры фигуры – являются не более чем дополнением лицу. Даже само значение слова «лицо» трансформировалось в языке таким способом, что часто служит для обозначения круга понятий, связанных с восприятием всего человека, как персоны, личности, индивида, социального субъекта и т.д.

Феноменологически редукцию тела как такового к социальному выражению тела можно представить в двух ключевых моментах:

– перенос внутритактильной интенции на одежду, благодаря чему одежда конституируется в качестве тела посредством двойного схватывания;

– элиминация всех внутрителесных ощущений, связанных с той поверхностью тела, которая покрыта одеждой через проецирование их на одежду.

Момент редукции тела к одежде является основанием для отчуждения от тела всех его личностных характеристик и превращение тела во внешний объект. Редукция тела к одежде исключает возможность его обнажения в социуме. Поскольку обнажение тела в обществе воспринимается как обнажение внутренних органов, то есть как разрушение целостного восприятия тела, то это всегда сопровождается неприятными переживаниями. Опредмечивание тела и отчуждение от него личностных характеристик является защитой от этих негативных переживаний.

На основании сказанного можно сделать вывод, что отношение к личной собственности в широком смысле отличается от отношения к одежде по следующим параметрам:

– отношение к одежде феноменологически воспроизводит структуру отношения к собственным волосам, то есть уподобляется отношению к конкретному проявлению тела, тогда как личная собственность подобного уподобления не предполагает;

– одежда воспринимается не только как продолжение тела, но и как его выражение для другого, личная же собственность удовлетворяет только первому моменту.

– тело редуцируемо к одежде, но не к личной собственности в широком смысле.

Литература:

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии, кн.1. М., 1999.
2. Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.
3. Флоренский П.А. Иконостас. СПб., 1993.

Мысль-событие, возможности актуализации

Е.Г. Ромахина

Представленное исследование отвечает интересам современной философии в разработке одного из фундаментальных вопросов онтологии и теории познания: какие условия необходимы для порождения особенного или нового в объективном мире. Наличие объективного мира заранее декларирует предзаданность результатов познавательного процесса и творческого акта. Всякого рода креативность мышления относится классическим представлением к повторению модели творчества. Бог-творец через атрибут подобия сообщает своему творению возможность быть и быть «Тем же самым». Всякий творческий акт восходит к истинному миру, Благу и Единому. В классической философии познание – поиск наиболее прозрачной точки сознания, где объективный мир не будет искажен, но отчетливо зафиксируется в понятийной системе. То есть платоновский субъект познания через творческий акт соотносится с подлинным, происходит его самоидентификация как уже данного. Мир центрируется через Я, через причастность Бытию.

В философии постструктурализма производится деконструкция целостного представления. Творческий акт осуществляется не через соотнесение со смыслом уже данного, но конституирует смысл локальными сингулярными событиями. На этом материале строится мое исследование относительно условий порождения особенного в объективном мире. Креации заменяются осуществлением мысли как события. Центральным понятием моей работы является «мысль-событие» - процесс выражения и само выраженное. Однако выраженное не фиксируется в «последнем имени», а имеет природу номады, нонсенса. Мысль-событие, если пользоваться терминологией Делеза – «плавающий элемент между сериями», позволяющий репрезентировать жизненную интенсивность как ритм до структуры, до текста.

Классическое представление о мысли как когнитивном акте обусловливается наличием субъекта мысли и определенных законов познания. Условие осуществления мысли - отсутствие самотождественности субъекта. Выразитель безсубъектной мысли – человек, не понятие, но, по выражению Делеза, «пучок», сочетающий различные линии смысла. Таким образом, я подчеркиваю принципиальную разницу между редукцией к представлению, субъекту – и человеком, обладающим предельной выразительностью живой интенсивности. Мысль-событие осуществляется не только в отсутствии субъекта представления, но и в отсутствии образа мысли как цели движения. В событии мысль не фиксируется и не обретает завершенности. Мысль, ставшая событием – это выраженная мысль, это ее предельность в качестве мысли, предельность не позволяющая ей отпечататься в «последнем имени», вечная «оттяжка через отсрочку,

переадресование, пролонгация, отправка, обход, промедление, откладывание в запас» [3. 18]. Представление фиксирует мысль на понятном. Мысль-номада – не организованная структура, но «элемент между серий», способный к деконструкции представления. Сознание, смоделированное через отсылку к самотождественности, мешает мысли осуществиться, а человеку быть Другим. Основная задача работы – отобразить условия, при которых мысль займет позицию события, т.е. условия при которых статичную модель мысли заменит динамика процесса выражения.

Мысль-событие существует в разломе между двух онтологий. Онтология глубины – представление упаковывает мысль. Онтология поверхности – эффекты. Для онтологической трещины: бытие ни есть не Бытие глубины, не способ бытия, но избыток – ритм мысли-события. Ритм доступный лишь сингулярностям, уникальному, особенному. Само определение мысли-события через ритм основанием имеет «семиотический ритм». Отсылка к семиотике достаточно характерна для постструктурализма. В поэтике Кристевой сомиотический ритм – вечное движение, заданное «дерганным неупорядоченным ритмом энергии либидо», это «гено-текст», т.е. то, что относится к самому образованию ядер смысла, это становление, оставляющее в последствии следы во внешней структуре. «Чем больше «прорыв» семиотического ритма «негативизирует» нормативную логическую организацию текста, навязывая ему новое означивание, лишенное коммуникативных целей, тем более такой текст, с точки зрения Кристевой, будет поэтическим, и тем более трудно усваиваемым, если вообще не бессмысленным, он будет для читателя» [5. 170]. Ритм относится к предъязыковому уровню, степень понятности зависит от внешней структуры. Однако возможность уникального, или в случае Кристевой – поэтического, которое является текучим и сложным объектом исследования, обусловлено именно семиотическим ритмом [6]. Внутренняя структура как ритм особенного зафиксировано Ж. Деррида в понятии «differance».

Онтологическая проблематика переводится ритмом особенного с «Тождественного» на различное, степень измерения бытия – события, свободные от темпоральности, эмпиричности и возможности предосмысления. Представление как целостная картина мира в восприятии субъекта познания лишается статичного основания. Метастабильность когнитивного процесса разбивается мыслью-номадой. Деконструкция представления – основное условие для процесса осуществления мысли. Следующий вопрос: как возможно выраженное?

«Человек» – представление жизни, собственно, репрезентативная форма жизненной интенсивности. «Человек» – средство выражения, но в случае, когда он есть «результат собственных событий», он предел выражения, граница выразительности. Любое действие или происшествие относятся к структурности или сериации и являются возможным для осуществления. Мысль-событие – всегда актуальное и

осуществленное. Для человека – это прежде всего состояние, но такое состояние конституируется техниками, следовательно «человек» – результат осуществления или само выраженное. Под техниками я подразумеваю сознательное «впадение» в состояние доиндивидуальной динамики, позволяющей осознать свою репрезентативную функцию в отношении жизненной интенсивности. Эти техники, как правило, связаны с жестокостью к себе, к представлению о себе как о личности.

Собственно выражение является прежде всего движением, процессом. Мысль номадична, а событие – нонсенс; принимая последнее как условие выраженного, я следую за Деррида, призывающего отказаться от ностальгии о «последнем имени»: «Это неименуемое – отнюдь не некое невыразимое бытие, к которому не может приблизиться никакое имя: Бог, например. Это неименуемое – игра, которая производит именные результаты...» [4. 401]. Наиболее уместной аналогией для нашего понимания человека является антропологическая концепция буддизма. Человек не сводится к концептуальному единству, в буддизме отсутствует понятие души. Шунья – пустота или пустотность – отказ от «последнего имени». Череда сменяющих друг друга событий или состояний (дхарм) позволяет человеку в полной мере осуществиться, при принятии их мерцающей природы. Нет необходимости вводить дополнительные сущности, достаточно стать своими событиями в постоянно ускользающем моменте настоящего, в «точке двух направлений». Человек – предел выразительного, однако он не является медиумом, так как в этой ситуации пришлось бы обратиться к некой третьей инстанции, источнику невыраженного. Человек и есть свои события, мысль с необходимостью состояться. Нет необходимости вводить референт выразительному – такова природа нонсенса. То, что мы назвали техниками мысли, собственно, и конституирует человека на пределе его выразительности.

В культуре техники осуществления мысли многочисленны: от философии и искусства до способов единичного впадения в мысль. Наиболее концептуализированной на настоящий день является возможность театра к осуществлению мысли-события. Чистой репрезентативной формой, наибольшей выразительностью является актер. Среди теоретиков театра давно актуализировалась именно тематика выразительности. В постструктурализме к театральной выразительности обращались и Ж. Деррида и Ж. Делез, тема театра и актерства как предела человеческой выразительности – это стихия Арто, вслед за ним П. Брука, Ежи Гротовского, Мерса Каннингема... К теме театра обращаются Фуко (Theatrum philosophicum), в качестве метафоры использует Р. Барт.

Безусловно, для Арто, Гротовского, Каннингема театр – это, прежде всего, поиск выразительного, возможность осуществить мысль в качестве события, т.е. техника, действие, процесс.

Осуществление мысли-события в театре обусловлено теми же требованиями отказа от самотождественности и от разрыва темпоральностью. Настоящее актера не заданно прошлым, не

сориентировано на будущее, оставаясь между двух направлений, оно, по выражению Делеза «самое узкое, самое тесное, самое мгновенное и самое точечное». Проводимость события в игре актера уникальна за счет того, что полностью свободна от ограничений индивидуального и личного. Блестящий пример такого актерства – стратегии Арто и Гротовски. Хороший театр свободен от психологизмов и не требует от актера проявлений собственных способностей, но, напротив, выдвигает требование жесткой ограниченности импровизаций. Актер свободен от иллюзии самотождественности. У всех вышеназванных мастеров театра актерская аскетика доведена до жестокости. Пример отречения от «своего» – балетная труппа Мерса Канингема, основная задача – предел выразительности. Труппа в силу своей специфичности не всегда находила зрителя, но и не нуждалась в нем. Это театр не ради представления, но театр ради выражения.

Актер дублирует осуществленное событие. Здесь уместно обратиться к возможности повторения. Повторение не является ни общностью, ни подобием, и то и другое – из ряда представления и законов. Здесь имеется в виду «повторение» Делеза. «Во всех отношениях повторение – это трансгрессия» [2. 15], т.е. когда мы говорим о дублировании события, то не имеем ввиду воспроизведение прежнего, но возможность повторения события с достаточной бытийственностью как уникального, особенного. Все это в полной мере относится к театру: «театр – это реальное движение; он извлекает реальное движение из всех искусств, которыми пользуется. Итак, нам говорят: таким движением, его сущностью и внутренней сутью является повторение, а не противопоставление, не опосредование» [2. 23]. Движение, которое мы признали необходимым условием осуществления мысли-события – движение повторения или вечного возвращения (Ницше). Делез противопоставляет повторение репрезентации, поскольку последняя выстраивается на основании тождества и однородности – проводимости божественной субстанции. Повторение – это прежде всего неодинаковость, его процесс – становление, Делез утверждает его вечную новизну, это всегда Другое в отличие от Одинакового. Повторение всегда двоично – повторение как различное и «верхний слой», основанный на смещении и маскировке. Различное маскируется «барочными формами» Одного и того же, форма скрывает «повторение как бесформенное бытие всех различий, бесформенную силу содержания, доводящую каждую вещь до крайней «формы», разрушающей ее изображение» [2. 80].

Повторение через актерское исполнение события – предел выразительности. Театральная трансгрессивность – это, прежде всего, чистота и отчетливость события, на это указывает Делез, этого добивается Арто. Поиск выразительности мысли – это возвращение к интенсивности жизни. Театр позволяет провести абстрактную границу движения. Очищенная до своей абстрактной понятности, мысль повторяется, идеальное осуществления – особенное в повторении. Новое

трансцендентное – трансцендентное театра. «Итак, актер задает границы оригинала, выводит из него абстрактную линию и оставляет от события только его контур и величие, становясь, таким образом, актером каких-то собственных событий – контр-осуществлением. Любое событие подразумевает момент собственного осуществления в настоящем, когда оно воплощается в положении вещей, в индивидуальности или личности...» [1. 201], при этом воплощенное событие никогда не индивидуально и не личностно, всякая возможность самоприсутствия обрекла бы событие на соответствие представлению. «У такого события нет иного настоящего, кроме настоящего того подвижного момента, который его представляет...» [1. 202], этот момент основание себя самого, кроме того, именно он конституирует доиндивидуальное пространство осуществленной мысли. В этом контексте «я утрачивает способность умирать», так как проваливается в ситуацию доиндивидуальности. «...Это справедливо только для свободного человека, который улавливает событие и дает ему осуществиться не иначе, как только инсценировав его для актера, его (события) контр-осуществления. Следовательно, только свободный человек постигает все насилие в единичном акте насилия и всякое смертельное событие в одном событии...» [1. 203]. Свобода выражать весьма специфична – это предельно жестокая несвобода быть, что называется, собой, но это и единственная возможность актуализации мысли-события.

Литература:

1. Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1996.
2. Делез Ж. Различие и повторение. Спб., 1998.
3. Деррида Ж. Позиции. Спб., 1997.
4. Деррида Ж. Различание // Ж. Деррида. Письмо и различие. М., 2000.
5. Ильин И. Постмодернизм. М., 1998.
6. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Культурология: дайджест. № 1 (20). М., 2002.

Природа власти в современном обществе

И.А. Серов

В ряду исследовательских проблем в последнее десятилетие центральное место занимает вопрос о власти, ее сущности и качественных признаках. Это происходит потому, что уже на протяжении четверти века в западном мире происходят значительные социально-экономические изменения. По общему мнению социологов и социальных философов, они еще не достаточно осмыслены и определены. Формирующаяся постиндустриальная эпоха в равной степени ставит вопросы как об усилении роли личностного фактора и расширении масштабов творческой деятельности человека, так и об укреплении грани, отделяющей постиндустриальные страны от остальной части мира. В сознании мыслителей конфликт между экономически и

неэкономически мотивированными личностями по-прежнему отражается в категориях классовых противоречий, когда действия субъектов при всем различии их целей остаются заданными материалистическими и экономическими факторами.

Моя цель заключается в том, чтобы показать следующее. Во-первых, как трактуется власть в современной социальной теории. Во-вторых, какую роль и почему играет знание в становлении новой парадигмы власти. И, наконец, кто сегодня является субъектом власти.

Футуролог О. Тоффлер выделяет несколько уровней власти [4. 44], значение каждого из которых изменяется в современном мире:

Прежде всего, это насилие, используемое для наказаний, которое он называет наименее разносторонним средством власти. Далее – богатство, которое используется для вознаграждения и наказания, оно трактуется как гораздо более гибкий инструмент. И, наконец, знание, которое характеризуется как высший уровень власти. С его помощью человек в состоянии решать задачи по наиболее эффективному использованию насилия и богатства. В будущем суть борьбы за власть будет сводиться именно к контролю за знанием [4. 51]. Знание при этом понимается как совокупность фактов и суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием средств связи в определенной систематической форме.

В другом аспекте рассматривает власть и властные отношения М. Фуко. Власть в его понимании – это совокупность силовых отношений, которые образуют определенную область, где они взаимодействуют и являются структурообразующими ее элементами. Иными словами, власть – это игра, трансформирующая отношения силы. Эти отношения всегда взаимосвязаны друг с другом и образуют единую систему. В обществе власть выражается в форме политических стратегий и воплощается в формулировании закона, в государственном аппарате и в формах социального господства.

Условие возможности власти – это неравенство силовых отношений. Властные отношения всегда локальны и нестабильны. Власть – не некий институт или определенная политическая или экономическая сила, а имя, которое дают сложившейся ситуации в данном обществе. Власть – это не то, что приобретается, вырывается или делится, что удерживают или упускают. Отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (например, экономическим), но имманентны им. Власть приходит снизу: многочисленные отношения силы, которые образуются и действуют в аппаратах материального производства, в семье и других институтах, служат опорой для нее.

Д. Белл, М. Кастельс, А. Турен и другие отмечают, что знание уже стало главной производительной силой, которая ощутимо изменила состав активного населения в наиболее развитых странах и составила серьезные затруднения для развивающихся государств. Появился новый

класс технократов и интеллектуалов. Он становится гораздо более однородным, чем все существовавшие ранее классы. Его представители обладают схожими жизненными стандартами. Основанием для их консолидации выступает приверженность к постматериальным ценностям, таким, например, как самореализация индивида. Именно это становится причиной конфликта интеллектуалов с представителями иных групп, которые ими не обладают [2. 167].

Доминирующий класс является носителем власти. Помимо прочего, его характеризуют такие моменты, как контроль его представителей над главным ресурсом современного производства – информацией и знанием. Более того, они способны осуществлять производственный процесс даже без участия других социальных групп. Это ведет к тому, что независимость данного класса от остального общества будет только укрепляться с течением времени [3. 75].

Кроме того, представители доминирующего класса занимают верхние позиции в производственной иерархии: они контролируют весь конечный продут материального производства и создания высоких технологий и имеют возможность перераспределять в свою пользу все возрастающую долю общественного богатства.

Д. Белл добавляет [1. 490], что если раньше основаниями власти были собственность и политическое положение, то сегодня к ним добавляется обладание профессиональными навыками и умениями. В современном обществе образование наряду с наследованием и участием в деятельности политического аппарата является одним из способов достижения власти. Представители новой технократической элиты играют ведущую роль в формировании и анализе мнений, от которых зависят политические предпочтения граждан, а также само сохранение власти. Нормы этой интеллигенции знаменуют отход от господствовавших ранее норм экономической выгоды. Постепенно расширяется сфера власти, усложняются способы принятия решений. Причина этого видится в том, что завершилось становление национального общества, в котором многие группы стремились утвердить свои социальные права и требования именно через политический порядок. В тесно переплетенном обществе все больше решений приходится принимать с помощью политических мер и с помощью планирования. Одной из главных проблем общественной политики становится соотношение технических и политических решений. Старые бюрократические модели иерархически построенных централизованных организаций постепенно заменяются новыми формами.

Таким образом, можно говорить о том, что произошедшее изменение роли знания в современном западном обществе повлекло за собой и трансформацию отношений власти. По-новому стали соотносится традиционные ее составляющие – богатство и сила, которые были дополнены необходимостью обладания специфическими навыками и

умением. В итоге, постепенно меняется социальная структура общества. Появляются новые классы, которые кардинально отличаются друг от друга по ценностным ориентациям, стилю жизни и т.д. Между классом интеллектуалов, получающим наибольшие выгоды от происходящих изменений, и всеми остальными, оказывающимися в проигрыше, все в большей степени увеличивается разрыв, влекущий за собой возникновение новых конфликтов и противоречий. Вопрос об успешности их разрешения в будущем остается открытым.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1999.
3. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. М., 1999.
4. Тоффлер О. Метаморфозы власти. М., 2001.

О чем молчит мистик?

Н.А. Соседова

В данной работе я буду говорить о молчании, вслушивании и говорении, т.е. о той языковой триаде, которую Мартин Хайдеггер в конце своего пути выделил как фундаментальный принцип развертывания вот-бытия (человека) в миро-бытии. Хайдеггер последовательно шел от говорения к вслушиванию и затем к молчанию. Бытие *зовет* человека, и только в языковом измерении человек может откликнуться на зов и благодаря этой отзывчивости впервые принадлежать Бытию. Но чтобы откликнуться на зов, надо услышать, а чтобы услышать, необходимо замолчать, остановить непрекращающийся внутренний диалог с самим собой, в котором теряется голос Бытия. И только через молчание и вслушивание возможна подлинная речь, в которой через вот-бытие будет говорить миро-бытие. Бытие ищет Слова!

Считается, что мистика более «молчалива», чем философия. В подтверждении этому говорят об интровертности, самоотречении мистика. Но это только мнение. На самом деле мистика гораздо более тесно связана с языком, с говорением, со Словом. Да, мистик молчит, но он молчит о *чем-то*, а не потому, что язык в какой-то момент исчерпывает свое функциональное предназначение, как это прослеживается в работах философов аналитического и лингвистического направлений. Эти философы молчат *от бессилия*, ибо, рассматривая язык в строго локальном культурно-историческом аспекте, они *сами* устанавливают границы языку. Они не могут говорить об *ином* позитивно – для *иного* у них есть лишь пренебрежительные слова: парадоксальность, мистичность, мифичность. Философ может говорить лишь в познании и лишь о *теории* знания, но он молчит о самом *знании*. Язык в философской традиции – орудие познания, грубое и бесчувственное, утратившее жизненность в пользу функциональной

пригодности, логически-правильной структуры, выверенной и максимально математизированной в идеале. И Бытие не может *говорить* посредством такого языка – слишком очеловечен язык, слишком ограничен, замкнут, слишком определен. И миро-бытие такого философа – это мир застывших форм, подчиняющийся законам человеческой логики, разложенный, мертвый.

Таков мир современной философии и мировоззрения наукоцентриста. На первом месте – человек, его мышление, *его* логика, *его* язык. Бытия нет в непосредственности, нет говорения мира, нет *голоса мира*. И молчание философа – это молчание *от*, молчание от *бессилия*.

Мистик обращается с языком более живо, спонтанно и оттого – более трепетно и *священно*, чем философ. Язык мистика – это его непосредственный способ вот-бытия, через который *говорит* миро-бытие. Язык – неотъемлемая, органическая часть миро-бытия мистика. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Ветхий Завет, согласно которому бытийствуют многие иудео-христианские мистики, начинается со Слова. Слово возникает вместе с творимым, язык возникает одновременно с творением. Отсюда – изначальная гармония слова и сущности, языка и мира. Адаму было дано знание сущности всех существ – и именно поэтому он мог давать им имена. Легенда о Вавилонском столпотворении символизирует историческую утрату этого чистого языка Бытия. Изначальный язык размыт, погребен под различного рода историко-культурными наслоениями. Но он не утерян окончательно – язык Писаний, Откровений, молитв священен, ибо они несут в себе *отголоски* изначального, чистого языка Бытия.

Другая мистическая традиция – Каббала – широко известна своей развитой системой толкования языка Писания. Предпосылки герменевтики Каббалы такие же, как и иудео-христианской традиции: язык Писания выражает сущность мира, процесс Творения есть языковое оформление мира. И посредством герменевтических методов мистик пытается постигнуть тайны жизни Бога, пульсацию божественного Бытия во Вселенной. И метод определен соответствующий: не умозрительная доктрина накладывается на текст, извлекаясь оттуда посредством аналогии (как это часто делают философы западно-европейского толка), а наоборот, созерцание текста, *вслушивание в его язык* определяют поток сознания толкователя, задают тематику и направление рефлексии текста.

Итак, две традиции дают принципиально схожие понимания языка: изначальность, данность, сущностность и утрата перво-языка. И соответствующая методология – вслушивание в текст, в язык, а посредством этого – вслушивание в само Бытие.

Но, казалось бы (как может заметить докучливый читатель), ведь и иудео-христианская, и каббалистическая традиции говорят ведь о священном языке Писания, а речь в данной работе идет о языке вообще. Здесь совершается переход от конкретных традиций, имеющих право в

силу причастности к элементам нечеловеческого порядка называться мистическими, к метафизическому синтезу всех мистических традиций в Единственную традицию всего Сущего, к синтезу, который в свое время произвел Рене Генон (работы данного мыслителя послужат опорой дальнейшему изложению). «Пропасть» между священными языками и языком вообще есть лишь кажущееся препятствие. В самом деле, если исходить из монистичности Бытия (как и делает мистическая традиция), то язык *один* и *един*. Связь между иератическими и «обыденными» языками может быть обозначена как иерархическая, отражающая иерархическое представление миро-бытия, которое прослеживается в трех основных триадах мистического миро-понимания, аналогичных друг другу:

- перво-язык – иератические языки – «обыденные» языки
- онтологическая триада *изначало* – начало – история
- перво-традиция – традиция – «точка зрения профана».

Все эти триады обозначают некое *перво-* в качестве источника, который дает начало всему, оставаясь, однако, за пределами, положенными им самим. Далее – непосредственно данное *изначалом* (это священный язык, сама Традиция и начало, возникновение, творение всего Сущего). И третья стадия – это человеческое измерение данного изначально. Это так называемые «обыденные» языки, это историческое измерение бытия, это профанический взгляд на мир в противоположность точки зрения Традиции.

Как видно, язык есть неотъемлемая часть бытия мистика в мире. Язык вписан в более широкий контекст, как, впрочем, и все остальные т.н. «сферы человеческого бытия». Мистическая традиция сочленяет все фрагменты бытия, разложенные философами, в единое, через которое все отдельные явления только и получают свой истинный, адекватный смысл. Трагическая ошибка философа – рассматривать нечто как замкнутое бытие-в-себе, целостное и самодостаточное.

Итак, язык в мистической традиции как органическая часть миро-бытия – вот что послужит предметом дальнейшего рассмотрения.

К мистической традиции, говорит Генон, имеет отношение только то, что включает в себя сверхчеловеческое. Все так понимаемые традиции – мистические, религиозные и линия древних наук – имеют свои инвариантом и конститутивным принципом некое *изначало*. Это настолько изначальный исток, что само время упирается в себя, когда человек пытается смотреть в *изначало*; сам язык снимает себя в максимальном приближении к *изначалу*. *Изначало* есть некое нечто, откуда берет начало Единое, Все. Но откуда само это *изначало* и что оно – о том невозможно говорить, о том можно только молчать, ибо все, чем можно было бы его выразить, - после него.

Вот *о чем* молчит мистик – в молчании он *провидит изначало* в миро-бытии.

И это есть подлинное молчание, молчание не *для*, но молчание *о*. Это философ молчит *для*, молчит для того, чтобы вновь заговорить.

Молчание мистика связано с принципиальной невозможностью говорить, ибо *изначало*, о котором молчит мистик, есть пра-условие всякого говорения и всякого молчания, будучи больше них. Философ же молчит о себе, молчит из невозможности говорить *этим* языком, а другого он не знает. Это не подлинное молчание – не молчание *о*, но молчание *от*, молчание *для*.

Бытие у Хайдеггера *ищет* Слова, но *изначало* мистика *дает* Слово. Философ приходит к молчанию, познав границы себя. Мистик же приходит к молчанию, познав границы миро-бытия.

Литература:

1. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб., 2000. 320 с.
2. Генон Р. Символы священной науки. М., 1997. 495 с.
3. Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. М., 1996. 445с.
4. Хайдеггер М. Язык. СПб., 1991. 22 с.
5. Хайдеггер М. Время и Бытие. М., 1997. 451 с.

Феноменология молчания

О.Г. Стасева

Я хочу рассмотреть молчание как опыт сознания, понять который попытаюсь с позиции двух разных феноменологических традиций: европейской и буддистской. Сейчас же основное внимание в докладе обращено лишь на ту сторону опыта молчания, которая остается за пределами европейской феноменологической парадигмы и схватывается лишь в феноменологии буддизма. Значение европейской феноменологии для понимания молчания рассматриваться сейчас не будет – это относится к перспективе исследования.

Чтобы осознать молчание как опыт сознания, необходимо чтобы было вопрошание. Если исчезнет вопрошание, т.е. говорение, то тогда о вещи невозможно *сказать*, что она молчит или замолчала.

Вопрошание не следует связывать только с человеком, сами вещи и мир в целом могут быть вопрошанием. Это вопрошание обнаруживается человеком как удивление миром и вещами, когда они, казалось бы, совсем обычными, привычными, оказываются таинственными. Именно в таком удивлении, в основе которого лежит вопрошание, Аристотель и считал началом философии.

Но молчание всегда содержательно, если бы молчание было бы лишено своего внутреннего содержания, то не было бы того, что умалчивается, а значит, нет и самого молчания. Исчезновение вопрошания устраняет и молчание, но не саму его содержательную

первооснову, которую можно назвать над-молчащей, и которая ни как не ухватывается в европейской традиции, но зато подразумевается как изначальная истина бытия в традиции буддизма.

Когда я обращаюсь к вещи (в широком смысле это может быть не только предмет, но и вообще всякий другой) и наталкиваюсь на молчание, то могу сказать, что вещь молчит, ибо она не отвечает, не-говорит. Человек упорядочивает мир бинарно: говорение и не-говорение, верх и низ, черное и белое. Над-молчащее остается за пределами бинарности, оно никогда не говорило и не заговорит, поэтому оно никогда не замолчит, а значит, высится *над молчанием*.

У молчания могут быть две разные цели – замалчивание смысла и неопосредование смысла словами.

Европейская культурная парадигма исходит из единства мышления и языка, полагая что нет мысли без слова. Поэтому молчание в европейской парадигме понимается как замалчивание. Мысль должна быть узнана, увидена, осознана, а это возможно лишь тогда когда она опосредуется словом, материально воплощенным лингвистическим знаком. Слово как зеркало, позволяет мысли увидеть самое себя. Об этом Г.Г. Шпет во «Внутренней форме слова» пишет так: «Деятельность чувств должна синтетически связаться с внутренним действием духа, чтобы из этой связи выделилось представление, стало, - по отношению к субъективной способности, - объектом и, будучи воспринято в качестве такового, вернулось в названную субъективную способность. Представление, таким образом, претворяется в объективную действительность, не лишаясь при этом своей субъективности. Для всего этого необходим язык, так как именно в нем духовное стремление прорывает себе путь через губы и возвращает свой продукт к собственному уху. Без указанного, хотя бы и молчаливого, но сопровождающегося содействием языка, претворения в объективность, возвращающуюся к субъекту, было бы невозможно образование понятия, а, следовательно, и никакое истинное мышление» [1].

В буддистской культурной традиции цель молчания – не опосредовать смысл чем-то промежуточным, в частности, словами. Мысль здесь независима от слова.

Западная парадигма диалогична, истоком чего послужило христианство. Бог в словах «да будет» соединил мысль о мире с самим миром. Мысль сама по себе, не выраженная в словах не обладает реальностью. Это можно сравнить с молчанием без говорения или указать на черное, не имея белого. Лишь выраженная в слове мысль через это слово входит в диалогичное бытие. Иными словами, через слово мысль становится открытой другому в говорении. Из этого диалогичного понимания вытекает, что слова воплощая в себе мысли, тем самым делают их реальными, молчание же есть отказ выражать их, сокрытие, прятанье смысла.

Выражая суть европейской феноменологической традиции, Густав Шпет говорил, что без языка невозможно понятие, так не может быть без него никакого предмета; даже внешние предметы получают свою полную существенность лишь благодаря языку. Такое понимание характерно для европейского типа мышления, где понимание мира невозможно без опосредования его языком. Это неизбежно ведет к онтологическому истолкованию языка, через что осуществляется насилие над онтологией мира. Язык начинает определять картину мира и споры о языке в Европе – это споры о степени допустимого насилия над онтологией мира.

Буддистская парадигма, напротив стремится отвлечься от слова, так как оно уводит от истинного бытия. Необходимо быть в мире, но не через слово, а над-словом, т.е. не производить никакого слова, значит – замолчать. Следует различить молчание от не-говорения. Вещь с виду может казаться молчащей, по признаку того, что она не говорит, но она может казаться такой по причине нашей невозможности ее услышать, нашей глухоты. Молчание же это не не-говорение, а нечто другое. Если мы задаем вопрос молчащей вещи, то услышать ответ не представляется возможным, не из-за того, что мы глухи, а потому что в самой вещи изначально нет интенции говорения. В молчании нет никакого ответа. Сам вопрос растворяется в молчании – в той онтологической глубине, на которой утрачивают смысл любые бинарные оппозиции и другие априорные схемы разума.

В буддистском понимании изначально нет никакого вопроса, поскольку онтологически не подразумевался ответ. Это есть молчание в буддизме.

Европейцу же представляется, что молчание возможно только в случае вопрошания: если нет никакого вопроса, то и не может быть никакого молчания. Это затруднение только кажущееся, и возможно только в сфере профанного бытия. В буддизме молчание – это не не-говорение, а над-молчание, выражающее истину бытия.

Буддистская парадигма недиалогична. Поэтому слова понимаются не как введение мысли в диалогичное бытие, а как построение монологичной картины мира, отличающейся от изначального бытия. Слова создают как бы вторую реальность, и эта вторая реальность скрывает изначальное бытие (Дхармакаю). Молчание, это отказ от слова, возвращение к истокам мысли, где оно наиболее реально, отказ от опосредованной словесной картины мира.

Сказанное можно обобщить:

1. На западе слово вводит мысль в диалогичное бытие, делая ее тем самым выраженной, реальной, в буддизме выстраивает картину мира, отличающуюся от изначального бытия, по отношению к которому она нереальна.

2. На западе слово выражает внутренне как тело, в буддизме – скрывает внутреннее как одежда.

3. На западе молчание есть сокрытие, умалчивание, в буддизме – прикосновение к непосредственной реальности.

4. На западе молчание – отрицание воплощения мысли, в буддизме – обнажение мысли.

Литература:

1. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927. С. 16.

Осмысление концепта «со-бытие» в философии Мартина Хайдеггера

А.В. Тебекова

Данная работа является исследованием генезиса феномена «события» в философии М. Хайдеггера. В контексте его философии прослеживается переосмысление этого феномена и, таким образом, исследование состоит в том, чтобы эксплицировать генезис «события» как в аналитике Dasein, так и у «позднего» Хайдеггера, выявить основания изменения. Можно выдвинуть предположение о том, что переосмысление феномена события в контексте философии Хайдеггера обусловлено не сменой проблемы, а сменой подхода.

Постановка проблемы генезиса мотивирована тем, чтобы уточнить смысл «события» в контексте мышления самого Хайдеггера (от раннего к позднему), так как мышление Хайдеггера претерпело определенную эволюцию. Выделяют три этапа: этап герменевтики фактичности, аналитика Dasein, поздний Хайдеггер.

Данное уточнение смысла необходимо в силу того, что существует неоднозначная трактовка его периодов, например, аналитику Dasein трактуют в субъективистском ключе («аналитика» есть исследование природы человека). Такая позиция обосновывается тем, что отказ «позднего» Хайдеггера от аналитики Dasein обусловлен ее субъективностью. Одна из наиболее интересных попыток прояснения хайдеггеровской мысли в контексте новоевропейской философии субъективности принадлежит немецкому исследователю В. Шульцу [2. 23], который считает, что хайдеггеровская философия есть завершение философии субъективности. Так же можно выделить позицию К.Ф. Гетмана [1. 136], который считал, что Хайдеггер как трансцендентальный философ соединяет и преодолевает в своем творчестве философию субъективности. Гуссерль, Шелер считали, аналитику Dasein антропологией. Разночтение интерпретаций и ставит вопрос об уточнении позиции самого Хайдеггера. При уже достаточно большом числе опубликованных переводов хайдеггеровских текстов нет ни одного систематического изложения его философии.

Актуальность обусловлена той современной ситуацией, которая складывается в философии. Произошел отказ от классической парадигмы философствования: намечаются различные альтернативы, варианты

истолкования специфики человеческого существования и бытия. Если классический субъект – это самодостаточный, самосознающий деятель, то современный субъект (человек) не есть существо самодостаточное, человек не замкнут. Специфика человеческого существования и бытия выражается в его событийности, временности.

В центре внимания философии Хайдеггера стоит проблема смысла бытия, постановка вопроса о бытии как у раннего, так и у позднего.

Со-бытие в аналитике Dasein эксплицируется как экзистенциал со-событие с Другим. Этот феномен интерпретируется на основании фундаментальной структуры Dasein как бытие-в-мире. Горизонт мира возникает в связи с критикой предшествующей онтологии. Упущение вопроса о мире (вопрос о структуре мира всегда подменялся вопросом о структуре бытия природы). Мир у Хайдеггера есть априори, условие возможности восприятия любой вещи.

Хайдеггер отказывается от классического субъекта. Субъект в классической философии – это субстанция, которая в своем бытии ничем не отличается от бытия вещей, наличен, как и вещь. Для Хайдеггера важно, что бытие вещей и бытие человека имеют разный онтологический статус. Основание различения способа бытия Dasein и способа бытия вещей выступает феномен события. Событие характеризует бытие Dasein не как наличное, субстанциональное, а как экзистенциальное: Dasein всегда есть отношение к своему бытию, тогда как бытие вещей есть бытие наличное, категориальное. Событие – это бытие Dasein, это есть открытость миру, открытость Другому. Событие есть априоное условие существования Dasein. Мир выступает горизонтом обнаружения Другого. Даже в одиночестве Dasein событиен. В аналитике событие можно тематизировать в двух аспектах: неподлинное событие с другим и подлинное событие с другим. В горизонте повседневности событие с другим тематизируется как неподлинное бытие. Dasein живет в повседневности неподлинным образом, потому что заинтересовано вещами, а не самим собой. Е.В Борисов считает, что событие с другим в горизонте феноменов рождения и смерти (фундаментальные пределы бытия Dasein) показывает противоречивость, двусмысленность хайдеггеровского концепта события: если феномен рождения раскрывает событийность бытия Dasein, расширение границ в направлении бывшего Dasein, Dasein как рождающееся заинтересовано в бывшем другом, унаследовании фактичности, исходного материала для построения своего бытия (Dasein экзистирует не с чистого листа, у него изначально имеются оставленные бытийные возможности), то смерть нейтрализует событие с другим, в смерти Dasein замыкается на себе самом. Смерть не только раскрывает исключительную препорученность ему его существования, но как бытийствующее к смерти Dasein равнодушно по отношению к бытию других поколений. Поэтому возникает неясная ситуация: с одной стороны, событие есть фундаментальный экзистенциал Dasein, с другой стороны, в смерти он нейтрализуется. Возникает вопрос, каким образом

другой (будущий) может унаследовать бытийные возможности для построения своего бытия?

У позднего Хайдеггера происходит переосмысление феномена события. Можно фиксировать отказ от трансцендентальной постановки вопроса об обосновании бытия в предметном горизонте сущего, осмысление бытия вне горизонта сущего. Событие в горизонте мышления позднего Хайдеггера тематизируется как событие самого бытия Ereignis. Бытие событийно, а значит и историйно. История имманентна бытию как его раскрытие, поэтому оно может говорить об истории бытия, подразумевая под ней то, как бытие становится или обнаруживает себя. Идея истории бытия – это не новая форма исторической рефлексии, в ней истина бытия раскрывается как свершающееся среди сущего событие, поэтому есть возможность ухватить истину бытия как события. (Истина есть свершающееся событие пришествия бытия из сокрытости в открытость).

Основанием осмысления феномена со-бытия в аналитике Dasein становится само Dasein. Феномен со-бытия тематизируется в качестве бытия Dasein как его априорная структура. Основанием введения со-бытия послужила критика предшествующей онтологии: безмирность, субстанциальность. Экзистенциал со-бытие с Другим интерпретируется на основании фундаментальной структуры Dasein как бытие-в-мире.

В аналитике Dasein мы тематизировали феномен со-бытия (Mitdasein) в горизонте повседневности, понимания, рождении и смерти.

Событие у «позднего» Хайдеггера тематизируется в качестве события (Ereignis) самого бытия, которое рассматривается в контексте истины, историчности бытия.

Основанием изменения понимания со-бытия в разные периоды творчества обусловлено той задачей, которую ставил сам Хайдеггер: найти подход к бытию как таковому (поставить вопрос о смысле бытия). Ранний подход к бытию эксплицируется через аналитику Dasein, поздний подход реализуется через бытие как таковое.

Мотивация переосмысления феномена события связано не со сменой проблемы, а со сменой подходов: не через сущее (Dasein), а через характеристику самого бытия.

Таким образом, можно зафиксировать некорректность интерпретации аналитики Dasein в традиции субъективизма в силу того, что Dasein – не субъект в традиционном смысле слова. Dasein снимает субъективно-объективную оппозицию (гносеологическую проблему). Снятие происходит самим термином Dasein. Для Хайдеггера исследование человеческих качеств, скорее, есть средство ответить на более глубокие вопросы онтологии, на вопросы относительно бытия.

Литература:

1. Gethmann C. F. Verstehen und Auslegung. Das Methodenproblem in der Philosophie Martin Heideggers. Bonn, 1974.

2. Schulz W. Ueber den philosophiegeschichtlichen Ort Martin Heidegger // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werks /Hrsg. v. O. Poeggeler. Athenaeum, 1984.

Фуко и публичная автономия

Р.Ш. Турашев

Автор эссе, одноименного с названием данной статьи, ставит целью своей работы экспликацию понятия автономии не как такового, так как у Фуко это понятие не прорабатывается должным образом, а на основе центральных понятий использующихся в работах французского философа. Данное решение не удивительно, поскольку поструктуралистская традиция основана на принципе отсутствия абсолютной структуры, являющейся неизменной и непреходящей. Несмотря на это Вишневски пытается выявить такую структуру у Фуко. Главной причиной именно такой направленности исследования является, на мой взгляд, просоциальное понимание философии Фуко, которое не складывается в связанную картину без наличия в ней Автономии, основой которой выступает классический Субъект. «Независимый Субъект – это краеугольный камень кантовской этики – результат и последний оплот против нападения аппетитов телесности. Кантовская картина морали основана на концепции автономии – и кажущееся отсутствие такой автономии в дискурсе Фуко приводит в замешательство в хорошем смысле слова». Кроме такого объяснения того, что понимается как основа автономии, автор более не приводит. Хотя нам самим нетрудно будет проделать краткий экскурс в практическую философию Канта и попытаться найти адекватный эксплицируемому предмету объект. Естественней всего на эту роль подходит, конечно же, автономия воли, которая наиболее тесно связана с тем, что называется свободой. Ведь очевидно, что Долг и моральный императив имеют несколько другую направленность. Итак, можно сказать, что Вишневски, намереваясь найти в работах Фуко след кантовского Субъекта, как основу автономии, тем самым ищет структуру индивидуума, который был бы одновременно социально приемлемым и наделенным свободой самостоятельного выбора.

Проблема существования в философии Фуко такой структуры, как свободно выбирающий индивидуум может быть признана живой, во всяком случае, проблема свободы личности, возможности выбора всегда была остра в философии, и однозначного ответа эта проблема не предполагает. Но автор говорит о публичной автономии, то есть о структуре, которая накладывает определенные дефиниции на общество в целом. Учитывая ссылку Вишневски на моральную философию Канта в поисках предмета исследования и тотальность области применения этого предмета, с очевидностью можно заключить, что автор пытается эксплицировать в философии Фуко структуру, определенную тем же

Кантом как Трансцендентальный Субъект, то есть некую однозначную формулу существования, в частности, формулу социальности как равноподчиненности неким высшим ценностям и в то же время соотнесенности возможности выбора с этими ценностями. В социальном контексте, где имеет место быть публичная автономия, Трансцендентальный Субъект выступает как моральное клеше веков и поколений. Он – это поведенческая ситуация, компиляция смыслов, созидающих общество и соотнесение с ними возможностей и инвариантов, составляющих фатальную протяженность.

Очевидно, что в данном контексте речь вести не о чем, так как Фуко не признает никакой последовательности, синхронизированной вокруг некоего единого смысла. История - это не единый поток смыслов, выражающих определенные события, прогресс человечества и т. п. Смыслы всегда разорваны, время не крепится на одной линии. Есть исторические моменты, которые сплетаются в своеобразные исторические ситуации, которые обусловлены перекомбинацией и определенной стратегической ситуацией множественности сил. Последние, в свою очередь, являются смысловыми точками дискурсивных практик, которые являются основанием данной конкретной стратегической ситуации в обществе, в истории. Именно дискурсивные практики определяют те властные отношения, которые наделяют общество институциональностью и целостностью. В этих отношениях, в соответствии с дискурсом определенной стратегической ситуации власти и выстраивается человеческая деятельность. Она вписана в круг дискурса полностью и за его пределами, за пределами власти никакие отношения невозможны, так как она тотальна как условие и возможность общественного устройства.

В этом главная причина невозможности публичной автономии, так как власть это не противостоящее и подавляющее, но определяющее и направляющее. Она имплицитно включена в общественную структуру и является ее условием. Суть только в том, что она не является статичной, как условие она, конечно же, постоянна, но содержательно она меняется, создавая все новые и новые исторические локусы с их своеобразными ситуациями.

Литература:

1. J. Wishnevsky Fucoult and public autonomy.http://www.philosophy.ru/library/ctf.html.

Статус «смысла» в описании социального бытия у Г.Г. Шпета

Л.Б. Фарышев

Что инициирует постановку вопроса таким образом? Классическая феноменология, работая с двумя видами интуиции, – чувственной и идеальной, - не даёт фундаментального указания на сферу сознания, которая, собственно, и ответственна за смыслообразование, не поднимает вопроса о статусе смысла.

Введение Шпетом особого рода первичной интуиции – герменевтической – позволяет обратиться к смыслообразующей деятельности сознания.

В самом общем виде тема данного сообщения может быть представлена в следующем виде: каким образом посредством понятия «смысл» можно выйти на проблематику введения понятия социального бытия, и, таким образом, увидеть место «смысла», его статус в осознании социальной действительности, так как презентирует его Г.Г. Шпет.

Указание Шпетом на энтелехию как «внутренний смысл предмета» означает признание за ней следующих характеристик:

а) энтелехия является внутренним смыслом предмета – его интимным, смыслом für sich, в отличии от an sich (определительная квалификация предмета) и in sich (квалификация в способах данности) [3. 132].

б) энтелехия демонстрирует предмет в его конкретности и целокупности;

в) энтелехия является телеологическим планом предмета, «то, что характеризует предмет со стороны его определения «к чему», она показывает нахождение предмета в некотором «состоянии» целеотношения или телеологичности» [3. 161].

Энтелехия есть смысл, поэтому смысл и разум коррелируют следующим образом: деятельность разума «черпает» из предметов их разумное содержание. Как это происходит? Разум в актах уразумения узнаёт себя в энтелехии предмета, уразумение предмета оборачивается самоуразумением разума. Энтелехия как телеологичная предполагается как деятельность разума: полагание цели и средства – его компетенция. Однако Шпет не концентрируется только на понятии разума: смысл, по Шпету, полагается не только разумом, но «у-разумением» посредством особой интуиции – герменевтической. Данная интуиция предполагает для своего осуществления не индивидуальный опыт усмотрения, мышления, а социально фундированный опыт понимания и истолкования. То есть полагается, что разум имеет социальную природу.

Вопрос о том, как «смысл» выводит нас в горизонт социального, в конечном счёте, оказывается постановкой вопроса: как возможен смысл?

Условия возможности смысла находятся в социальном горизонте. Смысловая данность предмета возможна лишь как фундированная в

горизонте социального бытия. Это пространство, в котором разворачивается интенциональная жизнь субъекта.

Как мы приходим к смыслу? Как он образуется?

Индивидуальное сознание не может только посредством чувственной или интеллектуальной активности образовывать смыслы. Данная возможность реализуется в актах со-действия, во-первых, как консенсуса в становлении социальных целей-назначений, во-вторых, как содействие соответственного акта интенционального сознания.

По Шпету, смысловая данность предмета становится возможной лишь в социальном горизонте, телеологичность предмета не может быть получена в опыте «отдельного» Я, так как Я проблематично, то есть само имеет смысл, и для философии является герменевтической проблемой. Смысл Я определяется в социальном горизонте и посредством него.

Тематизация проблемы смысла позволила предвосхитить многие вопросы классической феноменологии, наметить важные перспективы будущих исследований, прояснить статус смысла как одну из основополагающих проблем феноменологии. Изначальный вопрос несколько смещается в перспективе рассмотрения и позволяет выйти на следующие выводы. Во-первых, смысловой горизонт является, сколько конституируемым, столько и конституирующим Я, которое попадает в «уже» осмысленный горизонт и конституируется благодаря социально-исторической силе традиции. Во-вторых, обнаруживаются другие Я, имеющие равноправное значение в процессе конституирования, включенного в контекст интерсубъективности.

Литература:

1. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
2. Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994
3. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск, 1996

Духовность в экологическом контексте

Д.С. Худяков

Сегодня все большее количество людей убеждается в том, что наша современная (техногенная) цивилизация находится на грани экологического кризиса. Эта проблематика подвергнута серьезной рефлексии, прежде всего, в докладах Римского клуба, среди авторов, работы которых посвящены сфере знания, которая получила сегодня название «глобалистика». На наш взгляд, следует выделить разработки и исследования данного вопроса, осуществленные В.А. Кутыревым, Ф.И. Гиренком, Т. Роззаком, и Б. Колликотом. Они в своих исследованиях ставят вопрос о сути духовного кризиса, поразившего наше общество, и ищут его глубинные основы. Более того, в их работах прослеживается связь между духовной и экологической проблематикой [3. 262-275]. Кутырев В.А. в своей работе «Естественное и искусственное: борьба

миров» обоснованно утверждает тот факт, что в настоящее время самой острой из всех стоящих перед людьми проблем является «выживание». Однако становление ноосферы и возникновение угрожающего человечеству кризиса, с точки зрения автора, является одним и тем же процессом.

Ноосфера – это техническая реальность, которая чем дальше прогрессирует, тем сильнее подавляет «ареал биологического бытия». Из этого следует, что хотя формирование искусственной среды и открыло перед людьми огромные возможности для роста их материального благополучия (комфорт и безопасность), оно же в обязательном порядке ведет к загрязнению и общей деградации окружающей среды (воды, воздуха, почвы) [1. 26-39]. Эта мысль приводит В. Кутырева к утверждению неразрывной связи экологии духа и экологии природы, и как следствие, к рассуждению о том, что человек должен быть целостным существом (и духовным и разумным). Однако при этом он сталкивается с проблемой, которая хорошо представлена в следующем его высказывании: «...все говорит за то, что надо сохранять духовность, но трагизм положения в том, что эта задача вступает в противоречие с прогрессом. Становление ноотехносферы требует рационализации и информатизации бытия, а это конец духовных, сакральных связей между людьми» [1. 173]. Таким образом, сегодня является уже достаточно очевидным тот факт, что угрожающая ситуация, сложившаяся на данный момент в экологической сфере, обусловлена во многом состоянием духовности (а вернее бездуховности) нашего современного общества. Иначе говоря, причиной кризиса экологического является кризис духовный.

Духовность является очень сложным и разносторонним понятием, которое имеет множество определений. Однако мнение большинства рассмотренных авторов сводится к следующему: «Духовность – это сочетание мощи человеческого духа в неустанном творческом поиске добра, истины, красоты, постоянная забота о каждом человеке, а также о нашей биосфере» [2. 31]. Более того, человек, претендующий на звание духовного, обязательно должен обладать целым набором качеств: совесть, сопереживание, жалость, сострадание, душевная доброта, чувство прекрасного. Но сегодня постоянно увеличивается количество людей, у которых большинство из данных свойств души отсутствует. Это дает основание говорить о наличии низкого уровня духовности в современном обществе.

Остается открытым такой дискуссионный вопрос: что же является ключевой причиной, определяющей такое положение дел? Таковым фактором является специфическое устройство современного общества. Оно таким образом воздействует на человека через механизмы социального контроля и статусную систему, что он вынужден действовать в заданном системой направлении. Следовательно, именно общество во многом формирует поведенческую активность человека.

Оно определенным образом воздействует на него через целую систему «соблазнов» (табак, алкоголь, красивые вещи...). Тем самым конструируется то видение мира, которое выгодно самой системе. Если наше общество основано на производственно-потребительских отношениях, оно соответственные ценности будет формировать и для человека: поддерживай свой имидж, следовательно, постоянно потребляй новые продукты.

Рассмотрим следствия подобных установок. Во-первых, это социальный атомизм. Наше общество медленно, но верно, наполняется людьми эгоистичными. Такие индивидуумы думают только о себе, своей выгоде, совершенно не задумываясь при этом о последствиях своих действий. Причин для становления подобного отношения к миру существует множество. Самыми главными из них являются ценностные установки, сложившиеся в современном обществе, через которые оно воздействует на человека. Нельзя не принимать во внимание и такой фактор, как чрезмерная рационализация действительности, которая берет свое начало от западно-европейской традиции (опора лишь на свой разум). Из этого следует социальный атомизм, который автоматически ведет к фрагментации онтологической сферы. Люди соответствующим образом начинают относиться и к окружающей среде. Природа воспринимается в данном случае как некая безликая сфера нашей деятельности, которую можно осваивать и переделывать сообразно своим целям. При этом такого эгоистичного человека сдерживает уже не совесть, а лишь закон и страх физического наказания.

Вторым следствием, вытекающим из установок диктуемых общественным устройством, является приоритет материальных ценностей над духовными, прагматическая ориентация в жизни. У большинства людей отсутствует видение перспектив будущего, они мыслят лишь в критериях распределения благ. Это обусловлено объективными причинами: богатство и карьерный рост сегодня во всем мире являются единственными показателями успеха в жизни. Однако человек в результате подобного отношения к действительности превращается из духовного, возвышенного существа в нечто смертное, озабоченное добычей лишь «хлеба насущного». Немаловажным является тот факт, что большинство при этом начинает отрицать даже саму возможность наличия в них бессмертной души. Это является, как они считают, основанием для ухода от ответственности за свои поступки («после меня хоть потоп», на мне последствия моих действий не скажутся). Это в свою очередь приводит к утверждению «гедонистической» точки зрения на мир. Такие люди стремятся только к телесному комфорту и чувственным удовольствиям, не останавливаясь ради достижения своих целей ни перед чем.

Наконец третьим следствием социальной установки на потребление благ является низкий уровень самосознания субъекта и отсутствие у него стремления к духовному развитию. Человеку, который постоянно видит

перед собой и по телевизору, и в реальной жизни обилие разнообразной продукции, очень сложно удержаться от стремления обладать ей. Таким образом, происходит абсолютное замещение стремления к духовному развитию своей личности на жажду приобретения материально-ценных предметов. Происходит «опредмечивание» человека, сведение всех его интересов к реальному миру. Прямым следствием этого является низкий уровень самосознания людей в современном обществе, который иногда доходит до отождествления себя с вещами.

Это в свою очередь необходимо влияет на формирование соответствующего отношения к природе (хищническое, варварское). В тоже время необходимо отметить, что общество продуцирует и положительные ценности (демократия, свобода слова, воли), и оставляет место и для свободного самоопределения индивидуума, в противном случае не было бы даже попыток отрефлексировать данную проблематику. Следовательно, именно духовность является ключевым фактором, который должен быть использован для снятия угрозы экологической катастрофы. В.А. Кутырев, размышляя относительно путей решения духовного кризиса, который, как мы выяснили, является одной из причин кризиса экологического, высказывает следующее мнение: «Нужно широкое биополитическое движение, сходное с экологическим, но перенесенное на почву телесно-духовного бытия человека. Основная цель биополитического движения – борьба с безответственным вмешательством науки – техники в природу, спасение ценностей жизни и гуманизма» [1. 145]. Это может быть осуществлено как благодаря разработке новой, экологической этики, так и через изменение общественных установок (приоритетов) в целом.

Литература:

1. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н-Новгород, 1994. 199 с.
2. Платонов Г.В. Косичев А.Д. Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестник МГУ. сер. 7. философия. 1998. № 2. С. 3-33.
3. Черникова И. В. Философия и история науки. Томск, 2001. 352 с.

Модернист Мишель де Монтень в эпоху постмодерна

В.В. Янковец

МОНТЕНЬ, МИШЕЛЬ ЭЙКЕМ ДЕ (1533-1592) – одна из самых ярких фигур, увенчавших западноевропейский Ренессанс во Франции. Писатель и философ в своем произведении «Опыты» сумел свободно, ясно и очень смело изложить идеи своего времени. Время Монтеня - вторая половина XVI столетия – кровавое и жестокое: Францию потрясают бесчисленные религиозные войны и династические распри. Католики преследуют гугенотов, феодалы оказывают сопротивление абсолютной монархии,

сотни людей сжигает инквизиция. С другой стороны, это время бурного расцвета культурного движения в Европе, которое принято называть ренессансным. Это взрыв творческих сил общества, это поток новых идей, это время когда совершается радикальный пересмотр идеологии средневековья, и закладываются основы нового мировоззрения.

Монтень выступает противником схоластики, отвергая бессодержательность академической философии, делая упор на самостоятельность суждений, образцом которых является свободомыслие античной философии. Будучи увлеченным Плутархом и Сенекой, он как будто отвечает социальному заказу времени, представляя в «Опытах» результат свободного размышления о жизни. Стараясь выглядеть правдивым, он показывает относительность и зыбкость представлений об истине и призывает к мудрой терпимости по отношению к иным взглядам. Принятая Монтенем позиция скептика, заставляющая усомниться во всём, не даёт чёткого представления об однозначности его взгляда, но ему этого и не надо, он не пытается стать чьим-либо авторитетом или четко придерживаться какой-либо традиции, он просто живет, просто пишет, просто философствует. Его тексты и мысли столь многогранны и спутаны, однако столько же актуальны и ясны, как сама жизнь. Основываясь на личном опыте, а опыт включал прекрасное образование, блестящую начитанность и занятия делами государства, Монтень критикует церковь, оставаясь при этом верующим, он относится с недоверием к разуму, и, одновременно видит в нём благо, пессимистическая тема смерти находит у него свое выражение в любви к жизни и так далее. Между тем, простота и ясность в изложении мысли поражает читателя, пробуждая в нем то, о чём писал сам Монтень «о книгах», в которых он впервые знакомится сам с собою, получает не просто знание о фактах, а возможность судить о них. Может быть, поэтому Монтень приобрёл популярность ещё при жизни, его двухтомник вышел в свет в 1580 году, а его идеи были заимствованы Паскалем, Бэконом, Вольтером и этот список можно продолжать философами отечественной традиции.

Однако позже глубоко-мыслящие цензоры сумели разглядеть в мыслях автора критику в сторону церкви, и в 1676 году «Опыты» были занесены в Индекс запрещенных книг. В классическую эпоху философии сознания Монтень воспринят не более как воспитатель и просто как хороший человек, таки как он не делал предметом своего исследования тот высший вопрос, который интересует философию, и не рассуждал исходя из мысли, то он, собственно говоря, входит не в историю философии, а в историю общего образования и является представителем здравого человеческого смысла [1. 195]. Примерно в это же время Герцен говорит об особом практически-философском воззрении на вещи, не наукообразном, не имеющее произнесенной теории и не покоренное ни одному абстрактному учению, - воззрение свободное, основанное на самомышлении, позволяющее прямо смотреть на жизнь [2. 359].

Сегодня, когда осуществляется переход от одной эпохи – модерна к другой – постмодерну, опыт Монтеня представлял бы интерес, так как большинство проблем волновавших общество и философию его времени, остаются неразрешенными. Вторая половина XX века достаточно насыщена войнами и волнениями в обществе, гиперреальность, созданная массовой культурой, обезличивает человека, смещая его ценностные ориентиры.

Не нужно глубокого анализа, чтобы увидеть сходство между двумя эпохами. Люди остались теми же людьми, они по-прежнему мыслят об одних и тех же вещах, только по-разному. Видимо дело в подмене авторитетов: Ватикан «смещает» массовая культура, философия претерпевает деконструкцию, смещаясь в сторону философии языка и телесности. А между тем культурный интерес к Монтеню сегодня растёт, об этом можно судить по количеству изданий, которое в последнее время продолжает увеличиваться, по высокому индексу цитируемости авторов, а философской реакции на это явления ни какой. Неужели общество самостоятельно научилось реально ценить вещи и выбирать, что ему читать? В современной культуре фильмы и спектакли, снятые и поставленные по пьесам Шекспира, в которых, как известно, были воплощены идеи Монтеня в художественные образы, являются самыми кассовыми произведениями.

Сравнивая Монтеня с современными философами можно увидеть сходство, как на уровне теорий, так и центральных идей. Феноменология как универсальная наука Гуссерля возвращается к древнему пониманию философии, которая охватывает всю совокупность знания, она требует отказа от создания философских систем и включения в общую работу для вечной философии. Гуссерля роднит с Монтенем выделенные им в сознании априорные структуры – смыслы. Одно из самых известных высказываний Монтеня «о том, что философствовать – это значит учиться умирать» сходно по форме и по смыслу с подлинным существованием Хайдеггера, которое вырывает человека из сферы обыденности, иллюзии, забвения себя.

Естественно, что для философии вряд ли будут представлять интерес те идеи, которые уже нашли свое выражение у многих мыслителей, несмотря на то, что они вечны. Однако, возвращаясь к современной философии, я имею в виду социальную философию, а точнее переход от структурализма к постструктурализму, (который, как не странно, имеет французскую традицию и вызван определёнными событиями в обществе май 1968 г.), стиль Монтеня может показаться все еще актуальным. Рассмотрим, к примеру, некоторые постмодернистские положения Лиотара как он оценивает науку: постмодернистская наука отвергает абсолютные стандарты, универсальные категории и высокие теории в пользу локальных и прагматичных концептуальных стратегий. Ценность такой науки не в производстве эмансипирующей истины или практически полезного знания. Ценность постмодернистской науки в

том, что она делает людей более восприимчивыми и терпимыми к различиям, двусмысленности, неопределённости и конфликту. В области этики Лиотар отвергает моральные теории, апеллирующие к универсальным стандартам или аксиомам (утилитарный принцип удовольствия-боли или «категорический императив» Канта) и отдаёт предпочтение локальному прагматическому этическому подходу. Стиль Монтеня может показаться актуальным как простое и ясное выражение философских идей, имеющее свое основание в жизни и понятное абсолютному большинству.

Философский интерес к опыту Монтеня, таким образом, может сохраняться по нескольким причинам. Во-первых, тексты Монтеня, несмотря на свою четырёхсотлетнюю давность, по-прежнему остаются живыми и концептуальными. Во-вторых, между своеобразным скептицизмом Монтеня и общими интенциями постмодерна есть много общего. В-третьих, я хотел бы ещё раз подчеркнуть особую значимость метафилософской позиции, основанной на особом способе философствования, для современной культуры и философии, которая требует более детального рассмотрения.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений. Т. XI. М., 1935.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1985.
3. Монтень М. Опыты. Т. 1-2. М., 1979.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Учитель средней школы в контексте проблемы социальной напряженности

М.О. Абрамова

Реформы, начавшиеся с середины 80-х и в начале 90-х годов, положили основание глубинным изменениям и трансформациям всех сфер жизнедеятельности общества. Начался период, который определяется практически всеми как переходный. При этом специфика ситуации заключается в том, что происходит «перекрещивание экономических, политических и ценностных конфликтов, которое резюмируется в понятии кризиса» [1. 134].

Сегодня в российской социологии сложилось достаточно распространенное и устойчивое мнение о том, что в качестве подходящего диагностического средства для описания состояния современных общественных процессов адекватно использовать понятие социальной напряженности [4. 211].

За последние несколько лет изучение социальной напряженности стало одним из самых актуальных направлений исследований в отечественной социологии. Причем исследователи подчеркивают, что, несмотря на кажущуюся простоту термина, его широкую популярность и частое использование в обыденной жизни, социальную напряженность следует рассматривать как новый социальный феномен, а значит и как особое понятие [5].

В данной работе социальная напряженность понимается как социальное явление, возникающее в результате расхождения между желаемым (идеальным или нормативным) и реальным (имеющимся в действительности) образами социального порядка. Причем решающим является не просто существование такого расхождения, а ощущение и осознание такой ситуации как неудовлетворительной и требующей изменения среди большого количества индивидов и социальных групп, которые будут в данном случае выступать «носителями социальной напряженности». То есть для указания на существование социальной напряженности требуется вовлеченность в этот процесс значительной части общества или отдельной социальной группы.

Для измерения социальной напряженности необходимо учитывать следующие уровни: эмоциональный, оценочный и поведенческий. Эмоциональный уровень – это не отдельные ситуативные настроения, легко меняющиеся под влиянием даже незначительных событий, а некоторый относительно устойчивый эмоциональный фон жизнедеятельности. Оценочный – это степень удовлетворенности условиями своей жизни, оценки состояния экономической, политической, экологической обстановки в стране, уровня доверия власти и так далее. Поведенческий уровень – это

готовность к активным действиям и их реализация, в частности, участие в акциях протеста или девиантное поведение.

В отличие от большинства имеющихся эмпирических исследований по измерению социальной напряженности, цель данной работы – изучение уровня напряженности, характерной для отдельной социальной группы: учителей средних школ.

Трансформации, реформы, происходящие в обществе в последние годы, не могли не затронуть сферу образования, в том числе и общеобразовательные учреждения – школы. Изменение политической и серьезное ухудшение экономической ситуации в стране обернулись для системы образования появлением и усугублением множества проблем: содержательных, организационно-управленческих, экономических, финансовых, социальных [2].

Так, обнаружились противоречия между стремлением школ к самостоятельности и автономности и зависимостью их от управленческой надстройки; между потребностями школы и хроническим недофинансированием образования со стороны государства; между прокламируемыми целями образования (воспитание всесторонне развитой личности) и реальными задачами, которые ставит себе большинство школ (например, увеличение доли выпускников, поступивших в вузы); между популярностью инновационных методов обучения, а в большинстве заявленных случаях – ограниченности преобразований только количественными изменениями нагрузки.

Такая социально-экономическая ситуация в сфере образования не может не сказываться на отдельных субъектах образования, в частности на учителях. С одной стороны, учителя – профессиональная группа, выполняющая в обществе очень значимую роль (обучение и воспитание новых поколений), от которой в большой степени зависит развитие и состояние страны и общества. С другой стороны, трансформации в обществе, обострение множества проблем в сфере образовании повлекли за собой то, что учителя оказались одной из социальных групп, чье положение является одним из самых неудовлетворительных. Для школы стали характерным такие явления, как нехватка и старение кадров, низкая привлекательность труда в учебных заведениях, увольнения из школ педагогических работников и увеличение протестной активности работников образования [3. 325-332].

Весной 2001 года было проведено социологическое исследование, целью которого являлось измерение социальной напряженности, характерной для учителей средних образовательных школ города Северска. Метод сбора данных – анкетирование. Всего было опрошено 224 учителя, работающих в 6 школах города.

Основная гипотеза исследования – несмотря на отсутствие явных признаков, уровень социальной напряженности среди учителей г. Северска достаточно высок.

Таким образом, выбор данного объекта исследования был вызван несколькими соображениями. Учителя средних школ Северска, в отличие от своих томских коллег не принимают уже долгое время участия в каких-либо открытых акциях протеста. В частности, проводящаяся в феврале 2001 года Всероссийская акция протеста работников народного образования, в Северске поддержана не была. Кроме того, уровень заработной платы северских учителей значительно превышает (по оценкам нескольких экспертов – директоров школ – в 1,5-2 раза) размер зарплаты учителей Томска и Томской области в целом.

То есть при выборе в качестве объекта исследования именно учителей города Северска появляется возможность выявить наличие и уровень социальной напряженности при отсутствии явных симптомов.

Рассмотрим результаты, полученные в исследовании. На основе полученных данных можно говорить о преобладании негативных эмоциональных состояний в жизни учителей средних школ. Так, при оценке респондентами своего повседневного настроения большинство (43%) считают, что в последнее время они ощущают неуверенность в завтрашнем дне, а каждый десятый (11%) отмечает беспокойство и даже чувство безысходности.

Высок уровень недовольства учителей современным положением страны: респонденты дают отрицательные оценки ситуациям, сложившимся в политике, состоянию окружающей среды, обеспечению личной безопасности граждан, экономической сфере. При этом следует отметить экономический пессимизм педагогов: очень мала доля тех, кто ожидает в ближайшее время улучшений (12%), высок процент тех, кто считает, что возможны изменения в еще более негативную сторону (25%). Большинство же (48%) считают, что в ближайшее время экономическая ситуация в стране останется прежней, однако при оценке настоящей обстановки в этой области как неудовлетворительной, это не может говорить о позитивном настрое педагогов.

Профессиональная группа учителей находится в условиях неудовлетворенности различными аспектами своей работы, но прежде всего связанными с условиями и оплатой труда. И хотя большая часть опрошенных (59%) не хотели бы изменить род своей профессиональной деятельности, около трети учителей (30%), что составляет достаточно большое количество, придерживаются обратного мнения. Такая относительно высокая удовлетворенность учителей своим трудом может быть объяснена тем, что она вызвана отношением к профессии учителя, нежели условиями, в которых педагогам приходится работать. Тем более, что неудовлетворенность работой можно увидеть в нежелании подавляющего большинства учителей, чтобы их дети продолжили их профессиональный путь (79%).

Для учителей общеобразовательных школ г. Северска характерна низкая удовлетворенность как достатком своей семьи, так и уровнем своей

собственной зарплаты. Никто из учителей не смог отнести свою семью к группе с высокими доходами и только очень небольшая часть (2%) оценивают уровень доходов своего семейства как несколько выше среднего, причем четверть опрошенных (24%) считают, что материальное положение их семьи находится на низком уровне.

Ухудшение материального уровня жизни педагогов повлекло снижение и их социального статуса в обществе: большинство (88%) склоняются к тому, что он достаточно или крайне низкий.

Исследование показало противоречие: ожидания, касающиеся реального изменения своего положения, учителя связывают с политикой государства и экономической ситуацией в стране (это отметили 79% опрошенных), но не считают, что для федеральных властей профессиональная группа учителей является приоритетной (82% опрошенных педагогов считают, что со стороны федеральных властей проблемам учителей уделяется очень мало внимания, и только 5% считают, что достаточно), а экономическая обстановка, как уже говорилось, оценивается как неудовлетворительная. Таким образом, налицо крайнее недовольство учителей своим положением и неуверенность в своем будущем.

Что касается протестного поведения, группы тех педагогов, среди которых готовность принять участие в акциях протеста очень высока, и тех, кто с уверенностью говорит об отказе участвовать в протестном поведении абсолютно одинаковы по размеру (10% от всех респондентов). Так же практически равны группы, кто с долей сомнения заявляет о своем желании и, напротив, нежелании выражать протест в открытых формах (33% и 35% соответственно). Но важно то, что отказ учителей от активных протестных действий вызван не отсутствием причин для такого поведения, а «внешними» условиями: мнениями о неэффективности акций протеста (74%), страхом перед возможными последствиями (17%) или же установками на то, что для учителя протест – неподобающая форма поведения (9%).

Таким образом, гипотеза исследования, заключающаяся в том, что социальная напряженность среди учителей г. Северска достаточно высока, подтвердилась.

В целом проведенное исследование показало продуктивность выбранных теоретического и методологического подходов.

Литература:

1. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996. 317 с.
2. Клячко Т.Л., Рождественская И.А. Отчет об экономическом состоянии образования (Москва, 1999) // Институт экономики переходного периода / URL: http://www.iet.ru
3. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М., 1998. 368 с.

4. Растов Ю. Е. Конфликтологическая парадигма социологии в современном российском контексте // Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. М. 1999. С. 206-217.
5. Шмонин Д. А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений // ВЕСТНИК СамГУ, Лаборатория электронных изданий СамГУ / http:// www.ssu.samara.ru/science/vestnik/ 1999web3/ Soci/199930702.htm

Социальный портрет священнослужителя

Н.А. Дегтярёва

В социальных и гуманитарных науках большое внимание уделяется тем социальным институтам, которые в первую очередь формируют мировоззренческие установки, ценности людей, а именно: семья, СМИ, образование, религия. В очень специфической ситуации в современном российском обществе находится религия. Это связанно с тем, что духовенство семь десятилетий в силу особых обстоятельств находилось в фактической изоляции от общества. Когда произошли демократические изменения, то с одной стороны церковь и её внутренняя жизнь получили возможность «открылась» обществу. Данный момент совпал с празднованием тысячелетия Крещения Руси в 1988 году. С другой стороны, «учёные отмечают, что духовенство показывает социальную пассивность» [23. 43]. Причина этого заключается в социальных и психологических установках «внутренней заграницы», в которой оказались священнослужители. Однако, несмотря на «временный» разрыв между церковью и обществом, результаты социологических исследований показывают, что существуют духовные потребности у населения, которые может удовлетворить только «духовная сфера, то есть религия». В доказательство этого 40,30% опрошенных видят в первую очередь священнослужителя, как «воспитателя человеческих ценностей, мировоззренческих установок» [10. 248]. Существует тенденция со стороны церковных иерархов к преодолению разрыва между обществом и церковью, об этом свидетельствует принятый в 2000 году. документ «Основы социальной концепции РПЦ». Но, многие учёные считают, что в данном документе: «слабо и несовременно для российского общества проработан блок о деятельности священнослужителя». Столь неоднозначная оценка позиции церкви в целом и священнослужителей в частности в общественном мнении подталкивает нас к постановке проблемы исследования.

Проблема, которую я ставлю, в данной работе заключается в следующем: можно ли говорить о наличии разрыва между обществом, и церковью и, каково отношение, и готовность священнослужителей к новациям в российском обществе. Цель работы – дать портрет священнослужителя с целью определить его типичное отношение к современной ситуации в российском обществе и тем самым степень готовности к новациям. Для

достижения поставленной цели предполагается подвергнуть анализу следующие факторы как:

1. мотивы выбора деятельности священнослужителя;
2. ценностные ориентации духовенства;
3. рассмотрение социальной установки респондентов.

Основным методом реализации цели данной работы является полуформализованное интервью.

В ходе исследования выявилось два основных мотива выбора духовной деятельности. Во-первых, очень сильна профессионально-кастовая преемственность, то есть у части респондентов родственники являются священнослужителями и работниками церкви. Основой процесса социализации данной группы была специфическая традиция и субкультура православной церкви. Второй мотив выбора можно обозначить как «стрессовые» ситуации. Они различны по своему характеру: сюда можно отнести смерть близкого человека, невозможность самореализации в светском обществе, разочарование в профессиональной деятельности. (Очень симптоматичные причины, поскольку речь идет или о традиции в приходе в церковь или решении собственных экзистенциальных проблем, но не ориентации на веру и прозелитизм, то есть активную позицию к обществу). Самоопределение в духовной деятельности произошло в достаточно зрелом возрасте, то есть когда они прошли военную службу в армии, получили высшее светское образование. Некоторые после окончание Вуза несколько лет работали по своей специальности, и, не получив полной самореализации, «обратились» к духовным основам общества. Результаты исследования показали, что одна группа священнослужителей воспитывалась в семьях духовных лиц и церковных работников; другая – вышла из семей трудовой и технической интеллигенции. Обращение к школьным годам выявило две тенденции. Во-первых, у одной группы респондентов, которые воспитывались в религиозной традиции, отношение к школьной жизни и идеологическим организациям было скорее равнодушным, чем агрессивным или негативным. Пионерскую и комсомольскую организации они воспринимали формально, то есть, если они и вступали в первую, то никогда не имели членства во второй. Другая группа респондентов боле оптимистично и позитивно описывает свои школьные годы. Акцент в ответах делался на «хорошем» и даже «благодарном» отношении к идеологическим организациям. Причина такого восприятие связана с тем, что принадлежность к комсомолу помогала респондентам сделать карьеру в светском мире, например, пойти в «элитные» войска. Все респонденты имеют высшее образование, как светское, так и духовное. Интересен тот факт, что в школьные годы было заложено стереотипное представление о науках. Следствием явилось то, что все респонденты без исключения закончили технические или естественные факультеты. Причём, учась в школе, так же интересовались точными или естественными науками. Можно предположить, что в то время

все гуманитарные дисциплины находились под идеологическим давлением и тем самым не вызывали интерес со стороны респондентов. В ходе исследования выявились две основные цели респондентов, которые варьируются от следующих параметров: возраста, духовного сана, материального достатка прихода. Духовно профессиональная, которая заключается в воспитании нравственных ориентиров, установок людей. В этом случае, профессиональная деятельность проявляется в умении найти способы убеждения и влияния на человека. Личные цели проявляются в следующем, если священник не имеет большого опыта в духовном сане, то его деятельность направлена на получении наград, званий, должностей. В большинстве случаев молодые священники ориентированы на иерархическое продвижение, но при этом их деятельность направлена на «проблемные центры»: ИТК\ВТК\спецприемники, больницы[1]. В исследовании участвовали респонденты, которые имеют достаточно большой опыт духовной общественной деятельности. В этом случае, личные цели направлены на расширение коммуникативного пространства, то есть в период, когда человек достиг высокого статуса, появляется потребность во взаимодействии с самыми близкими людьми. Исследование показало проблемы, с которыми сталкиваются респонденты: во-первых, не хватает штата священнослужителей, причина в том, что выпускники семинарии чаще всего уезжают из Томска в другие города или области, где более «выгодный» приход, то есть достаточно большой (считается по количеству прихожан) и богатый (имеющий достаток). Следующая проблема заключается в том, что священникам не хватает знаний. Иначе говоря, на сегодняшний день в обществе происходят изменения во всех сферах жизни, но восстановленное духовное образование не соответствует ему, тем самым проявился разрыв между образованием светского человека и образованием священника. В ходе интервью выявилась проблема роли священнослужителя, которая заключается в деятельностном аспекте, то есть часть опрошенных понимают не эффективность своей работы с людьми. Не найдены методы и способы взаимодействия священников с современным человеком. Рассмотрение «священнослужителя» как профессию выявило два фактора карьерного роста. С одной стороны, все награды и звания духовным лицам даются по усмотрению высших иерархов, в этом случае, как правило, учитывают стаж работы в данной сфере. С другой стороны, даются за проявление активной деятельности священника, которая может быть направлена, как на создание различных фондов, формирование христианской аптеки, так и на нахождение других подходов работы с людьми из «проблемных центров» (наркоманов, беженцев, бомжей, сирот, заключённых). Многие из респондентов не со-

---

[1] В данной работе под проблемными центрами подразумевается: исправительно-трудовые, воспитательно-трудовые учреждения, психиатрические больницы, специализированные приёмники для бездомных.

гласны с тем, чтобы священнику давались звания и награды только за выслугу лет. Возможно, такое несогласие обосновывается попыткой избавления священника от формального отношения к своей деятельности. Причём, активная деятельность поднимает авторитет духовного лица среди прихожан и священников. А к тому же, учитывается обогатительный фактор, то есть сформированный фонд, центр будет являться одним из источников дохода священнослужителя. В ходе исследования выявилось несколько источников дохода священнослужителя: приходская деятельность, учительская (преподавание в воскресной школе или в семинарии), наличение «окормление» (за священником закрепляется работа в ИТК\ВТК\ больницах, где он должен вести нравственно воспитательную работу), а так же создание различных фондов, центров, например, Миссионерский отдел. Уважением среди респондентов пользуются те духовные лица, которые ведут активную деятельность не только в стенах церкви, но которые работают в таком проблемном центре как трудовые исправительные лагеря. Высшие церковные иерархи воспринимаются респондентами, как неотъемлемая часть всей церковной структуры. Данный факт подтверждает, что ни должности, ни высокое положение в иерархии не привносит такого уважения, как активная предприимчивая деятельность. Анализ данных показал, что священнослужители разделяются на «традиционалистов», для которых характерно жить по строгим канонам. Тем самым, они принимают инновации только внешне (развитие технологических средств, связи). С другой стороны, в церкви существуют «новаторы», которые считают, что необходимо менять каноны духовной жизни, но самое основное – необходимо изменить священнослужителю способы деятельности. Именно данная группа респондентов говорит о нехватке знаний в области психологии. Были отмечены следующие качества, которыми должен обладать священник:

1. Должен иметь определённый багаж знаний, как духовных, так и светских. В этом случае необходимым навыком является обладание психологическими знаниями.
2. Если у священника есть приход, то одним из качеств должно быть предприимчивость, то есть как правильно и эффективно вести дела прихода.
3. Конечно, священник должен быть добрым и милосердным, но, с другой стороны, он должен быть «воином против рекламы греха», то есть инициативно и активно реализовывать свою деятельность.

Таким образом, формирование священнослужителя, который был бы способен использовать новые методы в своей деятельности, начался. Данный процесс очень медленный и болезненный, то есть священникам приходиться пересматривать и переосмысливать основные аспекты, принципы их деятельности. С другой стороны, священнослужители понимают и отмечают, что изменение чего-либо начинается с индивидуального сознания.

Литература:

1. Архиязер А.С. Социокультурное прогнозирование религии на макро и микро уровнях // Политические исследования. 1994. № 3. С. 29.
2. Блум А.Б (Митрополит Сурожский Антоний). Размышления о церкви в современном обществе // Континент. 1996. № 87. С286-291.
3. Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. 239 с.
4. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. Религия и общество. М., 1994. Ч. I-II, 1996.
5. Гидденс Э. Социология. М., 1998.
6. Протоирей Злобин. А. Как выжить? // Наука и религия. 1999. № 2. С. 25-38.
7. Архиепископ Иоанн. Путь святых отцов. М.,1994. 246 с.
8. Игумен Иоанн. Полемика с архимандритом Августином // Наука и религия. 1996. № 9. С. 35.
9. Каариайнен. К. Верующие, атеисты и прочие // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 35-52.
10. Каариайнен К., Фурман Д.Е. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании в пост советской России. М., 2000. 248 с.
11. Каледа Г. Очерк религиозной жизни // Наше наследие. 1996. № 38. С. 48-57.
12. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя церкви. М., 1994. 350 с.
13. Карташов А.В. Церковь в гражданском обществе // Международный журнал социальных наук. 1999. № 4. С. 18-32.
14. Конкретные исследования религиозных верований (методика, организация, результаты). М., 1997.
15. Попов А.В Церковь в современной России // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 25-30.
16. Попов А.В. Новые религии как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 90-100.
17. Селиванов Ю.Р. Философские аспекты радикального христианства // Вопросы философии. 1996. № 7. С. 103-126.
18. Силласте Г.Г. Эволюция духовных ценностей // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 91-94.
19. Симонов Н.В. Религиозный портрет // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 86.
20. Старка Б. От поколения к поколению // Наука и религия. 1995. № 7. С. 24-28.
21. Справочная книга Томской епархии. М. 1986. 75 с.
22. Никитина А.А. Служители церкви о себе // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 58.
23. Филатов С.Б. Нужна ли нам «внутренняя заграница» Социологические исследования. 1988. №5. С. 43.
24. Филонова С. Закон против прозелитов // Новое время. 1996. № 26. С. 48.

Интенции на отличную учебу студентов-отличников (на примере ТГУ)

В.В. Кашпур

Одной из постоянных функций науки является вопрошание. Социология сейчас всеми признана как наука, но вопрошание в социологии имеет свои специфические особенности. Под этими особенностями имеется в виду не только методологические особенности, а также и особенности предмета и объекта. Социолог вопрошает о социальных явлениях настолько привычных остальным людям, что они являются «безвопросными» (Fraglos), как это обозначает А. Щюц. Но благодаря такому вопрошанию социологическое знание обогащается путем открытия новых или подтверждения прежних закономерностей.

Данная статья, написанная на основании результатов исследования интенций студентов-отличников на отличную учебу, является попыткой подобного рода обогащения. Интенция, или намеренность, на отличную учебу – это направленность индивида на отличную учебу; совокупность факторов, которые влияют на то, что студент учится на «отлично». Данные факторы – это мотивация и стратегии индивида. Объект и предмет данного исследования – это студенты-отличники Томского Государственного Университета и их интенции на отличные оценки. Для самих студентов-отличников их отличная учеба – это fraglos. Когда я подходил и спрашивал их, не согласятся ли они ответить на вопросы исследования, которое служит целью ответить на вопрос: «Почему студенты учатся на «отлично»?», то они неподдельно удивлялись теме моего исследования, так как отличная учеба для них просто определенное состояние, в котором они находятся.

Но, интенции на отличную учебу студентов находятся в непосредственной связи с социальными процессами, которые происходят в наше время. Даже можно сказать, что интенции на отличную учебу студентов – это индикатор этих самых социальных процессов.

Поэтому для данного исследования были заданы две цели:

1. Анализ того, как произошедшие за последние десять лет изменения, повлияли на существующие ныне у студентов-отличников интенции на отличную учебу.
2. Это ответ на вопрос: «почему студенты-отличники учатся на отлично», то есть выявление, чем для них является отличная учеба.

Приведем основные результаты, полученные в результате данного исследования. Для начала покажем, каким образом изменения в стране повлияли на интенции студентов-отличников на отличные оценки.

Результат влияния последствий изменений на подсистему высшего образования проявился как на макро, так и на микро уровнях.

На макроуровне – это:

1. Изменение прежних, как явных, так и скрытых, функций подсистемы высшего образования как социального института. Это проявилось в

нивелировании основной функции – функции подготовки специалистов, и в возрастании роли социально-дифференцирующей функции.

2. Изменение в социальной структуре агентов подсистемы высшего образования. Различные исследования, проведенные среди студентов во многих регионах нашей страны, продемонстрировали, что студенчество состоит во многом из индивидов, чьи семьи обладают относительно высоким уровнем того или иного типа капитала. Так, примерно 60% студентов являются выходцами из семей специалистов с высшим образованием. Существенно увеличивается удельный вес тех, чьи родители являются руководителями различного ранга – у каждого третьего студента отец и каждого пятого – мать принадлежит к этой категории. Таким образом, студенчество рекрутируется из слоев, во многом успешно адаптировавшихся к рыночным отношениям, хорошо обеспеченных, и, следовательно, социальный состав студентов асимметричен социальной структуре общества [1].

На микро уровне – это трансформация интенций агентов, в данном случае студентов, подсистемы высшего образования.

Раньше, при наличии в СССР известных социальных гарантий, например, гарантированного распределения на работу после окончания ВУЗа, установки, мотивация и стратегии студентов были несколько иными, чем в наши дни. Так, тогда доступ к социальным благам зависел больше от формальных характеристик: от специальности, квалификации, должности, категории предприятия, стажа и т.д., а не от личных способностей индивида. Поэтому стратегии индивидов были меньше нацелены на использование личностного ресурса, чем сейчас.

Теперь же, в ситуации изменения социальных условий, главный фактор, влияющий на интенции любого индивида, в том числе и студента – это общее ухудшение материального положения в стране, которое вызвало следующие последствия – как серьезнейшие материальные затруднения у большей части населения, так и новые возможности для заработков, для резкого подъема личного благосостояния [2]. Поэтому значительно возросли роль и значение личностного ресурса, прежде всего приобретение знаний, умений и навыков, необходимых для вхождения в конкурентную среду [3].

Одним из путей получения этого личностного ресурса или по-другому капитала является получение высшего образования. Даже до сих пор, такой путь приобретения капитала остается доступным даже для бедных слоев населения, так как сохраняется система высшего бесплатного образования. А для многих из них высшее образование «является практически единственным доступным способом интеграции в общество» [4]. Но интенции не только на отличные оценки, но и на получение образования вообще различаются. В результате исследования было подтверждено предположение о том, что интенции студентов разделяются на три основных типа:

1. Традиционный тип интенций студентов. Высшее образование для такого индивида – это определенный жизненный этап, который он проходит потому, что или так принято в его социальном окружении, то есть референтные личности из данного окружения, в основном родители, мотивируют его на прохождение этого этапа, или в силу желания воспользоваться наличием определенных льгот, предоставляемых в системе высшего образования, и прежде всего – это отсрочка от армии. Даже если студент, который реализует стратегии такого типа, достаточно успешен в учебе, то в основе этой успешности лежит не сознательное стремление к качественным знаниям, а достаточно внешние факторы, такие как привычка со школы или природные способности.

2. Менеджериальный тип интенций студентов. Многие студенты осознают образование как определенный тип капитала, который может послужить основой для реализации их жизненных планов. Кто-то с высшим образованием связывает возможность трудоустройства на оплачиваемое рабочее место – для таких студентов образование является потенциальным видом экономического капитала. Для других высшее образование – возможность повысить свой социальный статус, завести полезные знакомства (для девушек – выйти замуж), приобрести интеллектуальные навыки, научиться быть убедительными в общении с другими. В общем, для них высшее образование является видом социального, культурного или символического капитала. В последнее время, в результате анализа эмпирических исследований, выявилась группа студентов, для которых высшее образование – это, одновременно потенциальный экономический и социальный и культурный и символический капитал. Такие студенты осмысленно выбирают соответствующую специальность в ВУЗе, у них имеется в наличии более или менее определенный жизненный план и, они активно действуют в процессе получения высшего образования – поиск работы по специальности, участие в научно – познавательном процессе: конференции, публикации и т.д. Они стараются получить максимум возможного во время своего обучения в ВУЗе. Таким студентам присущ менеджериальный тип интенций на отличную учебу.

3. Промежуточный тип. Между традиционным и менеджериальным типом студентов существует промежуточный тип стратегий и мотиваций. Такой тип совмещает в себе и черты традиционного и черты менеджериального типов стратегий и мотиваций студентов. Разнообразные и причудливые комбинации черт традиционного и менеджериального типов можно выявить в рамках этого типа.

Итак, появление трех типов интенций на отличные оценки – менеджериального, традиционного и промежуточного явилось результатом изменений, произошедших в системе образования России.

Покажем далее, какие черты присущи студентам, у которых существует тот или иной тип интенций на отличные оценки у студентов.

Студенты, у которых присутствует менеджериальный тип интенций на отличную учебу, показали следующие результаты при ответе на вопросы исследования:

- сознательное стремление к отличным оценкам;
- осознание отличной учебы как капитала;
- стремление работать по специальности в дальнейшем;
- высокую степень активности в научном плане, а также наличие большого опыта работы по специальности.

У студентов, интенции на отличную учебу которых могут быть отнесены к традиционному типу, превалировали следующие результаты:

- большое влияние родителей, близкого коммуникативного круга на интенции на отличные оценки;
- влияние привычки отлично учится на интенции на отличные оценки;
- наличие соревновательного мотива в процессе обучения;
- отсутствие сознательного стремления к отличным оценкам;
- отсутствие осознания отличной учебы как капитала;
- профессиональные планы не связаны с работой по специальности;
- низкая степень активности в научном плане.

Остальные студенты демонстрируют в своих интенциях на отличную учебу преобладание в различных аспектах то менеджериального типа, то традиционного, то есть, их интенции на отличную учебу относятся к промежуточному типу интенций. Наличие у большинства студентов-отличников таких интенций на отличную учебу, которые относятся к промежуточному типу, служит еще одним подтверждением изменения функций подсистемы высшего образования в наше время. В глазах большинства студентов высшее образование более не является надежным средством, позволяющим реализовать свои планы в профессиональной сфере и добиться успеха в жизни. Поэтому, высшее образование сейчас больше воспринимается не как средство, а как самоцель.

В качестве итогов по всей работе выделим следующие выводы:

1. Изменения на макроуровне за последние десять лет в России повлекли за собой изменения на микроуровне. На уровне подсистемы высшего образования это проявилось в трансформации функций высшего образования (возрастание роли социально-дифференцирующей функции и нивелирование функции подготовки специалистов), что привело к изменению стратегий и мотиваций студентов в рамках данной подсистемы.

2. В результате высшее образование для большинства студентов стало самоцелью, а не капиталом. То есть большинство поступает и обучается в ВУЗах потому что «так надо», не имея четких представлений о том, на кого они учатся, где они будут работать после окончания ВУЗа и для чего им нужно высшее образование в жизни.

3. Результаты исследования интенций на отличную учебу свидетельствуют в пользу вышеприведенного положения. Взяв в качестве ме-

тодологического инструмента разделение интенций на отличную учебу на три типа – традиционный, менеджериальный и промежуточный, выявилось, что большинство студентов-отличников проявляют черты промежуточного типа, то есть отличная учеба для большинства – это не результат сознательного стремления, она не является каким-либо капиталом, а является достаточно побочным, хотя и приятным, результатом учебной деятельности.

Актуальность данной работы просматривается в контексте общей направленности социологической мысли в России – это анализ и интерпретация результатов изменений, произошедших за последние десять лет, с целью выработки новых моделей и концептуальных схем, которые позволяют прогнозировать и давать рекомендации для направления изменений в конструктивное русло.

В завершение, хотелось бы отметить, несмотря на то, что объектом эмпирического исследования являются студенты Томского государственного университета, выводы, сделанные в исследовании, с большой долей вероятности распространяются на всю совокупность студентов России, особенно студентов классических университетов.

Литература:

1. Бойко Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 78-83.
2. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999. 344 с.
3. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 79-84.
4. Шурыгина И.И. Жизненные стратегии подростков // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 52-61.

Проблема преемственности в модусе школа – вуз

Ю.А. Кондинская

Образование как важнейший социальный институт отражает состояние и тенденции развития общества и влияет на него. В свою очередь, изменения в системе общественных отношений активно воздействуют на образование, требуя от него мобильности и адекватного ответа потребностям страны на новом этапе развития. Еще во второй половине 90-х гг. авторы отмечали процессы становления новой системы образования: образования, «ориентированного на вхождение в мировое образовательное пространство» [8. 3]. Однако вопрос о соотношении различных его ступеней – наличии между ними преемственности или разрыва – остается открытым. Здесь выделяют два проблемных блока: отсутствие единооб-

разного образования в средних общеобразовательных учреждениях, и наличие противоречий «в понимании базовых знаний между учителями средних школ и преподавателями вузов» [11. 34]. Проблемой, рассматриваемой в данной работе, является соотношение средней и высшей ступеней образования в представлениях «участников», то есть, как социальный конструкт. Поскольку в большинстве случаев это соотношение позиционируется субъектами образовательного процесса как «разрыв», что существенно влияет на их поведение в образовательном пространстве. Таким образом, цель работы – выявить особенности конституирования образовательного пространства его субъектами, и степень соответствия такого конструкта наличной ситуации.

Предлагаемые выводы основаны на результатах исследования, проведенного методом полуформализованного интервью с представителями средних общеобразовательных учебных заведений (методисты, завучи средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев).

Прежде всего, определимся с тем, что же понимается под проблемой преемственности. Проблема преемственности включает в себя комплекс противоречий, препятствующих осуществлению взаимодействия между отдельными субъектами образовательного процесса, в частности школой и вузом. Существует множество факторов, оказывающих влияние на социальное взаимодействие также как и разные подходы в его изучении. В данной работе акцент сделан на рассмотрение взаимодействия между школой и вузом с учетом институционального фона: т.е. на уровне института как установленного порядка правил и стандартизированных моделей поведения [3. 248] и институции – установления или обычая, принятого в обществе. Иными словами: есть определенные правила и нормы, но есть также и реальные вещи, то, как эти нормы действуют в конкретных ситуациях, и как они могут трансформироваться в реальности.

Необходимо отметить, что сегодня в практике обучения существуют некоторые негативные явления, которые также влияют на качество предоставляемых образовательных услуг, и на конструирование ситуации ее участниками.

- Принятие рядом образовательных учреждений учебных планов, в которых отсутствуют или существенно сокращены некоторые образовательные дисциплины [1. 4]. Это проявляется как необходимость отведения большего количества часов на изучение профильных для данного учреждения предметов. Существует так называемый Федеральный компонент, отражаемый базовой программой, в которой отражено четкое распределение часов, необходимых для изучения каждого предмета, количество этих предметов в соответствии с годом обучения. Так, в 10-х и 11-х классах есть 12 часов, которые каждое общеобразовательное учреждение может распределять по своему усмотрению, согласно базовому учебному плану общеобразовательных учреждений Российской Федерации, Приложение к приказу Министерства образования от 09.02.98 № 322

[см. 1. 12-13]. Однако в ряде учреждений «расчасовка» по предметам варьируется не только в отношении этих 12 дополнительных часов, но «урезается» время на изучение базовой программы.

- Перенос в сферу дополнительно оплачиваемых образовательных услуг преподавания ряда обязательных предметов (или их разделов) [см. 1. 4]. Подобная ситуация чаще всего возникает в связи с профильными предметами. Объяснить это можно сложившейся в сфере общего образования ситуацией, и с теми, факторами, которые влияют на осуществление средними общеобразовательными учреждениями своей деятельности и на достижение основных целей. Среди этих факторов лидируют: недостаток квалифицированных специалистов (проблемы с кадрами) и финансирования (это касается и учреждения в целом, и низкой оплаты труда учителя).
- Ранняя специализация. С одной стороны, выявление способностей и склонностей у ребенка способствует развитию необходимых для него качеств и навыков, углублению знаний в выбранной им отрасли. Однако далеко не всегда мы можем дать гарантию, что этот путь выбран правильно. Эксперты так же отмечают, что есть учащиеся, которые через некоторое время понимают, что выбранное ими направление не соответствует их ожиданиям и желаниям. В целом, сегодня не существует эффективных механизмов осуществления профориентации ребенка. Даже в лицеях и гимназиях есть те, кто во время обучения решает сменить специализацию (хотя, как отмечают эксперты, этот процент невелик). Помимо того, что сам ребенок может изменить свое решение относительно выбранной специализации, существуют и другие аспекты. Во-первых, ожидания родителей и учащегося относительно выбора того или иного направления обучения могут не совпадать. Во-вторых, сложившаяся на сегодняшний день ситуация свидетельствует о том, что далеко не всегда получение высшего образования по данной специальности гарантирует дальнейшую работу в этой сфере [2. 202-230].
- Превышение норм учебной нагрузки. С увеличением информационного потока количество знаний, которые необходимо освоить человеку в условиях современного общества, приводит к увеличению затрат на его получение. Помимо этого изменились и требования, которые предъявляются сегодня к учащимся. Если еще в недавнем прошлом для того, чтобы по окончании школы продолжить образование в высшем учебном заведении было достаточно школьных знаний, то сегодня ситуация изменилась коренным образом. По мнению экспертов для поступления в вуз недостаточно знаний, получаемых в данном учебном заведении. Эксперты утверждают, что требования вузов не соответствуют требованиям школ: наличие в экзаменационных билетах вопросов, выходящих за рамки школьной программы. Такие темы либо вообще не изучаются в школе, либо не настолько глубоко, как того требуют вузы: «В профильных классах информационное поле познания намного ниже, чем запрос

на поступление в вуз». Высокие требования вузов также объясняются экспертами, как стремление переложить с себя часть усилий по подготовке студенческих кадров: вузы требуют от абитуриента не уровня подготовки выпускника общеобразовательного учреждения, а подготовку как у студента первого курса. Связывают это с несколькими причинами.

1. Необходимость набрать учащихся на платной основе (можно разделить: платное обучение и платное поступление).

2. Отобрать лучших претендентов. Вузы заинтересованы в том, чтобы их учащиеся успешно осваивали вузовскую программу обучения.

С одной стороны, часть экспертов соглашаются со стремлением вузов отобрать лучших учащихся, в этом вопросе прослеживается взаимосвязь с наличием сотрудничества с некоторыми вузами города. Сотрудничество с каким-либо вузом не ограничивается только заключением договоров о проведении совместных экзаменов, сюда можно отнести и наличие преподавателей из вузовской среды, работающих по совместительству в этом учреждении, или совместная деятельность, осуществляемая вузом и конкретным общеобразовательным заведением (проведение конференций, совместная работа и т.п.). При наличии такого рода контактов представители общего образования склонны принимать объяснения о необходимости отобрать лучших учеников. Однако принимаются объяснения, но подобного рода ситуация не считается приемлемой. Наоборот, все эксперты ратуют за то, чтобы каждый ребенок получил равные права на поступление в высшее учебное заведение: «Пусть будет конкуренция не портфелей, не чинов и званий, а конкуренция знаний». Представители вузов объясняют эту ситуацию как заинтересованность в «лучших людях». При высоком конкурсе они могут отбирать способных ребятах, которые будут принимать активное участие в научной и повседневной жизни университета, которые способны к дальнейшему восприятию вузовской программы. Поэтому и рост конкурса представители университета воспринимают как благо. Наличие неформальных каналов поступления в вуз усугубляет ситуацию, поскольку шансы на поступление зависят не только от уровня подготовки учащегося, но и от наличия доступа к таким неформальным каналам. Поэтому общеобразовательные учреждения вынуждены подчас увеличивать учебную нагрузку для того, чтобы реализовать одну из задач современной школы: подготовка к поступлению в вуз. Эта задача становится все более актуальной в условиях конкуренции среди общеобразовательных заведений в привлечении учащихся (да и преподавателей тоже). В связи с ростом престижа высшего образования (изменения на рынке труда, спрос на специалистов с высшим образованием и т.д.) поток желающих обучаться в вузе увеличивается. Поскольку есть спрос на получение высшего образования и возможность выбирать среди различных государственных и негосударственных общеобразовательных учреждений, то последние стремятся привлечь к себе учащихся, реализовывая по возможности требования в подготовке к поступлению в вуз.

Наличие такого рода вариаций в изменениях учебного плана может быть связано:

- с формой общеобразовательного учреждения (школы, лицеи, гимназии),
- с кадровым составом (наличие преподавателей по данной дисциплине, их профессиональные качества и т.п.),
- в связи с последним пунктом можно отдельно выделить локализацию учреждения (город, село).

Во-вторых, каждый преподаватель, оценивая работу учащегося, должен руководствоваться нормативами. Есть четко прописанные нормы: в каком случае ставится оценка «5», «4» и т.д. Реальность подчас не укладывается в жесткие прописные рамки. Здесь необходимо отметить ограниченность пятибалльной системы оценки качества знаний учащегося: вариативность ее трактовки и применения. Отсутствие адекватной системы контроля качества предоставляемых знаний: оценки в аттестате и наличие медали (по ним и по ответам на вступительных экзаменах мог бы судить преподаватель вуза о подготовке абитуриента), по мнению экспертов, не отражают действительную подготовку учащегося. Во-первых, в силу привязки к пятибалльной системе, а, во-вторых, в силу особенностей взаимодействия между учителем и учеником. Таким образом, можно отметить существование дифференциации медалей и аттестатов в зависимости от формы общеобразовательного учреждения и его локализации.

В-третьих, на функционирование общеобразовательного заведения (как, в прочем, и любого другого) влияет и материально-техническая база. Это и здание с оборудованными помещениями, и финансирование, кадровый состав, учебная и методическая литература и т.д. Не секрет, что и в Томской области есть школы, здания которых находятся в аварийном состоянии, не говоря уже о техническом оснащении (к примеру, компьютеризация, множительная техника, оборудование в кабинетах). Также отмечается «старение» и нехватка преподавательских кадров. Последнее, по мнению экспертов, сильнее отражается на обычных средних школах в связи с оттоком преподавателей в лицеи и гимназии. Однако для всех общеобразовательных учреждений характерно отсутствие молодых специалистов (например, они утверждают, что «... через несколько лет нас просто некому будет сменить», «...через 10-15 лет школа просто быстро постареет»). Что касается учебно-методических материалов, то ситуация складывается следующим образом: общий тираж выпущенных в 2000 г. учебников составил 60,3 млн., это свыше тысячи наименований (1192), из которых 171 – новые [10. 9]. Причем, среди этого разнообразия сам учитель не в состоянии разобраться, и обращается в Городской научно-методический центр (ГНМЦ). Сотрудники ГНМЦ, во-первых, не имеют финансовых возможностей приобретать все учебные материалы и пособия, а, во-вторых, отмечают ряд ограничений по их использованию (продолжительность учебного курса, указанная автором, далека от реальной,

курсы не сбалансированы между собой, не соблюдается предметная линия и т.д.).

Перечисленные аспекты институционального фона оказывают влияние на конструирование ситуации ее субъектами. Ряд исследователей поднимают вопрос о неспособности современной школы обеспечить своих выпускников необходимой базой знаний для получения высшего образования. Отмечают, что выполняемую школой функцию подготовки к вступительным экзаменам в вуз активно реализуют неформальный институт репетиторства и многочисленные коммерческие курсы. В связи с нарастанием упреков школы и вуза в адрес друг друга возникает резонный вопрос, на каком уровне происходят эти споры: на уровне института или институций. Т.е. в чем заключается противоречие: в существующих правилах и нормах или в том, как они реализуются на практике? Попытаемся ответить на этот вопрос, анализируя цели, возлагаемые субъектами образовательного процесса на общеобразовательную школу. В целом можно отметить отсутствие единого представления о целях образовательного процесса в средних общеобразовательных учебных заведениях. Наиболее ярко это проявляется в расхождении мнений среди представителей вузов и общеобразовательных учреждений относительно необходимости подготовки учащихся к поступлению в вуз. Можно выделить две основные цели, стоящие, по мнению представителей школ, лицеев и гимназий, перед данными учреждениями:

1) обеспечение ребенка, прежде, всего, «предметными» знаниями;
2) развитие творческой личности с определенными ценностями, жизненными ориентациями и навыками общения с другими людьми.

В зависимости от формы общеобразовательного учреждения варьируется порядок и наполнение этих компонентов, также как и увеличивается степень ответственности, возлагаемая на плечи ребенка в связи с выбором своего дальнейшего пути (самоопределение). Это касается, в первую очередь, гимназий, лицеев и инновационных школ.

В сфере общеобразовательных учреждений также отсутствует единство в отношении подготовки выпускника к поступлению в вуз. Актуализация подготовки выпускника для поступления в вуз как цели более характерна для лицеев, на втором месте – гимназии, а затем общеобразовательные школы, для которых более важно предоставить ребенку необходимый минимум предметных знаний. Именно этот момент: подготовка к поступлению в вуз – и является камнем преткновения. Получается, что представители школы, в большинстве своем, склонны опираться не на нормативные документы, а на реальную практику работы с учащимися. Т.е. они подходят к этой ситуации с точки зрения тех возможностей, которые есть у каждого отдельного заведения или преподавателя в передаче определенного багажа знаний и навыков. Представители вузов в своих претензиях к школе опираются как раз на уровень установленных порядков и правил, отстраняясь от реальной ситуации в школе. Таким образом,

мы сталкиваемся с ситуацией, когда стороны не просто рассматривают наличную ситуацию с разных позиций, но и по разным основаниям.

Литература:

1. Актуальные вопросы организации обучения в образовательных учреждениях Томской области. Методические рекомендации к августовским совещаниям. Томск, 1998. 188 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1. М., 1999. 544 с.
4. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2. М., 1999. 528 с.
5. Добрускин М.Е. Школа и вуз: преемственность или обособление? // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 128-133.
6. Зборовский Г.Е. Образование: научные подходы к исследованию // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 21-29.
7. Калачева Т.Г., Абросимова Л.В. Установки выпускников школ на получение высшего образования // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 98-103.
8. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998. 256 с.
9. Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс. М., Львов, 1998. 496 с.
10. Шелепин Л.А. «Реформа образования» и ее последствия // Стандарты и мониторинг в образовании. 2001. № 4. С. 10-16.
11. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. 304 с.

Методологические особенности изучения группового взаимодействия учащихся различных образовательных учреждений

М.Е. Макеева

За последние десять лет система среднего образования в России претерпела ряд трансформаций, преобразовавших унифицированную общеобразовательную школу в многоликую реальность. Последствия данных изменений рассматривались в работах многих исследователей. Однако, несмотря на все возрастающий интерес к проблемам среднего звена образования и достаточно широкий круг изучаемых вопросов, проблема группового взаимодействия учащихся остается за пределами рассмотрения. Хотя именно межличностные отношения оказывают существенное влияние на формирование личности молодого человека и имеют не менее важное значение, чем непосредственная учебная деятельность. Под влиянием групповых норм происходит становление личных установок и иден-

тификаций ребенка. В данном исследовании нас интересуют прежде всего учащиеся одиннадцатых классов, так как именно эта группа школьников находится в ситуации переломного момента развития, оканчивая школу и вступая в новую фазу своей жизни. И усвоенные ранее групповые нормы и ценности (такие как направленность на сотрудничество или конкуренцию, стремление к достижительности, отношения к лидерам и аутсайдерам и т.д.) окажут существенное влияние на их становление во взрослой жизни.

Как уже отмечалось ранее, изучая сегодня различные аспекты системы среднего образования, мы не можем говорить о единой общеобразовательной школе. Ряд проведенных исследований показывает, что инновационные учебные заведения и традиционные школы отличаются не только по содержанию и методике учебного процесса, но и по материальному положению, специфике социально-экологической среды, социальному составу учащихся, уровню преподавания и т.д. Таким образом, проблему данной работы можно сформулировать следующим образом: в чем специфика или каковы особенности группового взаимодействия учащихся различных общеобразовательных учреждений.

Целью данной работы является выявление специфических характеристик группового взаимодействия учащихся инновационных учебных заведений (лицеи, гимназии) и общеобразовательных школ.

Задачи:

1. на основе анализа литературы рассмотреть особенности функционирования системы школьного образования в России;
2. проанализировать различные подходы к изучению группового взаимодействия, в том числе рассмотреть исследование данного вопроса в работах Г. Зиммеля и Р. Мертона;
3. выявить основные элементы и характеристики понятия «группового взаимодействия»;
4. провести собственное исследование с целью выявления особенностей группового взаимодействия учащихся инновационных учебных заведений и массовых школ.

Под групповым взаимодействием я понимаю процесс непосредственных контактов, общения учащихся между собой. Это «предполагает систематическое воздействие членов группы друг на друга, выработку общих ценностей и норм поведения, превращение группы из конгломерата индивидов в группу – систему с установленной стабильной структурой и образцами группового поведения» [6. 62].

Историческая теория группового взаимодействия восходит к работам Г. Зиммеля конца 19-начала 20 вв., её расцвет приходится на 50-60 гг. и связан с работами Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Бейлса, Дж. Хоманса и др. Многими авторами были разработаны теории группового поведения – концепции, описывающие закономерности поведения людей, обусловленные факторами принадлежности их к той или иной группе. При изу-

чении выше поставленной проблемы были рассмотрены различные подходы к исследованию группового взаимодействия, в частности изучение данного вопроса Р.К. Мертоном. Таким образом, учитывались следующие групповые свойства: 1) степень «включенности» в группу; 2) открытый или закрытый характер группы; 3) степень социальной дифференциации; 4) типы и степени социальной сплоченности; 5) способность группы к расщеплению (единству); 6) объем социального взаимодействия внутри группы; 7) престиж группы и др.

В прошлом году нами был проведен первый этап исследования – экспертный опрос. Сбор данных осуществлялся методом интервью с классными руководителями одиннадцатых классов лицеев, гимназий и школ. Второй этап нашего исследования – интервьюирование учащихся данных учебных заведений. Поэтапное проведение исследования (восприятие данного вопроса глазами классных руководителей и непосредственно самих учащихся) позволит нам комплексно изучить выше поставленную проблему, принимая во внимание её различные аспекты.

В выборку вошли следующие общеобразовательные учреждения города Томска: гимназии №№ 1, 2, 6; гуманитарный и коммерческий лицеи; школы №№ 41, 27, 36, 23. Критериями при выборе образовательного учреждения являлись: тип общеобразовательного заведения, его район нахождения, а также экспертная оценка представителей органов образования города.

Подводя итоги исследования, следует сказать прежде всего о явном несоответствии данных, полученных в ходе проведения интервью с представителями инновационных учебных заведений и самими учащимися. Результаты прошлого года свидетельствуют о высокой степени сплоченности и «включенности» ребят в классную жизнь. Однако в ходе проведения данного этапа исследования выяснилось следующее: несмотря на то, что в инновационных учебных заведениях действительно достаточно развита общественно-воспитательная компонента образования, сами ребята не считают, что это способствует налаживанию процесса взаимодействия между одноклассниками. Кроме того, классные руководители отмечали стремление ребят к сотрудничеству и взаимопомощи («Мы как единая семья» – отметил один из представителей инновационных учебных заведений). На самом деле можно говорить о достаточно высокой степени дифференцированности и сегментированности в данных учебных заведениях, наличии большого количества конкурирующих друг с другом субгрупп. Таким образом, в прошлом году учителя лицеев и гимназий стремились скорее создать некий идеализированный тип взаимоотношений учащихся. Однако данное несоответствие между тем как должно быть и тем как есть не самом деле, представляет собой, на мой взгляд, отдельную, требующую более детального изучения проблему.

Обращаясь теперь непосредственно к особенностям взаимодействия учащихся, с учетом данных, полученных в прошлом году, можно сказать

следующее: наиболее специфической средой в модусе взаимоотношений одноклассников являются лицеи. Для лицеистов характерно четко выраженное стремление к соперничеству, конкуренции друг с другом. При чем самопозиционирование происходит в большинстве случаев не в плане учебы, а в процессе взаимодействия одноклассников. При этом, по мнению многих лицеистов, именно статусно-материальная позиция играет определяющее значение при формировании субгрупп: «Если у тебя есть деньги и вся соответствующая атрибутика – хорошая одежда, сотовый, возможность ходить по дорогим клубам, то с тобой будут общаться как с равным. Если – нет, то тебя даже замечать не будут». По мнению самих старшеклассников данная ситуация обусловлена прежде всего высокой степенью социальной дифференциации в данных учебных заведениях, где учатся дети из разных статусных групп, в результате чего происходит столкновение межгрупповых интересов и ценностей. Однако, с другой стороны, именно лицеисты, в отличие от учащихся других общеобразовательных учреждений, считают, что приобрели в лицее настоящих друзей, с которыми они проводят большую часть своего свободного времени. Кроме того, на вопрос: «К кому Вы обратитесь прежде всего, если у Вас возникнут трудности в учебе?», именно лицеисты ответили – «к одноклассникам», в отличие от гимназистов и школьников, которые в первую очередь либо сами пытались разрешить свои трудности либо обратились бы за советом к учителям. Таким образом, по сравнению с другими учебными заведениями, можно все-таки говорить о более тесном взаимодействии лицеистов, большей степени сплоченности, но сегментированной на отдельные группы.

Что касается конкуренции между одноклассниками в учебе, то респонденты всех типов учебных заведений считают, что если в их классах и есть своеобразная борьба за оценки, то это чаще всего касается двух-трех человек из класса (в большинстве случаев медалистов), остальные же активизируют свою учебную деятельность лишь в конце одиннадцатого класса, аргументируя это тем, что «без хорошего аттестата сейчас никуда». Исследование также показало, что одной из основных проблем в различных общеобразовательных учреждениях, прежде всего в школах, является «списывание» учащихся друг у друга. Желание получить хорошую оценку, применив при этом минимум собственных усилий, было отмечено во всех исследуемых нами учебных заведениях.

Если обратиться к гимназической среде, то следует отметить, что она во многом схожа с лицейской, однако, здесь нет столь явно выраженной конкуренции, соперничества между учащимися: «Каждый учится сам по себе, кто как может». Для гимназистов, также как и для школьников, характерно отсутствие стремления к лидерству. Данная ситуация проявляется наиболее ярко на фоне лицеев, где, как считают сами лицеисты, каждый хочет стать первым, лучшим. Кроме того, вряд ли можно говорить о высокой степени «включенности» ребят в данную среду. В большинстве

случаев их взаимодействие с одноклассниками ограничивается учебным процессом. Респонденты считают, что им вполне хватает общения друг с другом во время уроков, и они не нуждаются в установлении более тесных контактов с одноклассниками. Таким образом, можно говорить, что референтные группы гимназистов находятся вне гимназии, соответственно влияние данной среды на формирование основных установок и ориентиров учащихся будет весьма ограниченным.

Подтвердилась наша гипотеза о высоком уровне конфликтности в таком типе учебных заведений как школы (особенно находящихся в неблагополучных районах города). Как отмечают школьники, у них достаточно часто происходят конфликты друг с другом, при этом нередко бывают и открытые столкновения между одноклассниками. Подтверждением данного предположения является и наличие большого числа аутсайдеров в школьных классах. Безусловно, во всех типах общеобразовательных учреждений есть ребята, с которыми не общаются одноклассники, однако в школах их количество нередко доходит до 5-6 человек в каждом из классов.

Изучая особенности группового взаимодействия учащихся, мы рассматривали также взаимоотношения учеников с учителями. Следует отметить, что учащиеся инновационных учебных заведений более благоприятно высказывались о своих педагогах. По мнению самих респондентов, учителя признают в них «личности, и относятся как к равным». При этом если учащиеся инновационных учебных заведений считают, что в большинстве случаев учителя объективно оценивают их знания, то основной проблемой в школе, с точки зрения учащихся, является то, что преподаватели «занижают оценки». Во всех исследуемых нами школах респонденты отмечали, что учителя благосклонны лишь к лучшим ученикам (чаще всего к медалистам). Безусловно, данная ситуация является причиной многих конфликтов как учеников с преподавателями, так и между одноклассниками. Можно предположить, что столь неоднозначное отношение к учащимся связано с тем, что в последнее время успехи учеников, их успеваемость становятся главным критерием оценки труда педагога, от которой, в конечном счете, – через систему аттестации кадров, распределение учебной нагрузки среди учителей – зависит оплата его труда и престиж в коллективе. В результате чего учителя в большинстве своем утрачивают профессиональный интерес к обычному, неконкурентоспособному ученику.

Один из интересующих нас блоков касался основных жизненных целей и стратегий их достижения. Исследование показало, что для учащихся инновационных учебных заведений характерны скорее реалистические и прагматические ориентиры. При выборе вуза и специальности основным показателем для ребят является престижность профессии и возможность в дальнейшем устроиться на хорошую работу. Соответственно, здесь можно говорить о явном стремлении к достижению привлекатель-

ных статусных позиций в материальном и профессиональном плане. Среди ответов школьников на данный вопрос можно выделить либо абстрактно-идеалистические высказывания такие как: «эта профессия нужна людям», «хочу быть полезным другим» и т.д., либо ответы, связанные с желанием минимизировать собственные трудности: «сюда легче поступить», «здесь проще учиться». Кроме того, если учащиеся инновационных учебных заведений абсолютно уверены в полной реализации поставленных ими целей, уверены, что поступят именно в тот вуз, который они выбрали, то школьники в большинстве случаев возможность продолжения образования в вузе сразу после окончания школы оценивают крайне низко. Многие из них собираются получить сначала какое-либо профессиональное образование (например, в техникуме или колледже), считая, что это в дальнейшем повысит их шансы на поступление в вуз. Данное положение подтверждает тезис о том [4], что если учащиеся инновационных учебных заведений имеют возможность поступать в «престижные» вузы, получать качественное образование и профессии, наиболее перспективные с точки зрения жизненной карьеры, то ученики массовых общеобразовательных школ практически не имеют шансов преодолеть конкурсные экзамены в вузы без дополнительной подготовки.

Таким образом, данное исследование показало, что каждому из представленных типов учебных заведений присуща своя специфика, свои особенности группового взаимодействия учащихся. Однако проблема в данном случае заключается не столько в вариабельности групповых свойств и характеристик, сколько, несколько перефразируя Р. Мертона, в различных, а иногда и противоположных, системах координат, предоставляемых данными средами, для самооценок, формирования установок и норм поведения индивидов.

Литература:

1. Алашеева С. Цветкова И. Межличностные отношения в школе // Социологический журнал. 1998. №4. С. 230-236.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1997. 375 с.
3. Днепров Э.В. Современная школьная реформа в России. М., 1998. 464с.
4. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентиры и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999. 344 с.
5. Нечаев В.Я. Социология образования. М, 1992. 255 с.
6. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. 672 с.
7. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. М., 1995. 544с.
8. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. 304 с.
9. Эволюция образовательной системы томского региона в 90-е годы. ТГУ. Томск, 1999. 62 с.

Анализ тенденций современной российской рекламы

Л.Л. Максименко

Традиционные определения рекламного процесса, опирающиеся на категории экономической науки, постепенно утрачивают актуальность. Все больше признаков указывает на то, что реклама стала специфической формой контактов между человеком и окружающим миром. Проблемная ситуация заключается в следующем: как измерить экономическую эффективность рекламы и с помощью каких категорий давно известно. До недавнего времени в рекламной практике использовались данные принципы. Тем не менее, в современном обществе в условиях массовой коммуникации, это утратило свою актуальность. Что же касается коммуникативной эффективности, то четкой категориальной схемы, которая эту эффективность измеряет, в литературе нет. Есть лишь отдельные исследования, затрагивающие технический аспект, также – исследования в области психологии, семантики и т.д.

Цель данной работы – на основе выделенной категориальной схемы провести контент-анализ телевизионных рекламных сообщений, и выделить тенденции, которые существуют в настоящее время.

Рекламное сообщение – это элемент рекламной коммуникации, являющийся непосредственным носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого коммуникатором на получателя. В рекламном сообщении фокусируется большинство элементов рекламной коммуникации. В их числе – идея коммуникации и используемые коды, которые способствуют восприятию этой идеи получателем сообщения [4. 240]. Рекламное сообщение имеет конкретную форму (текстовую, визуальную, символическую и т.д.) и поступает к адресату с помощью конкретного канала коммуникации. Структура рекламного сообщения включает пять элементов: слоган, зачин, информационный блок, справочные сведения, эхо-фразу [3. 120]. Содержание рекламного сообщения определяется множеством факторов, среди которых главную роль играют цели и характер воздействия на адресата. Обычно выделяют четыре основных уровня психологического воздействия: когнитивный, аффективный, суггестивный и коннотативный. Осознание необходимости этих основных уровней воздействия рекламного сообщения на сознание человека легло в основу множества рекламных моделей [1. 116].

Так как коммуникативное общение – это общение в виде информационного обмена, для разработки категориальной схемы был проанализирован когнитивный аспект рекламного воздействия. А также аффективный, т.к. он является не менее важным в условиях рекламной коммуникации.

Разработка данной проблемы показала социальную значимость и актуальность ее в современном обществе. Очевидно, что реклама является неотъемлемой частью информационного обмена в условиях массовой коммуникации. Ежедневно реклама вторгается в жизнь многих людей.

Даже если они этому сопротивляются, реклама находит способы охватить внимание ярых противников данного явления. Таким образом, проблематика эффективности рекламы не исчерпывается только определением ее торговой эффективности. Так как в условиях массовой коммуникации нельзя упрощать человеческое восприятие рекламной информации и ответную реакцию на нее, сводя этот механизм к принципу «посмотрел – купил». С восприятием рекламной информации и адекватной реакцией на нее связаны более сложные процессы. Поэтому, изучив психические уровни восприятия и переработки рекламной информации и, определив механизмы воздействия рекламы, была выделена категориальная схема, измеряющая коммуникативную эффективность телевизионного рекламного сообщения. Она включает четыре группы категорий: структурно-физические, пространственные, коммуникативные параметры и параметры, относящиеся к сфере Я-получателя.

Используя данную категориальную схему, был проведен контент-анализ телевизионных рекламных сообщений. Общее количество составило 248 телероликов. Данный объем выборки ограничен временными пределами. Ранее был выделен временной фактор, который и определил данный объем: запоминаемость телеролика после просмотра в среднем длиться от 1-2-х недель. Таким образом, телеролики были записаны в течение 2-х недель, в будние дни – в вечернее время (2 часа), выходные – днем и вечером (3-4 часа).

Единица анализа – телевизионное рекламное сообщение.

Категория анализа – категории из схемы, ранее приведенной.

Единицы счета – слова.

Были выделены четыре группообразующие переменные, по которым проводился анализ: десятисекундный интервал, национальная/местная реклама, вид товара, персонажи.

Таким образом, в выборку попало 86% российской рекламы и 14% томской рекламы. Результаты общей процентовки по всем категориям анализа показали, что в телерекламе акцент ставиться на такие категории, как качество товара, близость к потребителю, эмоциональная терминология, мотив здоровья и мотив удовольствия. Основной процент упоминания данных категорий значим для 30 секундных телероликов. Это говорит о том, что рекламные сообщения в российской рекламе построены с учетом коммуникативных параметров.

Как известно, реклама стала частью государственной политики, к тому же, она является транслятором ценностей и жизненных стилей. Поэтому доминирование мотивов здоровья и удовольствия можно объяснить направленностью политики государства на оздоровление нации и особенностями человеческой психики (в томской телерекламе акцент на мотив удовольствия – т.к. основной процент населения – молодежная среда).

В зависимости от группообразующей переменной «национальная/местная реклама» выделены следующие особенности. В российской рекламе акцент на таких категориях, как действие товара (22%), проблемная ситуация (24%) и запоминаемость (24%). Что же касается томской рекламы, то в основном используется две категории: мотив прибыльности (29%), мотив надежности и гарантий (41%). Российская реклама показывает все группы товаров. Специфика же томской рекламы в том, что она показывает только рекламу продуктов питания, лекарств и магазинов, причем основной процент принадлежит последней группе товаров – 79%. Данный факт можно объяснить особенностями провинциального города: не требуется рекламировать марку товара, а необходимо указание на место продажи.

В российской рекламе доминируют такие персонажи, как мужчина (22%) и женщина (37%), причем как мы видим практически в равных пропорциях. Остальные типы персонажей присутствуют в малых процентах. В томской – доминируют такие персонажи, как женщина (18%) и сам товар (68%). В связи с этим обстоятельством можно выделить еще одну специфическую черту томской телерекламы: акцент делается на сам товар. Данный факт можно объяснить двумя взаимоисключающими причинами:

1. недостаточно развита рекламная сфера (низкий уровень профессионализма);
2. учитывая специфику города Томска, в котором высокий процент людей, занятых в сфере образования и науки, можно предположить, что потребителям данного региона вполне достаточно показать непосредственно сам товар и дать информацию о нем, не подкрепляя ее дополнительными убеждениями героев и авторитетных лиц. Т.е. высокообразованные люди обладают преимущественно критическим мышлением. Поэтому попытка навязать какое-то мнения воспринимается негативно и ведет к обратным результатам. В зависимости от группообразующей переменной «вид товара» выявлено, что трансляция стилей жизни и отнесение к определенной социальной группе осуществляется рекламой, связанной с такими видами товара, как косметика (38%), техника (32%), магазины (20%). Что же касается персонажей, то обнаружена следующая особенность: в рекламе лекарств самый большой процент принадлежит такой группе персонажей, как мужчины (32%). Это можно объяснить особенностями российского сознания, в частности стереотипами мышления.

С одной стороны – считается, что мужчина более уязвим и подвержен болезням, поэтому в большинстве реклам данного вида товара мужчина показывается объектом проблемы (болезнь) и, как следствие, объектом заботы.

С другой стороны – очень часто в рекламном сообщении мы видим не столько рекламу самого товара, сколько определенные поведенческие

модели. Существуют стереотипы гендерного плана. Мужчинам, как правило, с детства внушается, что нельзя плакать, показывать слабость, рассказывать о своих проблемах. Показывая мужчину объектом проблемы, реклама данного типа говорит о том, что мужчинам болеть и обращаться за помощью не стыдно. Более того, необходимо заботиться о своем здоровье. И, следовательно, указывается, как это можно сделать.

Таким образом, в результате исследования были выделены три основные тенденции:

1. Рекламные сообщения в российской телерекламе построены с учетом коммуникативных параметров.
2. Доминирование мотивов здоровья и удовольствия, связанное с направленностью политики государства на оздоровление нации и особенностями человеческой психики.
3. Большой разрыв в процентном соотношении между российской и томской рекламой по всем группам категорий.

В заключении хочу сказать, что своеобразие рекламного рынка в России заключается в его динамике. Границы этого рынка непрерывно расширяются. Реклама в интересах рынка настойчиво навязывает аудитории свои ценности, активно формирует массовое сознание, распространяя и закрепляя рыночный кодекс и жизненные ориентации ее заказчиков [2. 331]. Поэтому, в перспективе на данную тему будут проведены интервью с экспертами, а также опрос непосредственно потребителей.

Литература:

1. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. М., Новосибирск, 2000. 230 с.
2. Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. Ч. 1. М., 1998. 400 с.
3. Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность. М., 1999. 364 с.
4. Ромат Е.В. Реклама. Киев, Харьков, 2000. 480 с.

Методологические проблемы изучения «молодежной рекламы»

И.В. Сивец

В наше время большое значение в обществе играют СМИ. Через СМИ различные формы массовой культуры стали определяющим образом влиять на формирование ценностных установок, стиля и образа жизни населения и особенно молодежи. Значимую роль в этом процессе играет реклама. Как известно, реклама предлагает не только определенный товар, но и стиль жизни. Чаще всего реклама направлена на определенную целевую группу. Молодежь также является одной из таких групп, но как определить является ли данная реклама «молодежной»?

Что такое молодежь? С каким инструментарием можно подойти к изучению «молодежной рекламы»?

Целью работы является построение категориального аппарата для изучения рекламы на основе данных интервью и литературы.

Для достижения данной цели нужно решить следующие задачи:

Определить критерии выделения в молодежную группу; дать определение понятию «молодежь»; на основе концептуализации понятия «молодежь» выделить критерии отнесения к молодежной рекламе; изучив механизмы воздействия составить категориальную схему для изучения рекламы, направленной на молодежь.

Давно идут споры между учёными по поводу выделения молодёжи в самостоятельную группу, критериев её выделения в группу, возрастных границ молодёжи. Сама процедура выделения молодежи как социальной группы с методологической точки зрения носит слабо обоснованный характер.

Важной является задача проанализировать социальную организацию двух переходов: от детства к молодости, от молодости во взрослость. По-видимому, состояние между двумя переходами и можно будет с большей или меньшей точностью определить как молодость.

Английский социолог Саймон Фриз [2. 21] предлагает рассматривать молодежь в пересечении двух векторов: движение от зависимости к независимости, от безответственности – к ответственности.

С одной стороны, молодые люди достаточно зависимы, с другой – они уже взрослые, так как достигли определенной независимости. Молодые люди более независимы, чем дети, но они по-прежнему зависят от взрослых. Само движение от «зависимости» к «независимости» проходит через ряд стадий, которым соответствуют такие социальные институты как семья, система образования, работа, система организации досуга.

Семья. Молодой человек действительно в большей степени независим от семьи. Семья в отличие от досуга и даже от школы – это очень закрытый институт, исследовать который сложно. Наибольших успехов в исследовании «закрытых» форм влияния семьи на формирование личности подростка в период его перехода во взрослую жизнь достигли психологи. Социологи в большей степени концентрируют свое внимание на внешних формах проявления семейной жизни, например, в субкультурных формах молодежной активности и стилях. Особенно заметно присутствие семьи в формировании этнической и половой (прежде всего, гендерной) идентификации подростков и т. п.

Образование. Второй крупный шаг к независимости делает подросток, когда он уходит в школу. Школьный возраст действительно легко определить с биологической точностью – все люди от 7 и до 16 лет должны посещать школу. Все дети определенного возраста, если они здоровы, должны пойти в школу, независимо от социальных, статусных, властных и других различий, которые между ними существуют. Школа, если и не более, то,

пожалуй, и не менее консервативный институт, чем семья. Оба этих института стоят на пути взросления ребенка как социальные фильтры.

Работа. Во многих культурах окончание школы знаменует собой «конец» молодости. Но социальный возраст не всегда соответствует физическому. Не все подростки, оканчивая школу, начинают сразу работать. Во-первых, большая часть стремится к продолжению образования: высшего или специального. Во-вторых, существует проблема молодежной безработицы. Молодой человек вышел из школы, но не пришел на работу, не поступил в университет, и это его состояние может длиться очень долго.

Досуг. Молодежная культура как для ученых-исследователей и взрослых, контролирующих процессы взросления, так и в общественном мнении, прежде всего, ассоциируется с тем, как молодежь реализует себя в досуге. Стиль и все его составляющие (а это самые первые приметы досуговой деятельности) – это именно то, что делает молодежь особой социальной группой в глазах окружающих. Поэтому большинство социологов молодежи являются по преимуществу социологами в сфере молодежного досуга.

То, как молодые люди проводят свой досуг, во многом зависит от внедосуговых сфер – семейного статуса, образования, класса, гендера. Следовательно, исследуя только досуговые формы молодежной активности, ученые вольно или невольно изучают и социально-экономические предпосылки досуга и его социокультурные последствия

Второй важный аспект перехода из детства во взрослость связан с понятием «ответственность». Довольно часто, говоря о молодежи, употребляют понятие «безответственность». Употреблять этот термин по отношению к молодежи можно только в узко юридическом смысле. При более пристальном взгляде на процесс перехода из детства во взрослость становится очевидным, что молодость – это время, когда молодой человек принимает на себя все новую и новую ответственность. От молодых людей уже ждут определенной зрелости, часто рассматривают их как зрелых, ожидая от них зрелых решений и поступков.

Можно подвести итог. Молодость – это определённый возраст. Некое состояние, определяемое социокультурными критериями. Некая группа или поколение с присущими ей ценностями.

На основе сопоставления данных литературы и результатов исследования можно дать определение молодежи. Молодежь – это группа людей, обладающих определенной культурой, возрастными границами, идентифицирующие себя и воспринимаемые другими как молодежь. Возраст является наиболее «внешней» характеристикой молодежи, поэтому его определение решает ряд проблем, связанных, в том числе, и с социологическими исследованиями. Можно выделить определенный возраст молодежи. По данным интервью это возраст от 16 до 27 лет. Но не стоит забывать, что возраст это не единственное что отличает молодежь от других групп, так

как даже в рамках одной возрастной группы могут быть и «маленькие взрослые» и «взрослые дети».

Следующим нужно решить вопрос: что же такое «молодежная реклама»? На основе исследования можно выделить следующие ее характеристики.

Межличностные отношения молодежи в рекламе отличаются не формальностью.

Музыкальное сопровождение в молодежной рекламе более подвижное и энергичное.

Так как молодежь отличается от других возрастных групп в основном в сфере досуга, то фоном рекламы чаще являются молодежные тусовки, дискотеки – места, наиболее часто посещаемые молодежью.

Больше всего молодежи нравятся жанровые сценки, где главную роль играют красивые профессиональные актеры – парень и девушка.

Ролик, имеющий продолжение, снятый в жанре мини-сериала больше интригует зрителей.

Использование юмора, ярких красок, молодежного сленга.

Так же одной из характеристик является трансляция на молодежном канале.

Так как не все характеристики можно замерить, то я считаю возможным проведение в следующем году фокус группы в результате которой, возможно, появятся более четкие критерии «молодежной рекламы».

Существуют некоторые механизмы, с помощью которых реклама влияет на молодежь, поддерживает сложившиеся стереотипы молодежи в рекламе. Методологию исследования молодежной рекламы я хотела бы раскрыть на примере изучения молодежных стратегий в рекламе.

Для этого мною была разработана методологическая схема, основой которой послужила концепция идеологии Томпсона. Итак, рекламное сообщение состоит из трех компонентов: содержательный (сами стратегии), структурный, смысловой/коммуникативный компоненты.

Выделим три измерения, в которых лежат жизненные стратегии молодежи: основание для выделения первой оси координат – выделения по сферам деятельности: деловая сфера, семья и досуг. Вторым основанием является активность/пассивность молодого человека и третья ось выделяется по нормативности поведения: девиантное/нормативное. На пересечении этих трех осей и формируются жизненные стратегии «рекламной молодежи».

Структурные параметры были выделены на основе результатов исследования, проведенного в прошлом году, а так же по данным литературы. Через комбинации структурных компонент передается смысл ролика, те смысловые, а значит и содержательные параметры. К структурным компонентам относятся: цвет, звуковое сопровождение, тип взаимоотношений главных героев ролика, жанр рекламы (сценка, презентация продукта...) и т.д.

Несомненно, реклама содержит идеологический момент, посредством, которого навязывает стандарты поведения, причем не только потребительского. Именно поэтому основанием для выделения смысловых параметров послужила схема идеологии Томпсона [1. 102]. Томпсон выделяет пять способов воздействия идеологии, которые раскладываются на более частные стратегии. На базе данных стратегий возможен выход на эмпирические индикаторы (именно они и будут составлять смысловые или коммуникативные параметры).

1. Первым общим способом воздействия является легитимация. Легитимация делится на рационализацию, универсализацию и нарративизацию, у каждой из которых есть свои более четкие индикаторы. Так индикаторами рационализации являются приведение качества товаров, упор на мотивы прибыльности, любви и т.д. Индикаторы универсализации: вещь, доступная только специалистам стала доступной широкому потреблению. Нарративизация характеризуется: обращением к истории, советами специалистов, кумиров. Примером легитимной рекламы может быть использование кумиров молодежи в роликах (реклама пепси с Бритни Спирс)

2. Вторым компонентом является сокрытие. Отношения доминирования могут поддерживаться за счет отрицания. Затемнения, отвлечения внимания от реально существующих процессов и явлений. Более частные параметры замещение и троп. Троп – это использование слова в переносном значении для достижения большей выразительности. Например, лозунг при рекламе матраса: «на нас можно положиться». Замещение проявляется, например, в рекламе косметических средств, где участвуют модели, чья внешность признана эталоном красоты.

3. Третьим общим способом влияния является унификация. В этом случае конструируются на уровне символов также форм единства, которые обеспечивают индивидов некоторой коллективной идентичностью независимо от присущих им различий. Это находит свое выражение в символизации единства и стандартизации. Символизация единства воплощается через использование сленга, личное обращение к зрителю.., а стандартизация через стереотипы и ассоциации. Примером общего метода унификации может служить реклама фанты («Вместе веселее, вливайся») или использование в рекламе молодежного сленга «не тормози – сникерсни».

4. Четвертый способ влияния идеологии состоит в том, что отношения доминирования поддерживаются не за счет объединения индивидов или групп, а, наоборот, посредством их разделения. Это предполагает фрагментацию индивидов или групп, дифференциацию. Реклама кубиков магги («мы такие разные, но когда нам хочется куриного бульона, мы выбираем магги»).

5. Пятый компонент реификация. Состояние дел представляется как некоторое постоянное, вневременное состояние. Процессы изобра-

жаются таким образом, что затушевывается или исчезает полностью социальный и исторический характер явлений. Так же это находит выражение и в таком способе как натурализация, когда какое-либо явление, являющееся результатом определенных процессов, представляется как неизбежное. Индикатором в этом случае может быть мнимая свобода выбора в рекламном ролике. Пример реификации в рекламе – это реклама кремов, шампуней, лекарств.

Таким образом, на базе контент-анализа можно выяснить схемы идеологического воздействия в рекламе, а так же более четко представить жизненные стратегии, которые представляет молодежи реклама и способы, через которые происходит этот процесс.

Литература:

1. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 1999. 240 с.
2. Омельченко Е. Молодежные культуры. М., 2000. 240 с.

Российская семья в обществе постмодерна

К.С. Сочугова

В последние десятилетия, ведущие западные социологи говорят о трансформации современного западного общества. Для определения состояния общества, в котором оно находилось вплоть до последних десятилетий прошлого века, социологами используют термины: «индустриальное общество», классовое общество», «общество модерна». То новое состояние, переход, к которому отмечается социологами в настоящее время, определяется как «общество постмодерна», «постклассовое общество», «информационное общество». Говоря о современной западной семье, исследователи единодушны во мнении, что она уже трансформировалась под влиянием ценностей постмодерна.

Очевидно, что переживаемый нашей страной исторический «перелом» сопровождается глобальными изменениями во всех социальных институтах общества, в частности в семье. Отечественные социологи утверждают, что, несмотря на существенные отличия российских реалий и общества от западного Россия, также находится на пути к постмодерну. Трансформация общества модерна в общество постмодерна это процесс, и четко определить границы перехода невозможно, но в ряде работ можно найти подтверждение тому, что и в российской семье проявляются черты постмодерна. Однако, процессы, связанные с трансформацией современной российской семьи при переходе от общества модерна к обществу постмодерна изучены недостаточно, поэтому целью моей работы являлась подготовка теоретической базы для проведения социологического исследования по теме: «Процессы трансформации современной российской семьи под влиянием ценностей постмодерна».

Выделим основные черты, характеризовавшие переход западного общества от модерна к постмодерну [1. 105-123]. В богатых индустриальных странах люди освобождаются от классово-окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье. Вступление индивида в рынок труда связано с его освобождением от традиционных форм отношений в семье, с соседями, а так же от привязанности к региональной культуре. Индивидам, которым удается поднять свое материальное благосостояние, считают это своей собственной заслугой, а не результатом общественных изменений. Возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни.

Члены общества освобождаются от социальных форм индустриального общества – класса, слоя, семьи. Индивиды внутри и вне семьи становятся основными действующими лицами в обеспечении своего существования и связанного с этим планирования и организации собственной биографии.

Постмодернистской семье присущи следующие черты [1. 147-188]. Произошло освобождение от традиционных семейных отношений, нарастает индивидуализация партнеров. Семья «отмежевывается» от близкородственных связей, плюрализируются формы семейной жизни. Одинокое существование является целесообразной формой жизни в условиях постмодерна.

В отечественной литературе [3. 33-35; 2. 110-113] высказано мнение о том, что Россия, с присущей ей специфичностью также находится на пути к постмодерну. Аргументы в подтверждение данного тезиса: резкое увеличение количество жизненных форм и стилей, хотя и имеющих исключительно культурное происхождение; возрастание условности и подвижности профессиональной структуры; повышение роли аскриптивных характеристик и соответствующих форм поведения; увеличение предложений в области образования.

Говоря о современной российской семье, по мнению авторов, [5. 27-30; 3. 33-35] в ней так же начинают проявляться черты постмодерна. В нашей стране из-за морального вакуума постсоветского периода взгляды о брачно-семейном поведении формируются, под воздействием западной постмодернистской культуры [4. 93]. Можно предположить, что распространение постмодернистской культуры происходит, в основном, через Internet, СМИ, которые играют роль каналов трансляции. Одной из причин ускоренного проникновения ценностей постмодерна в российскую семью является падение «железного занавеса», резко увеличившее количество контактов российских граждан с западным обществом. Следующая российская особенность состоит в том, что в настоящее время в выработке новой семейной идеологии участвуют – представители поколения, не имеющего опыта жизни в модернистской семье [6. 73]. К тому же,

в России нет нужных социальных и экономических условий, необходимых для реализации модели «традиционной семьи».

В российской семье уже начали проявляться черты, присущие эпохе постмодерна. На фоне снижения числа регистрируемых браков наблюдается рост числа распавшихся семей. При общем сокращении рождаемости растет доля внебрачной рождаемости. По статистическим данным, в 1991 г. 16,04% от общего числа рожденных детей, были рождены матерями, не состоявшими в зарегистрированном браке, а в 1996 г. эта цифра возросла до 22,94% [7. 87].

Происходит утрата семьей признаков социального института, она превращается в свободную ассоциацию лиц, взаимодействующих ради своих личных желаний и потребностей. Наблюдается выпадение семейных ценностей индивида, разрушение семейного «мы» и выход на первое место внесемейного «я». Наблюдается ослабление чувства семейного долга у всех членов семьи, сопровождающееся отчуждением родных людей друг от друга, тем самым, разрушаются устои традиционной российской семьи. На смену традиционной, многодетной семьи с отношениями, основанными на любви и церковном или гражданском браке, приходят такие формы семейной жизни, которые характеризуются малодетностью или бездетностью, однополой любовью, содружеством, сожительством или какими-либо иными временными отношениями, одиночно-коммунальным существованием [4. 95-97; 8. 94-99].

В подтверждение того, что в российском обществе, как и в западном «отмирает традиция "пожизненной семьи"», можно привести данные выборочной переписи за 1994 г. В Российской Федерации 20% семей с детьми несовершеннолетнего возраста были «неполными», преимущественно материнскими.

Таким образом, на основе анализа литературы была сформулирована теоретическая база для эмпирического исследования. Основная гипотеза исследования – российское общество не цельно по своей социальной структуре и состоит из различных «слоев». В зависимости от специфических особенностей члены российского общества в своем отношении к семье, возможно, будут тяготеть к ценностям модерна или постмодерна. Предположительно базисные черты западной постмодернистской семьи, выделенные выше, трансформируются в российской действительности следующем образом:

«Освободятся от традиционных семейных отношений» в основном женщины. В последнее время, наблюдается рост уровня образования женщин, что дает им возможность получения высокооплачиваемой работы, профессионального роста и реализации своих индивидуальных планов. Женщина становится экономически независимой. Выбор ценностей, которых, наверное, будут придерживаться женщины, предположительно будет зависеть от возрастных рамок: женщины с высшим образованием, в возрасте около 20 лет, будут тяготеть к ценностям постмодерна, а в воз-

расте около 40 лет и выше, может быть, будут вынуждены придерживаться ценностей модерна.

Такая черта западной постмодернистской семьи, как плюрализация форм семейной жизни, уже отмечалась российскими социологами. Есть основания предполагать, что в ближайшее время в России станут более привычными такие формы брака, как «договорная семья на время», когда уже сложившиеся индивидуальности вступают во временный противоречивый союз с целью регуляции эмоционально обмена, «брак между добрыми друзьями», в котором партнеры решения, возможно, будут принимать совместно, основой такого брака будет не сильное чувство, а согласие и взаимопонимание.

Уже в эпоху модерна воспитание индивида частично происходило вне семьи. Но, с переходом в информационное общество усилились такие каналы влияния на детей как TV, Internet, которые зачастую играют большую воспитательную роль, чем родители. Можно предположить, что в силу занятости родителей процесс социализации ребенка, наверное, будет происходить с уменьшающимся их участием.

В обществе постмодерна наблюдается, во-первых, нежелание иметь больше одного ребенка, во-вторых, женщина, при возможности выбора между карьерой и рождением ребенка, может быть, все чаще будет выбирать карьеру. Возможно, уровень рождаемости будет продолжать падать, так как вступающие в репродуктивный возраст поколение будет придерживаться ценностей постмодерна.

Объектом предполагаемого социологического исследования будет наиболее активная часть современного общества, с которой, на мой взгляд, и связаны основные тенденции к переменам в семье – женщины двух возрастных групп: 20-25 и 35-40 лет. То есть будут исследоваться два разных поколения - «дочки – матери». Это представляет собой особый интерес, поскольку позволяет сравнить поведение индивидов, сформировавшихся в обществе модерна и в «переходном обществе». Возможно, основанием для выборки будет материальное положение женщин. Представляется интересным исследовать женщин с уровнем достатка, который присущ большинству российского общества, на мой взгляд, этот диапазон составляет приблизительно 100-300$ в месяц на человека. Так же важным основанием для выборки будет являться образование женщин. Интервью будет проводиться с женщинами, имеющие высшее и неоконченное высшее образование и без высшего образования.

Задачей планируемого исследования будет являться исследование отношения респондентов к разнообразным формам семейной жизни, мнения респондентов о наиболее приемлемых формах воспитания детей. Предметом исследования будет являться изучение степени проникновения ценностей семьи, присущих постмодерну в современное российское общество. В качестве основных блоков для интервью будут предложены следующие: взгляды респондента на семью как социальный институт; на

его собственную семью; оценка восприятия респондентом ценностей постмодерна; оценка степени устремленности респондента к достижению карьерного и профессионального роста; оценка каналов влияния западной культуры на респондента; выявление взглядов респондента на рождение и методы воспитания детей; оценка финансового состояния респондента.

Поскольку исследование касается личной жизни респондентов, наиболее адекватными методами исследования будут полуструктурированное глубинное интервью, история жизни.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
2. Анурин В. Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // Общественные науки и современность. 2001. №3.
3. Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 2, № 3.
4. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10.
5. Авдеева Н. Н., Ашмарин И. И., Степанова Г. Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек. 1997. № 1.
6. Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
7. Российский статистический ежегодник. М., Госкомстат, 1997.
8. Мезенцев С.Д., Агавелян А.С. Семья – не просто ячейка общества // Вестник МГУ. Сер.18. Социология и политология. 2001. №1.

Толерантность и либерализм: проблема соотношения

Н.В. Форрат

Толерантность является темой, которая стала актуальной в социальных науках сравнительно недавно. Интерес к ней связан с тем, что к началу 21-го века нетерпимое отношение одних групп людей к другим становится острейшей проблемой во всем мире. Постоянно возникающие вооруженные конфликты зачастую грозят приобрести глобальный характер, и на их фоне политики и обществоведы все больше говорят о важности для совместного существования людей такого качества, как терпимость по отношению к представителям других групп. При этом, хотя толерантность и является почти очевидной добродетелью, существует ряд проблем, связанных как с ее теоретическим содержанием, так и с практическим воплощением.

В частности, в литературе часто поднимается проблема соотношения понятия толерантности и принципов, на которых построен либерализм. При этом высказываются две противоположные точки зрения. Для некоторых авторов является очевидным то, что либерализм предполагает то-

лерантность своей необходимой составляющей. Другие небезосновательно считают, что практика толерантности противоречит принципам либерализма.

Целью данного доклада является соотнесение различных аспектов понятия толерантности с основными принципами либерализма. Предполагается выделить возможные точки пересечения смыслов, а также противоречия, которые могут порождаться этими двумя понятиями.

Толерантность в самом широком смысле означает терпимое отношение к представителям иных социальных групп. При этом хотелось бы обратить особое внимание на то, что в данном докладе речь не будет идти о группах, являющихся частями какой-либо иерархии [5. 24]. Здесь не будет рассматриваться терпимость, например, богатых по отношению к бедным, законопослушных граждан по отношению к преступникам и т.п. Признаки, по которым выделяется субъект и объект толерантного отношения, должны предполагать рядоположенность этих групп, а не их соподчиненность. Такими признаками, например, могут являться национальность, вероисповедание, политические взгляды. Общим для этих признаков является то, что принадлежность к подобным группам определяется в большей степени убеждениями человека, его ценностями и взглядами, чем внешними факторами, такими как экономический и социальный статус.

Существуют различные варианты определения толерантности. Их можно разделить на две группы: в первой под толерантностью подразумевается пассивное воздержание от определенных действий, а во второй она предстает как активное отношение к иному. Это можно пояснить, используя одну из наиболее распространенных типологий толерантности, автором которой является В.А. Лекторский. Он выделяет четыре ее типа: толерантность как безразличие, как невозможность взаимопонимания, как снисхождение и как расширение собственного опыта и критический диалог [4. 46-54]. Из этих типов только последний представляет собой активное отношение к представителям других групп. Он подразумевает не только уважение чужой позиции, но и стремление к критическому диалогу с иными точками зрения, к обогащению собственного опыта. Здесь мы уже не просто оставляем в покое сторонников иных убеждений, мы должны попытаться сопоставить нашу позицию с чужой, понять основания каждой из них, и, возможно, через это взаимодействие скорректировать свою позицию. Именно этот тип толерантности Лекторский считает наиболее перспективным и отражающим природу данного явления. На него будем ориентироваться и мы в дальнейших рассуждениях.

Итак, существуют две точки зрения на соотношение либерализма и толерантности. Сторонники либеральной природы последней утверждают, что толерантность как уважение к чужим позициям и ценностям предполагает право каждого человека на свободное самовыражение, если оно не препятствует самовыражению других людей. В литературе часто

встречается мнение о том, что толерантность не должна распространяться на те ценностные системы, которые сами нетерпимы по отношению к иному [3. 33]. Здесь, таким образом, свобода самовыражения индивида ограничивается свободой другого человека, что является одним из основных принципов либерализма. Согласно этой точке зрения и толерантность, и либерализм немыслимы без индивидуальной свободы, а, следовательно, имеют одну природу. Различие лишь в том, что либерализм постулирует свободу как общий принцип построения общественных отношений, а толерантность предполагает признание конкретной реализации этого принципа.

Противники этой точки зрения говорят, что практика толерантности имеет в центре своего внимания отнюдь не отдельных индивидов, а представителей тех или иных культур как изначально существующую целостную группу [2. 50]. При внешней непротиворечивости этих двух подходов различие между ними принципиальное. Если мы начинаем говорить о правах групп, например, этнических, вместо прав индивидов, мы делаем групповую идентичность первичной по отношению к идентичности гражданской. Теперь мы уже имеем в виду не равных в своих правах и свободах граждан, а представителей той или иной группы, обладающих определенными правами именно в силу своей групповой принадлежности. Мы выделяем этих людей, приписывая им особую идентичность по сравнению со всеми остальными. И вследствие этого принципы либерального универсализма, предполагающие одинаковость и равенство людей в своих свободах, оказываются невыполнимыми.

Для прояснения того, откуда возникает описанное противоречие необходимо проанализировать, насколько принадлежность к определенной культуре является собственным выбором индивида. Либерализм не касается этого вопроса, предполагая, что каждый человек в состоянии сделать выбор. Предметом его внимания являются автономные индивиды, перед которыми всегда должна быть возможность выбора, ограниченная только правом на свободу других людей. Толерантность же полагает культурную принадлежность как уже заданную. Она фокусируется на взаимоотношениях уже существующих групп людей, не уделяя большого внимания проблеме личного выбора.

Очевидно, что прежде чем выбирать, человек должен сформироваться как личность, младенец по понятным причинам не может выбрать свою культурную принадлежность. Поэтому его социализация происходит в той культуре, которая не является результатом его выбора. Он усваивает нормы и ценности, характерные для того социального окружения, в котором он находится. И лишь во взрослом состоянии человек может быть способен сам определять свою культурную принадлежность. То, насколько свободным будет его выбор, обусловливается, с одной стороны, количеством культурных общностей, с которыми он сталкивается в своей повседневной жизни, а, с другой стороны, жесткостью или пластично-

стью той культуры, в которой он был изначально воспитан. Чем больше разнообразных людей его окружают и чем более восприимчив человек ко всему иному, тем больше у него возможностей для выбора.

Существует, таким образом, две ситуации, одна из которых порождает противоречие между толерантностью и либерализмом, а другая сближает их. Противоречие возникает тогда, когда культурные общности тяготеют к закрытости, к закреплению за человеком культурной принадлежности раз и навсегда. Такие культуры изолируют себя от вмешательства извне, от проникновения чуждых смыслов. Для этого они производят строгий отбор фактов, которые могут попасть в поле зрения человека, лишая его тем самым возможности выбора. В этом случае толерантность выступает как уважение права каждой культуры поступать подобным образом, а следовательно, она противоречит принципам либерализма, которые предполагают право индивида выбирать свою культурную принадлежность. Если же имеет место критический диалог культур, когда для человека каждая культура изначально является самостоятельной, а не своей или чужой, то личный выбор человека становится необходимым. Независимо от того, в какой культуре он был воспитан и сформировался как личность, он сталкивается со множеством других стилей жизни, ценностных систем, стратегий поведения, что не может не способствовать его рефлексии над собственной культурной принадлежностью. В этом случае толерантность, даже если рассматривать ее как признающую права групп, а не индивидов, не противоречит либерализму, т.к. принадлежность к данной группе является свободным выбором человека.

Проблема соотношения толерантности и либерализма не ограничивается рассмотренным вопросом. Можно, например, отдельно рассматривать классический либерализм и неолиберализм по отношению к толерантности, но это уже является предметом отдельного разговора.

Литература:

1. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 33-37.
2. Иноземцев В. «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. 2001. № 8. С. 42-61.
3. Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 32-42.
4. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46-54.
5. Уолцер М. О терпимости. М., 2000. 160 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Экспансия экономики в политическое пространство
(на примере информационных кампаний кандидатов крупных экономических акторов на выборах)

О.В. Агишева

Политическое и экономическое пространства никогда не могут существовать суверенно. Их взаимовлияние и взаимообусловленность очевидны. Однако в переходные периоды вторжение одной области в другую гипертрофировано. Если рассмотреть динамику соотношения экономического и политического полей, то здесь можно выделить три периода. В первом – Советское время – наблюдается полное поглощение экономики политикой. Во втором – посткоммунистическое время – экономика заявляет о своей независимости от политической сферы. В третьем же, когда экономическая сфера окрепла и набрала достаточный начальный капитал, наблюдаются попытки экспансии экономики в политическое пространство.

Мы рассмотрим современное состояние взаимодействия этих двух сфер общественной жизни. Политическое влияние осуществляется в основном по официальным каналам, прописанным в законе. Экономическое влияние идет как открыто, так и латентно. Одна из форм влияния на политические решения – непосредственное участие представителей экономической сферы в политической жизни, т.е. творение самой политики. Наиболее открытый канал для подобного проникновения – выборы, наиболее проявленный из них – выборы в представительные и законодательные органы власти. Поэтому на примере последних выборов в Государственную Думу Томской области 2001 года мы рассмотрим некоторые общероссийские тенденции.

Процессы распределения и перераспределения собственности, а затем ее реструктуризации достигли сегодня того этапа, когда на карте страны начали явно проступать контуры новых бизнес-графств. Центрами власти в них являются те отечественные компании, которые зародились в послеперестроечное время, не погибли в кризисе 1998 года и сумели за истекшее время использовать благоприятную конъюнктуру для «накачки мускулов» и совершенствования механизмов управления.

Эти бизнес-графства возникли вокруг нефтяных, металлургических и иных компаний, хотя их отраслевой профиль все более размывается в силу разумного стремления к диверсификации активов и операций. Например, предприятие «Северсталь» купило автозавод УАЗ, «Сибирский алюминий» – ПАЗ, РАО ЕЭС – телеканал Ren-TV. Если брать примеры

Томской области, то действующая на ее территории нефтяная компания «ЮКОС» претендует на разработку газовых месторождений, создание мощной энергетической системы на базе реструктуризующегося АО «Томскэнерго», занимается программами Интернет-образования, владеет некоторыми томскими СМИ. Даже судя по ареалу распространения НК «ЮКОС» можно сделать вывод, что если сегодня на карту страны наложить точки интересов крупнейших российских корпораций, то мы увидим, что бизнес-графства России вовсе не совпадают с границами отдельных регионов или губерний. Это архипелаги бизнеса, включающие острова в самых различных областях и краях страны. При этом мощь неформальных бизнес-графств тем более укрепляется, чем активнее идет процесс реструктуризации предприятий-островов и чем интенсивнее выяснение отношений между президентом и губернаторами. Бизнес все более укрепляет свои позиции.

В Томской области можно выделить четыре крупные монопольные компании, в интересах которых получить и политический ресурс на территории: НК «ЮКОС», ОАО «Востокгазпром», Сибирский химический комбинат и АО «Томскэнерго». Все эти экономические акторы выдвинули своих представителей в законодательное собрание области.

Предвыборная борьба этих кандидатов двухуровневая: с одной стороны, как и все другие претенденты на властный мандат они бились за депутатство на своем округе, с другой же, отстаивали интересы своей компании и сражались уже не с политическими, а с экономическими противниками на другом поле.

Информационные кампании кандидатов от финансово-промышленных «монстров» отличались своей масштабностью и охватом. Предвыборная агитация началась задолго до официального объявления гонки за голоса избирателей.

Среди потенциальных кандидатов своей сплоченностью ярко выделяются группы кандидатов от нефтяников (НК «ЮКОС»): В.Л. Пономаренко, Ю.А. Целищев, В.П. Машуков, С. Шимкевич, - а также атомщиков: В.К. Ларин, Короткевич, Жерлов. Газовики и энергетики (С.А. Жвачкин и Н.И. Середа; Н.А. Вяткин и С.А. Кравченко) ограничились собственными избирательными кампаниями.

Не беря во внимание баталии кандидатов внутри отдельных округов, выделим линии борьбы, вокруг которых развертывались бои крупных компаний-конкурентов на экономическом поле (примечание: введем еще одного участника процесса – ТНХЗ):

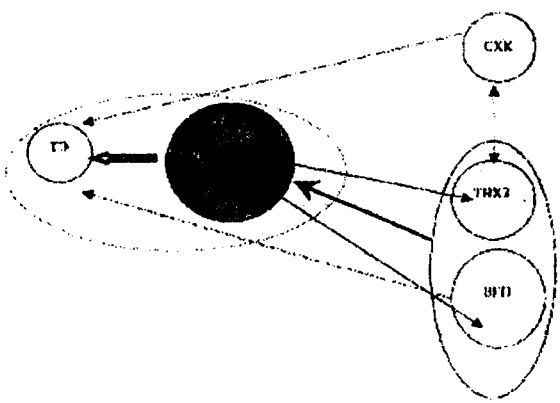
- «ЮКОС» – «Востокгазпром»;
- «ЮКОС» – «Томскэнерго»;
- «ЮКОС» – ТНХЗ;
- СХК – ТНХЗ;

- отдельно можно отметить постоянную критику НК «ЮКОС» со стороны депутата ГД РФ от Томской области Е.К. Лигачева.

В каждой паре (за исключением последней) главным фактором противостояния является экономический интерес, однако борьба разыгрывается на политической арене.

Наиболее агрессивно выглядит нефтяная компания. Единственным ее потенциальным союзником из крупнейших предприятий может стать энергетическая компания при условии ее поглощения «ЮКОСом». Связанные общими экономическими интересами газовики и нефтехимики (ТНХЗ) выступили альянсом и в политике. Кроме того, произошло объединение этих предприятий против нефтяной компании. В качестве субагентов кампании выступили депутат ГДРФ Е.К. Лигачев и администрация Томской области: в ответ на идеологический ресурс, направленный против нефтяной компании, подключается административный ресурс «Белого дома».

Схематично это можно представить следующим образом:



В целом можно сказать, что все 11 кандидатов-монополистов успешно финишировали во многомесячном предвыборном марафоне и оказались в областном парламенте. Все они теперь реально и абсолютно легально могут устанавливать правила игры для себя и своих конкурентов, участвовать в налоговом процессе. Да и остальные депутаты в основном представляют директорский корпус. Поэтому на данном этапе можно сделать вывод: на пространстве Томской области экономический и политический ресурсы все больше сливаются, влияние экономического фактора на политический процесс усиливается.

Роль символического капитала в избирательной кампании

Д.В. Балахнин

При анализе избирательных кампаний обнаруживается, что типичной ошибкой избирательных штабов является использование шаблонных технологий. В одних случаях технология может быть эффективной, а в других – не решать поставленных задач, а порой и вовсе обернуться против самого кандидата. Можно привести немало примеров того, как специалисты по связям с общественностью, не задумываясь об адаптации своих стратегий к территориальной и временной специфике, пользуются технологической матрицей, имевшей определённый успех в прошедших кампаниях. Представляется, в данной связи, что эффективнее было бы значительную часть финансовых, временных и людских ресурсов избирательной кампании потратить на изучение рыночной конъюнктуры. Это позволило бы вернее обозначить задачи кампании и способы их реализации. В данном докладе и предпринимается попытка провести анализ «рыночного расклада» на примере уже прошедших выборов депутатов Томской областной думы в декабре 2001 года на Мичуринском избирательном округе.

Методологическим ключом к анализу служит теория французского социолога Пьера Бурдье [1]. Бурдье рассматривает политику как рыночное поле, где происходит борьба за различные виды капитала, и, главным образом, за символический капитал. Символический капитал, как он его понимает, представляет собой социально-политическую репутацию, основанную на доверии, престиже и признании обладателя в качестве ценного и значимого участника политического процесса. Агенты же политического процесса, по Бурдье, занимают в данном поле определенные позиции, то есть, политические роли и статусы, обладающие тем или иным весом и значимостью для социума. «...агенты в них (в системах позиций – Б.Д.) распределяются в первом измерении – по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором – по сочетаниям своих капиталов, т.е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности» [1. 58].

Виды капиталов Бурдье представляет следующим образом. Политический капитал связан с возможностями использования функций регуляции обществом: отдача приказов и распоряжений, которые будут выполнены. Социальный капитал имеет отношение к принадлежности к той или иной социальной группе, обладанию социальным стилем. Культурный капитал представляет собой уровень образования и образованности агента, аксиологический ряд, а также особенности культурного поведения. Экономический капитал оперирует финансовыми возможностями агента.

Для полного завершения методологической части доклада хотелось бы разобраться с понятийно-категориальным аппаратом. Под «политическим полем» будет разуметься Мичуринский избирательный округ. В роли «агентов» – имиджи кандидатов, а также собирательный, коллективный агент – избиратели. Имидж, обладающий символическим капиталом, в нашем случае – это представления избирателей о том, какими капиталами должен обладать образ идеального кандидата. Таким образом, мы будем иметь дело с символическим политическим пространством.

Для знакомства с конъюнктурой политического рынка необходимо, прежде всего, исследовать электоральную ситуацию. Собственно, это исследование и служит ключом к выявлению символического капитала.

Электоральная ситуация условно являет собой несколько компонентов. Здесь очень важно определить список накопившихся проблем, которые население относит к наиболее актуальным. Культурный, социальный, политический и экономический капиталы служат параметрами при выстраивании идеального образа кандидата. Для обнаружения мотивации у потенциальных избирателей исследуются ожидания населения. Ожидания складываются из наличия, либо отсутствия надежд по поводу изменений к лучшему и субъекта этих изменений.

В ходе социологического исследования выяснилось, что жители района не наделили Областную Думу весомым политическим капиталом: считали, что она слабо влияет на политику и не в состоянии решить их проблемы. Данное мнение было обусловлено тем, что Дума занимается законодательством, а законы, по мнению респондентов, в российских условиях не реализуются, особенно те, которые относятся к социальной поддержке.

Опрос показал, что респонденты запрашивают от кандидатов экономический капитал в обмен на свой политический капитал, потому что список актуальных проблем ограничен финансово-бытовыми трудностями населения, а также вопросами благоустройства округа. Стратегические и тактические проблемы развития области и города респондентов волновали мало.

Идеальному кандидату должны быть присущи ценности элементарной морали и высшее образование. Помимо этого, он должен обладать весомым социальным капиталом, а именно: у избирателей вызывал симпатии статус промышленного управленца, потому что этот статус имеет реальные финансовые рычаги и, как следствие, определенное политическое влияние.

Жители округа имели надежду, что ситуация может измениться в лучшую сторону, однако, при условии, что будущие депутаты будут опираться на поддержку крупных предприятий.

Иерархия капиталов в данном случае выглядела следующим образом: на 1-м месте – экономический капитал, 2-е место делят социальный и политический капиталы, и третье место занимает культурный капитал.

Таким образом, мы выяснили, какой гипотетический имидж на Мичуринском округе изначально имел максимальный символический капитал.

Теперь следует посмотреть, в какой степени каждый из реальных кандидатов соответствовал этому имиджу и, соответственно, обладал рыночным символическим капиталом. Мы остановимся на 4 кандидатах из 8 баллотировавшихся на округе, поскольку именно они реально претендовали на победу. Представим кандидатов: 1) Середа Николай Иванович – зам. генерального директора ОАО «Томскгазпром» по экономике и финансам; 2) Губкин Анатолий Алексеевич – внешний управляющий ОАО «ТНХК»; 3)Ильин Сергей Павлович – депутат областной думы; 4) Холин Вадим Анатольевич – председатель совета директоров ОАО «Томскмолоко». Распишем имидж каждого из них, пользуясь обширным рекламным материалом, чтобы выяснить причины победы одних и поражение других.

В области культурного капитала в лучшую сторону заметно отличался имидж Середы. Этот кандидат хорошо был показан избирателям как человек с определенными ценностями, идеалами и устремлениями в жизни. Жителям округа транслировалась легенда об энтузиасте-открывателе, который еще в молодости выбрал для себя дело жизни, связав судьбу с освоением Томского Севера [4. 3]. Личностный аспект имиджа Середы был идентифицирован с ментальностью советских людей периода масштабного строительства предприятий и освоения новых природных месторождений. Все эти характеристики позволяют утверждать то, что имидж Середы имел значительный культурный капитал.

В отличие от Середы, Губкин выглядел технократом, который обеспокоен делами производства и связями. Данный кандидат, в отличие от всех остальных кандидатов, вовсе не был показан как человек – практически не было упоминаний о его характере, о семье, о ценностях. Поэтому, в целом, можно отметить, что имидж Губкина практически не имел культурного капитала.

Ильин имел культурный капитал, но незначительный. В принципе, избирателям хорошо был представлен характер кандидата: уверенный, волевой политик, который может отстоять свою личную позицию. Также актуализировался образ хорошего семьянина и верующего человека. Однако, в образе кандидата присутствовали некоторые детали, которые уменьшили его культурный капитал.

В активности Ильина не было созидательной деятельности, то есть его ценности так и остались только ценностями. Помимо этого, избиратели автоматически приписывали этому кандидату «коррумпированность» и

«воровство», так как он находился в Думе уже около 8-ми лет и ничего не сделал для округа.

Холин был представлен как носитель сугубо предпринимательских ценностей: строгий просчет, стремление к выгоде: «Не нужно стесняться разговоров на тему «выгодно или нет». Это нормально. Это жизнь» [2. 1]. Надо отметить, что такая характеристика в российских условиях не является культурным капиталом, ибо она представляет собой антипод идеальному образу политического лидера.

Холин, Середа и Губкин соответствовали запросам избирателей относительно социального капитала, так как являлись управляющими крупных предприятий. Тогда, как Ильин на данном символическом поле оказался практически без социального капитала, потому что избиратели не понимали функции депутата. Помимо этого, депутата, который занимается только законодательством, жители округа не наделили значимым политическим капиталом, потому что не верили в то, что их положение можно исправить с помощью законов.

Избиратели запрашивали статус промышленного управляющего по той причине, что он дает больше доступа к политическим и финансовым рычагам. Политический капитал был необходим для того, чтобы будущий кандидат мог беспрепятственно выполнять хозяйственные функции на округе, а экономический капитал – чтобы мог с помощью предприятия обеспечить патронаж жителям и учреждениям округа.

Профессиональный аспект имиджа Середы соответствовал запросам жителей округа в полном объеме. В этом смысле он имел большой социальный, политический и экономический капитал, который с успехом и инвестировал.

Губкин так же, как и Середа связывал производственную репутацию «ТНХК» с политическими возможностями: «Я убежден, что самое крупное промышленное предприятие в Томске должно иметь в думе своего представителя. Наш Нефтехим оказывает огромное влияние на развитие города и области. Мы зарабатываем деньги для областного бюджета» [3. 1]. Политический и экономический капиталы имиджа были несколько урезанными по той причине, что ориентировались только на работников «ТНХК». Указывалось, что власть нужна Губкину, чтобы отстаивать интересы комбината. А финансовая помощь обещалась только работникам комбината и их семьям. В целом рекламная и организационная кампании Губкина концентрировались на своих рабочих. Именно поэтому почти не уделялось внимания культурному капиталу образа кандидата. Здесь было важнее продемонстрировать идентификацию Губкина с предприятием.

Холин социальные проблемы и вопросы благоустройства ставил на второй план. Совсем немного указывалось на то, что «Томскмолоко» иногда будет участвовать в решении проблем на округе. Экономическая дея-

тельность предприятия не связывалась с политическими возможностями. Таким образом, имидж Холина имел достаточный социальный капитал, однако не имел необходимого политического капитала. Экономический капитал у имиджа Холина присутствовал, но не дал политических дивидендов, потому что его сам кандидат не хотел инвестировать.

Самое большое количество символического капитала находилось в собственности Середы, немного меньше имел Губкин, 3-е место занимал по этому показателю Холин, и Ильин, соответственно, 4-е место. По результатам выборов Середа занял 1-е место, Губкин – 2-е, Ильин – 3-е, а Холин – 4-е. Ильин опередил Холина скорее по инерции, ведь в 1997 году он занял 1-е место, опередив Коробова. Помимо этого, Холин отстал от Ильина всего на 82 голоса при лишь небольшом перевесе символического капитала.

Таким образом, вышеописанный пример иллюстрирует тот факт, что в условиях политической конкуренции одним из самых важных ресурсов избирательной кампании является имидж кандидата. Однако, имидж будет ресурсным в том случае, если он адекватен электоральной ситуации, так как в данном случае имидж пользуется симпатией и доверием у избирателей и становится символическим капиталом.

Литература:

1. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
2. Время менять имена. Газета, отпечатанная по заказу кандидата в депутаты Холина В.А. 29 ноября 2001 г.
3. Деловой подход. Газета, отпечатанная по заказу кандидата в депутаты Губкина А.А. 6 декабря 2001 г.
4. Территория нашей заботы. Газета, отпечатанная по заказу кандидата в депутаты Середы Н.И. 6 ноября 2001 г.

Политические паттерны телевизионного инфотекста как механизм управления обществом

Н.В. Гоманович

В сфере политического управления заметная роль уже давно принадлежит СМИ. В современном же обществе безусловным лидером в формировании общественного мнения является телевидение со своим федеральным рейтингом в 83%. Не останавливаясь подробно на психологических, социологических, культурологических и других аспектах специфичности и действенности телеинформации, хочется отметить, что «невозможность соотнесения большой доли сведений о национальной политике, получаемых через СМИ, со своим ограниченным социальным опы-

том формирует у реципиента некритичность к воспринимаемой информации... Это создает иллюзию ориентировки в предметном мире» [6. 11].

Принимая во внимание как способность политиков формировать псевдособытия, так и активное использование властью технологических возможностей пропаганды, сосредоточим свое внимание на анализе информационных паттернов телетекста (на примере президентской кампании 1999 года). Результаты анализа в принципе опираются на выводы, вытекающие из следующих посылок теории коммуникации:

1) люди усваивают модели поведения из СМИ, исходя из теории социального научения;

2) многократное воздействие телевидения на протяжении длительного периода времени способно изменить наши представления о реальности;

3) благодаря продолжительному воздействию телевидение становится источником знаний о мире;

4) в период проведения избирательной кампании наблюдается активация методов информационного воздействия на население.

Из синтеза этих посылок вытекает значимое для нас определение телевизионного *инфотекстового паттерна*, под которым мы будем понимать *разножанровые инфотематики, обладающие специфическим качественным балансом освещения и высоким процентом занимаемого инфообъема.*

Данные паттерны в телепространстве играют роль политико-культурного баланса, типологизируют ориентации, устанавливают повестку дня, а также «формируют наиболее распространенные нормы и культивируют доминирующие перспективы для общества» [2. 76]. Избирательная кампания президента 1999 года представляет интерес в силу того фактора, что механизм запущенных в ней инфотекстовых телепаттернов продолжает работать по инерции до сих пор. Результаты контент-анализа теленовостей первого канала в феврале-марте 2001 года, а также мониторинг *всего* телепространства в течение июля 2001 - марта 2002 это полностью подтвердили. Эмпирика свидетельствует о том, что пришедшая с Путиным PR-команда до сих пор работает с телевизионным пространством и, возможно, готовит ему стартовую информационную площадку на следующие выборы.

Анализ паттернов, проводимый с начала сентябрьских событий (как это ни странно, но президентская информационная гонка началась именно с печальных событий, произошедших в Москве и Волгодонске), дал следующие результаты.

Террористическая война, объявленная Чечней России, ставшая в сентябре центральной темой телевидения, была спроецирована (экстернализирована) на быт российских граждан. Хроника борьбы с террористами

намеренно перегружала зрителя техническими подробностями и деталями, чтобы продемонстрировать весь ужас происходящего. Задержки чеченских главарей, взрывы фугасов, показ трупов, успешно проводимые российскими военными операции, массовые терракты – все это существенно отличалось от реальной ситуации в Дагестане, где российская армия не могла похвастаться организационным и техническим обеспечением, лояльностью к мирным жителям и т.п.

Анализ показал, что *рейтинг Путина начал расти именно благодаря этому инфопаттерну.*

Представители командования постоянно проводили брифинги, где называлось много цифр и фактов (например, число разрушенных чеченских баз, количество задержанных террористов, объем отвоеванной территории и т.п.). Речь всегда дополнялась качественными визуальными материалами. При этом военные очень умело оценивали ущерб, причиненный России. Если же это все-таки происходило, то гибель русских солдат превращалась в настоящую героизацию, с трагическими и душещипательными фактами.

Журналисты восхищались технологическими чудесами новых видов российского оружия, не особенно сомневаясь в точности их попаданий по военным объектам, и говорили лишь о незначительных случаях гибели среди мирного населения. Эксперты, дававшие интервью, почти всегда поддерживали политику тогдашнего премьера и были почти все без исключения русскими по национальности. Изображение же самих чеченцев рисовалось показом их низменной агрессии, бесчеловечности, ужасом того, на что они способны: расстреляли колонну с гуманитарным грузом, совершили покушение на сотрудника безопасности и т.п.

С Чечней связывались и особым образом неблагожелательные для России страны, которые, сотрудничая с боевиками, наживались на торговле наркотиками, оружием, не пренебрегая любым убийством ради денег. Чечня часто изображалась как пристанище неверных России генералов. Особое внимание уделялось показу чеченских детей, которые «строят в своих играх только военные крепости» из-за отсутствия здоровой психики.

Другими паттернами, явно связанными с первым и доминирующим, являлась информация такого рода. На телевидении была организована тонкая кампания, когда ФСБ практически не критиковалась; заслуги ее в предотвращении терактов признавались, хотя и очень скромно. Таким образом, медленно стал расти и рейтинг ФСБ. Самыми частыми «гостями» информационных передач стало «трио» из Сергеева, Патрушева и Рушайло. Подобно ФСБ, структуры МВД, СВР преподносились как самые дисциплинированные институты, отличающиеся высоким уровнем профессионализма и народного доверия. О том, что быть военным и силови-

ком стало престижно, говорили факты правительственных решений о повышении их денежного содержания.

На фоне этих двух доминирующих в телепространстве паттернов Путин постоянно повторял (в выпусках новостей, т. к. от политической рекламы «отказался»), что «нашей главной задачей из-за слабости российских государственных институтов является наведение в стране дисциплины и порядка». Это заявление только подкрепляло доминирующие паттерны.

Немаловажным являлось и муссирование политических скандалов по поводу российских активов в зарубежных банках. Примечательным в этом плане является скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк». Вслед за такой информацией стали появляться разоблачения деятельности верхушки крупных российских сырьевых и банковских кампаний, подозреваемых в коррупции. В числе подозреваемых оказались такие видные российские политики как Лужков, Бородин, Березовский и многие другие. Российская Генпрокуратура – один из основных действующих агентов инфопространства – не ограничивалась просто обвинениями в коррупции, а упоминала и хищение государственных средств, и хищение денег, и злоупотребление служебным положением. Название фирмы «Мабетекс» тогда было известно почти каждому россиянину.

Эти компромитирующие в СМИ материалы (по данным экспертов-социологов) «снижали степень доверия и рейтинги всех без исключения политиков. Общая сумма потерь, которые понесли с начала ведения информационной войны все главные лидеры в стране, вместе взятые, был значительно выше, чем рост рейтинга Путина. Таким образом, общими стараниями телевизионных (и другого рода) технологов львиная доля голосов оказалась «выбита» из политики вообще» [1. 291].

Другими, хоть и не столь существенными, но все же явно преобладающими над информацией другого рода паттернами, были тематики российско-американских отношений и создание партии «Единство».

Война в Югославии, расширение НАТО на восток послужили причиной муссирования концепции национальной безопасности России. Активное внимание было приковано к попыткам американской администрации подорвать договор по ПРО, отказу Сената США ратифицировать договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В лице США демонстрировалась основная международная опасность: США часто обвиняли в их сетовании на угрозу коммунистического и имперского реванша.

Внимание к «Единству» было приковано, прежде всего, из-за заявления Путина о «гражданской» поддержке блока. И именно тогда замелькало на экранах МЧС, встречи главы которого с Путиным демонстрировали открытую поддержку со стороны власти.

Данные паттерны являлись преобладающими за период от событий сентября до президентских выборов непосредственно. По имеющейся в аналитических кругах информации на телевидении проводилась технологическая подготовка к созданию особого режима вещания именно с 14 сентября. Политико-культурологический анализ паттернов демонстрирует, что состояние телевизионного инфополя можно было охарактеризовать как состояние тотальной войны, ведущейся как по внешним, так и по внутренним направлениям. С экрана довольно успешно «были расстреляны» как определенные личности, так и отдельные страны.

Паттерны, относящиеся к внутреннему противоборству, демонстрировали войну «собирателей России» против «проворовавшихся». Паттерны, относящиеся к внешнему противоборству, активизировали античеченские и антиамериканские настроения, призванные, в свою очередь, активизировать ущемленную национальную гордость русского народа.

Сами же результаты выборов доказали, что «если определенный тип сообщений будет постоянно направляться на подкрепление какой-то точки зрения, то это может возыметь значительный эффект по прошествии времени» [4. 228-229]. Влияние паттернов на формирование установок у населения подтвердилось уже в опросах октября 1999 года. Вот выдержки из них:

- 80% населения верили в существование коррупции в высших сферах государственной власти;
- 27% были обеспокоены войной, 20% экономическим положением;
- 32% связывали возможность улучшения обстановки в стране с именем Путина, а самый большой негатив принадлежал Лужкову-22%;
- 64% утверждали, что Россия – великая держава, при этом 56% хотели, чтобы их дети жили в родной стране

Проведенный анализ показывает, что ключ к управлению современным обществом находится у того, кто способен оперативно, качественно, опираясь на научные данные (например, на теорию политической культуры), используя технологические способности СМИ, создавать политические инфопаттерны. На Западе бытует представление о подобном явлении. Оно носит название «agenda – setting» и вызывает беспокойство у сторонников правовой демократии.

Литература:

1. Гусейнов. В. От Ельцина к ...Война компроматов. М., 2000.
2. Землянова. Л. Современная американская коммуникативистика: теории коммуникации, проблемы, прогнозы. М., 1995.
3. Калашников. М. Битва за небеса. М., 2001.
4. Назаров. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 1999.

5. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. Спб., 2001.
6. Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. М., 1978.
7. Hartly. J. Understanding news. London & N.Y. 1982. 203 p.

Преломление федеральных идеологий на областном уровне
(анализ избирательной кампании в Государственную Думу Томской области 2001 года)

И.В. Кологривова

Не так давно мы были свидетелями предвыборной гонки за кресла депутатов Государственной Думы Томской области. Основными акторами данного процесса выступили не только руководители крупных промышленных предприятий, управляющие банками, директора сельскохозяйственных товариществ, но и партийные функционеры местного уровня. Из огромного количества существующих на настоящее время общественно-политических движений о своем желании вступить в избирательную гонку заявили лишь следующие партии: КПРФ (представленная 20 фамилиями), «Единство» (заявлены 11 кандидатов), СПС и ЛДПР (по 2 функционера), «Яблоко» (1 представитель). То есть, можно сделать вывод, что 25% фамилий от всего списка претендентов на мандаты областных депутатов имели партийную окраску. По сути, предвыборная борьба должна была носить ярко выраженный идеологический характер, но в результате мы получили лишь очередную «войну имиджей». Определенным всплеском идеологичности отличилась лишь виртуально созданная партия «Единство». Но и здесь просматривается весьма юмористический момент: члены политсовета томского регионального отделения этой партии В. Пономаренко и Г. Шамин не могут дать точного определения той идеологии, которую они исповедуют и проповедуют. Например, В. Пономаренко утверждает, что «мы находимся в центре политического спектра, придерживаясь либерально-консервативных традиций». Г. Шамин, явно ему противореча, заявляет о том, что «место «Единства» в политическом спектре – чуть правее центра». Получается, что люди, которые должны расшифровывать избирателям свои идеи, сами понимают их с точностью да наоборот. Тот же Г. Шамин определил идеологию «Единства» как «смесь лучшего из социал-демократии, консерватизма и либерализма». Указанные классические идеологии изначально противоречат друг другу (лозунговые слова, такие как «справедливость», «равенство», «свобода», «собственность», «достойная жизнь» в этих идеологиях наполнены совершенно иным семантическим содержанием). В прошедшей

избирательной кампании кандидаты от «Единства» актуализировали лишь идеи военно-патриотического воспитания молодежи (В. Кравченко и Г. Шамин), ипотечного кредитования (В. Дурнев), поддержки отечественного производителя (В. Пономаренко).

Сама по себе идея использования идеологических конструкций в избирательной кампании, в общем, и в политической рекламе, в частности, представляет широкое поле для возможности их реализации. Во-первых, идеологические конструкции при необходимом оформлении можно метастазировать до глобальных проблем, провоцирующих особый запрос к власти. Такой прием позволяет использовать идеологические конструкции в манипулятивных целях (удачный пример – победа т.н. «Оппозиции» на выборах в томскую городскую Думу в 2001 году, когда обыгрывались проблемы в сфере ЖКХ). Во-вторых, актуализация идеологии в языке политической кампании позволяет «играть» на политических контрастах (белое-черное), что является весьма действенным приемом в политическом PR. Высвечивая положительные качества своего заказчика и его вероятных союзников, можно, не используя при этом «грязных» технологий, весьма успешно затемнить плюсы соперника, выставив на показ минусы. Подобную тактику избрал И. Белов, кандидат от партии «Яблоко», который предложил «единым фронтом выступать против бюрократии, коррупции и непомерно разросшихся административных барьеров». Правда, был сделан один стратегический просчет – актуализация данных лозунговых слов (имеется в виду «бюрократия» и «коррупция») происходила ситуативно, а не постоянно. В-третьих, игра в идеологическом поле подразумевает выстраивание бинарных оппозиций: «свои – чужие», «гражданин – партия - государство», «прошлое – настоящее - будущее» (в двух последних случаях один элемент всегда выпадает), что редуцирует конструирование политического поля и позволяет манипулировать выгодными для себя политическими позициями и диспозициями.

Таким образом, можно сделать вывод, что в избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Томской области не был использован достаточно эффективный, хотя и малоразработанный в настоящее время прием «идеологических конструкций» (кстати, заимствованный из техник тоталитарной пропаганды). Политические акторы предпочли играть в виртуальном поле, так называемом «имиджевом пространстве», хотя выбор удачного имиджа весьма ограничен. В результате мы наблюдали достаточно грязную, причем несколько скучную в выборе методов ведения политическую кампанию.

Символические отношения как средство конструирования политической реальности

М.А. Кулешова

Процесс символического конструирования реальности можно представить как систему символических отношений. Применительно к сфере политического вполне естественно возникают несколько проблем, но все они, в первую очередь, требуют одного решения: определения того, что же является центрообразующим звеном политической реальности. Вокруг чего возможно формирование этих отношений?

Политические отношения, будучи производными от общественных отношений в целом, тем не менее, не являются их точной копией. Самое основное отличие заключается в том, что их центром является власть как системообразующий элемент всего политического мира. Совершенно очевидно, что, будучи многоликим и достаточно разносторонним явлением власть занимает ключевое место в мире политического. Она задает тон политическим отношениям, определяет специфику политической системы, является организационным и регулятивно – контрольным началом в политике, распространяющимся не только на отдельные личности, но и группы, и общество.

Можно сделать вывод о том, что власть не только оказывает существенное влияние на политическое поведение, но и формирует законы существования тех, кто оказывается в непосредственной от нее близости. Обладая специфическими характеристиками, видами и формами, она создает вокруг себя совершенно особое пространство. Пространство тем более значимое, что оно является непосредственным ядром политики. Именно властные процессы определяют интенсивность протекания политического процесса в целом и субъекты власти, вместе с тем, формируют ключевые позиции в политическом пространстве.

Иными словами, мы говорим о власти не просто как о фундаментальной категории политического мира, но о бытии власти как центрообразующем элементе политического пространства. Система символических отношений, которая определена нами, - это политические отношения, выступающие таковыми по отношению к общественным реляциям. При этом совершенно очевидным является тот факт, что возникают они исключительно во властном бытии или вокруг него. Бытие власти является специфической характеристикой политической реальности. Задавая изначально особенности властных отношений, оно, тем самым, задает определенные особенности функционирования политической системы, специфику политических институтов, особенности процессов символического конструирования реальности и принципиальную окраску всей политической символике.

Бытие власти не является по своей сути неизменным. Оно может быть типологизировано исходя из самых разнообразных принципов. Но непосредственное проявление зависимости между особенностями властного бытия и политической символикой, можно наблюдать в системе символических отношений, каковыми в данном случае являются отношения политические. Так как политика является особой формой общественной практики, то человек политический – это человек ориентированный на преобразование мира. Процесс действия субъектов политической системы составляет ее бытие, при этом вне живой деятельности политической системы невозможно осмыслить ни функционирование политики, на политическую реальность в целом. По мнению М. Вебера, государство перестает существовать в политическом смысле тогда, когда исчезает сама возможность функционирования определенных типов совместных действий, главным образом - осуществления власти, при этом категория деятельности играет роль объяснительного принципа и методологического основания.

Однако в данном случае нас интересую только те характеристики, которые определяют эту деятельность в качестве символической. Основным моментом является определение концептуальной особенности деятельности в политике и, главным образом, властных отношений. Так как они представляют собой диалектическое переплетение определенных форм практики и разнообразные проявления политического сознания, в качестве средства символического конструирования политической реальности они играют наиболее значимую роль.

Кроме того, хотелось бы отметить, что политические властные отношения не коренятся в материальной природе человека. Власть будет считаться политической лишь тогда, когда она оказывается в модальности долженствования, когда она может быть оценена в категориях добра и зла, справедливого и несправедливого и когда она существует в смысловом поле таких оценок. Выходя из него, она становится естественным явлением.

Таким образом, говоря о властных отношениях как системе символических отношений, хотелось бы отметить, что они представляют собой момент перехода символа в значение (кроме того, например язык, символ и значения могут меняться местами). Они представляют собой активное действие, не присущее органически самим перцептивным элементам, то есть символ активно вызывает значение, но смысл "вызывания" состоит в том, что символ указывает на значение. Не следует забывать и о том, что символические отношения могут быть и ошибочными, так как переход к значению может быть и неправильным. Властные отношения, в качестве символических, не только упорядочивают и концентрируют политическую реальность вокруг своей специфичности, но и делают возможным

подчинение этой же специфике те вторичные реальности, которые отражаются в массовом сознании. Активное воздействие и возможность приведения их к единому символическому словарю, определение основных характеристик данной политической реальности в процессе ее конструирования – вот лишь немногие функции символической системы отношений.

То есть, как можно заметить, одним из условий возникновения символических отношений являются наблюдение и чувствование как формирование понятия образа, а образ в свою очередь, как известно, неразрывен с предметной практической деятельностью. Отсюда следующим элементом выступает определение функции сознания, в котором мы имеем дело с абстрактными представлениями и осознанными ощущениями. Но в их основе лежит более элементарный перцептивный материал, восприятие которого не требует соотнесения с представлениями и понятиями. Этот материал должен быть непосредственным, так как именно непосредственные перцепции выступают в дальнейшем как элементы прямого опыта. Ими могут быть символы и значения, которые образуют сознательные символические формы человеческого восприятия. Кроме того, здесь же формируется чувственный материал, который не принадлежит к сознанию как таковому и из которого конструируется мир вне познающего субъекта. Таким образом, условия должны касаться как формирования непосредственного, так и опосредованного пласта пространства. Это связано еще и с тем, что символизм в восприятии является связующим звеном между высшими способностями сознания и бессознательным реагированием на окружения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимые условия для возникновения и существования символических отношений могут быть созданы реальностью социальной. Именно общественные отношения в конечном итоге содержат в себе такие процессы, как наблюдение и чувствование. Кроме того, не следует забывать, что социальная реальность уже одним своим существованием дает возможность для бытия символических отношений (имеется в виду бытие власти). Только при взаимодействии, непосредственном или опосредованном, с другими субъектами социальных отношений человек может получить определенные представления и ощущения. Это позволяет ему в первом случае формировать категории «значимые-для-себя», а в другом – воспринимать и накапливать в качестве личного опыта категории «значимые-для-других» и соотносить их между собой. Таким образом, мы выходим на проблему символического опыта «своего» и «других». Накапливание множества символических форм в памяти, ориентируясь на опыт «других», тем не менее, «свой» опыт индивид получает, будучи непосредственным участником отношений. Его присутствие определяет ситуацию как сугубо «свою» и может быть определено как «само мое

бытие» [1. 379]. При этом неизменно должна существовать связь между этими двумя пластами, в связи с чем возникает необходимость соотнесения частей одного целого в это целое. Таким соединительным элементом выступает время (неотделимое от пространственной проблемы), которое соединяет части в целое, связывает их воедино. Оно является формой упорядочивания комплексов ощущений или опытных данных.

Социальное или общественное пространство является той ареной, на которой разворачиваются основные события жизни. По существующей традиции его принято делить на отдельные функциональные сферы, однако мы бы предложили выделить сферы так называемых «жизненных миров» конкретных социальных групп и индивидов, которые представляют в виде субъективных значений, коллективных представлений, смысловых систем, знаний, которые предопределяют толерантность мышления и поведения людей. Знания людей утверждают и поддерживают структурированное видение мира, конструируют определенные социальные отношения с определенной степенью толерантности, но для их осмысления требуется феноменологический инструментарий.

В результате всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что символические отношения, в качестве средства конструирования политической реальности, возникают, существуют и функционируют с учетом совокупности определенного набора условий, наличие которых определяется функционированием социального и динамикой политического пространства.

Литература:

1. Хайдеггер М. Хайдеггер Мартин. Минск, 1998.

Особенности электорального поведения ЗАТО
(на примере г. Железногорска и г. Зеленогорска)

А.А. Бычков, Д.Ю. Пестиков

Предметом нашего исследования является электорального поведение в ЗАТО и его специфика. Очевидно, что для выяснения этого вопроса необходимо выяснить, что такое ЗАТО, по каким причинам оно возникло, какова логика его развития и чем она обусловлена.

Определение ЗАТО нам даёт федеральный закон – это город и его окрестности, в которых расположено предприятие, занимающееся производством, переработкой или утилизацией ядерного оружия, в связи с чем на город и его окрестности распространяется особый режим секретности, закрытости, полувоенная регламентированность, информационная замкнутость.

Возникновением своим ЗАТО обязан эпохе «холодной войны» и гонке ядерных вооружений между СССР и США. Оно стало ответом СССР на очередной инновационный вызов существованию этатизма. Но если на Западе этот процесс развивался естественно, то СССР, застигнутый врасплох, вынужден был создавать особый искусственный механизм. Сущность этого механизма – военно-техническая пирамида, практиковавшаяся и ранее. Для решения какой-либо военно-технической задачи (С) из секторов А изымаются людские, профессиональные, финансовые, технические и другие ресурсы и передаются в сектор В, соответственно за счёт понижения А решая задачу С.

ЗАТО создавалась по такой же системе. Почему в СССР происходило так, а не иначе? Потому что сама логика этатизма (вертикальная подчинённость, всевластие аппаратчиков, плановость, регламентированность, закрытость информации, секретность) приводила к тому, что у государства никогда не было ни свободных материальных и иных ресурсов (постоянно в режиме аврала), ни свободной инициативы снизу (Запад). В этом - коренное отличие ВТР в СССР от НТР на Западе. При этатизме только аппаратчики, в целях удержания и распространения власти, заинтересованы и потому создают стимул для него, создавая особую инновационную среду (в ЗАТО это более высокий уровень благосостояния и сознание стратегической важности решаемых задач). Однако искусственное стимулирование, по Кастельсу, рано или поздно становится неэффективным, рано или поздно теряет свой искусственный порыв, как только аппаратчики теряют мотивацию к этому. ЗАТО как часть этой системы, вошел в полосу кризиса по этой же причине.

Особенности генезиса ЗАТО, его кризис не могли не отразиться на его электоральном поведении, так как элективный выбор тесно связан с условиями жизни и ценностным рядом их жителей: Закрытость города стимулирует появление «парникового эффекта» у значительной части горожан. Это боязнь большого города, страх перед изменениями, желание постоянной предсказуемости и, *как следствие, боязнь инновационной деятельности как таковой.* Характерной чертой ВТП является ментальность «винтика», ибо ВТП это жесткая вертикаль (властная, технологическая), которая стимулирует ментальный стереотип – конформизм к статус-кво и мимикрию. ВТП есть порождение этакратической экономики и горожане настолько привыкли к опеке государства, что на самостоятельные действия у них не выработалась привычка.

Как ни странно, но изоляция горожан стимулировала появление таких качеств, как претензия на исключительность, претензия на самодостаточность – «мы не такие, как все».

Закрытость города уже давно имплантировалась в сознание горожан.

- Это объясняется желанием сохранить тот достаточно высокий уровень жизни, который *был* характерен для ЗАТО по сравнению с остальной страной,
- Может быть расценено как стремление к самоизоляции и неприятию свободы как таковой, ибо она несет не только благо, но и неуверенность, нестабильность, не гарантированность собственного дела и деятельности.

Отсюда – все новое проникает в город очень медленно.

Исходя из ценностного ряда, который сложился в результате генезиса ЗАТО можно выдвинуть гипотезу о своеобразии электорального поведения в ЗАТО. Отправной точкой для выявления могут служить модели электорального поведения выработанные западными исследователями. В западной политологии есть 3 (три) основные теории, объясняющие мотивы электорального поведения в целом. Модель экономического голосования (Даунс, Феорина): люди голосуют или не голосуют за те политические субъектов чье нахождение у власти принесло им очевидную материальную выгоду или убыток. Эта модель предполагает корреляцию экономического состояния в данной стране, регионе, городе с деятельностью политической элиты в данный период. Модель «расколов» (Лазарсфельд, Липсет, Роккан): люди голосуют в зависимости от своего социального положения – класс, религия, социальный статус, центр-переферия и т.п., что предполагает анализ социального состава кандидатов. Модель партийной идентификации (Кэмбелл): голосование зависит от психологической предрасположенности избирателя к идеологии какой-либо партии, однако в виду того, что в России партийная структура не сложилась и вряд ли сложится в дальнейшем, вероятно, стоит ориентироваться больше на идеологические блоки предпочтений, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации от одной партии к другой.

Предварительно сопоставив эти модели с политическим пространством ЗАТО, мы определили следующие тенденции:

1. Экономическая модель срабатывает не всегда: с одной стороны смена предпочтений кандидатам в представительные органы меняется с каждыми выборами в независимости от экономических проблем, в то же время ключевые фигуры исполнительной власти (президент, губернатор, мэр) получают вотум доверия избирателей не смотря ни на какие кризисы.

2. По социальному составу побеждают бывшие аппаратчики, а не представители др. социальных групп (бизнесмены, интеллигенция, рабочие и т.п.), а на муниципальном уровне – кандидаты от градообразующих предприятий и «люди» мэра – наблюдается тенденция к сохранению старой властной элиты.

3. В плане идеологических ориентаций в представительные органы власти, в основном побеждают кандидаты с социально-консервативной идеологией (так называемые «коммунисты»), а в исполнительную власть «силовики» и патриоты. Возможно это показывает степень управляемости избирателей ЗАТО, а с другой стороны ностальгию по «добрым старым» временам.

4. Наибольшая активность электората наблюдается на выборе персон, а не организаций (в том числе и партий).

Сопоставив эти наблюдения с анализом экономической составляющей города (бюджет) и с Уставом мы выдвигаем рабочую гипотезу, что командная сущность ЗАТО породила, с одной стороны управление поведением избирателей (основа – бюджет зависит от градообразующих предприятий и сильная власть мэра), а с другой стороны породила конформизм горожан и консервативное мировоззрение.

Гражданское образование в современной России. Пути развития

О.Н. Побережная

Для начала несколько слов о методологии, которой пользуется автор этой работы. Для нас политология - это разговор о власти. Потому что общество, объект общественных наук – это тоже разговор (сочетание слов, текст). Власть в обществе как в тексте проявляется в том, какие именно слова и каким образом сочетаются. Здесь можно ввести понятие дискурс – это правила, по преимуществу, не проявленные, которые организуют текст. Это то, что определяет повестку дня и лексикон. Высказывания политика и политолога по поводу власти отличаются тем, что политолог говорит с точки зрения метода. В данном случае метод – это дискурс-анализ, который понимается как анализ силовых линий властного поля дискурса, которые организуют политическую картину мира.

Под гражданским образованием в этом докладе мы будем понимать любые учебные меры, направленные на формирование гражданственности как части личности человека. Что есть эта гражданственность – определяется в зависимости от субъекта гражданского образования (государство, семья, телевидение), объекта гражданского образования (иммигрант, дошкольник, электорат), социального контекста гражданского образования. В узком смысле – это учебные курсы в выпускных классах средней школы, направленные на воспитание гражданина, такие как «Обществознание» или «Граждановедение». Моя гипотеза такова: из-за определенного влияния процесса модернизации на процесс гражданского образования в России, гражданское образование является во многих ас-

пектах ущербным и не соответствующим современности. Выход мне видится в отказе от гонки за старыми демократиями, и, взамен этого, вступления в сотрудничество со всеми странами ради сохранения жизни на земле.

Вкратце напомню изложенную на прошлогодней конференции идею о гражданском образовании как модернизационном проекте. Модернизацией мы будем считать процесс уравнивания цивилизационных потенциалов (которые измеряются обладанием наиболее ценным властным ресурсом на мировой арене в данный момент) между двумя обществами. При этом в модернизирующейся стране возникает конфликт между двумя истинами, (ценностями, практиками), претендующих на одно место, и их борьба никогда не приведет к победе одной из них.

Модернизация ставит общество в положение неполноценности, оправдывания и компенсации. Неполноценности – потому что догоняющая модернизация предполагает заимствование некого цивилизационного блага у общества-модели модернизации. Оправдывания – потому что государство, являясь проводником политики модернизации, вынуждено отбирать у общества ресурсы, которые обычно идут на амортизацию и накопление. Компенсации – потому что благодаря двум вышеописанным феноменам в обществе создается крайне тяжелая психологическая и экономическая обстановка. Для компенсации этой обстановки в сфере духовном производства общества появляются такие феномены, как, например, высокого уровня национальная культура, философия, идеология.

«Комплекс модернизации» я определяю как комплекс неполноценности в масштабе всего общества: ситуация в социальной сфере, когда любой феномен является раздвоенным: с одной стороны, принадлежащим к посюсторонней жизни общества, так сказать, «царству необходимости», а с другой стороны – принадлежащий к горней сфере идеи «догнать и перегнать». Любое высказывание модернизирующейся страны представляет собой ответ на вызов ситуации модернизации.

Таким образом, в странах–моделях модернизации гражданское образование – органическая (насколько может быть органическим социальный феномен) часть общей социальной структуры. В модернизирующейся стране гражданское образование – это вынужденная мера, цель которой – догнать страну-модель по определенному признаку: демократическое воспитание населения. В модернизирующейся стране идеал гражданского образования берется не из идеальной среды, а из реальной, т.е. из повседневной жизни общества-модели. Этот идеальный образ гражданского образования, во-первых, чужд обществу, во-вторых, невозможен к исполнению (т.к. нельзя перенести повседневные практики чужого общества на свое), в-третьих, обязателен для исполнения (потому что

авангард модернизации – государство – авторитарно диктует свою волю обществу в целом и образовательной сфере в частности.

Итак, мы выяснили, что гражданское образование в современной России как в демократизирующейся стране находится в ложном положении. На гражданское образование возлагается задача воспитания нового демократически ориентированного поколения, но эта задача невыполнима. Рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы. Гражданское образование как явление, принадлежащее модернизации, воспроизводит все негативные эффекты модернизации. Это, прежде всего, «раскол», блестяще описанный А. Ахиезером. Модернизация делит общество на авангард и ведомое общество, на последователей и противников модернизации. Историю – на «до» и «после» начала очередной волны модернизации. Личность индивида с одной стороны не может не быть частью своего традиционного общества, с другой стороны она не может отказаться от благ, которые несет модернизация. Из этого вытекают такие проблемы. Во-первых, если в стране-модели гражданское образование несет на себе функцию социализации учеников в ныне существующее общество, или, по крайней мере, в общество будущее и возможное (но более социально справедливое, например), то в модернизирующейся стране гражданское образование препятствует социализации учеников, так как ориентирует их на жизнь в обществе, которого нет и быть не может. Например, в таком обществе, где говорят по-русски, а мыслят по-американски.

Другой аспект этой проблемы – это культивирование гражданским образованием в современной России социальной роли «мученика», к которой тяготеют, вследствие модернизации, «истинные граждане» России (Радищев, декабристы, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Маяковский, Сахаров). Истинный идеал гражданина для «мученика» лежит вне существующей политической реальности. Ради стремления к этому идеалу «мученик» противопоставляет себя обществу и, естественно, становится маргиналом (но героем), и заканчивает свою жизнь, как правило, трагически.

Еще один эффект модернизации – это то чрезмерное напряжение, которое должно выдержать общество. Авангард модернизации – государство – забирает у общества тот ресурс, который обычно идет на амортизацию и накопление, для того чтобы направить этой ресурс на развитие в той сфере, по которой общество отстает от страны-модели. В сфере гражданского образования в современной России это проявляется так, что не государство поддерживает гражданское образование, а гражданское образование вынуждают поддерживать молодое демократическое государство. Учащимся и их преподавателям передается ответственность за бессилие и некомпетентность государства в социальной, экономической

идеологической и культурной политике, а также за решение модернизационного вопроса о сущности понятия гражданин.

И последний эффект модернизации, о котором хочется сказать – это культивируемая потенциальная агрессия по отношению к обществу-модели. Так как у модернизации есть реальная модель – определенное общество, возникает политическая ситуация в разбросе от рабского подражания до ненависти, реализующейся в военных действиях против страны-модели модернизации.

Государство не может обосновать свой заказ на гражданское образование ни политическим интересом (нынешнему российскому государству не нужен экономически, политически и идеологически независимый гражданин), ни экономически (нет экономических условий для независимого гражданина), ни идеологически (либеральная идеология прижилась в России только среди успешных предпринимателей). Единственное, на чем может основывать свои требования государство, – традиционная государственная ориентация россиян вкупе с традиционным понимаем гражданина как мученика за страну. То есть гражданское образование понимается как очередная индоктринация – воспитание лояльных граждан новой России.

Таковы вкратце негативные эффекты процесса модернизации на феномен гражданского образования. Подводя предварительный итог, можно сказать, что, вследствие модернизации, гражданское образование в России направлено не на развитие демократии, а на воспроизведение ситуации модернизации, в которой главную выгоду получает государство. И уж конечно, гражданское образование не направлено на воспитания гражданина нового «хрупкого мира», в который мы вступаем с начала эпохи позднего капитализма. Попробуем увидеть выход из этого положения.

Выражение «хрупкий мир» автор взяла из книги американского исследователя Бернарда Дауенхауера «Гражданство в хрупком мире» [1. 237]. В этой книге исследователь предлагает новый проект прав и обязанностей гражданина в сегодняшнем мире, где существует реальная угроза жизни человечества на земле. Два главных акцента исследования Дауенхауера – это демократия и экология.

Вопрос о том, возможны ли для современного российского государства изменения в политике гражданского образования, направленные на воспитание гражданина «хрупкого мира», пока оставим открытым. В политическом смысле государству может быть и выгодны эти изменения (чтобы сохранить лицо перед демократическим Западом, ведь существующее гражданское образование не приводит к воспитанию демократически ориентированных граждан), и не выгодны (изменения требуют дополнительных ресурсов).

Поговорим о возможном пути развития гражданского образования с точки зрения личных усилий учителя и ученика. Учитель может, оставаясь в рамках программы, проводить новые принципы. Гражданственность в этом случае – не готовность помогать концентрации власти государства, а гармонично вписанный в личность компонент, направленный на сохранение жизни на земле. Ведь в нынешних условиях глобализации человечество может погибнуть быстро и просто, если каждый не приложит усилия к тому, чтобы этого не случилось. А для выполнения такой задачи нужны ответственность, знания, готовность и умение сотрудничать – все то, что может дать человеку гражданское образование.

Являясь узлом проблемы «комплекса модернизации», именно гражданское образование способно справится с ним. Мне кажется, главное в процессе преодоления этого комплекса, - это, как в психоанализе, осознать и вербализировать его. В учебные курсы, касающиеся гражданского образования, должны вводится моменты изучения самого феномена модернизации и того, как этот феномен повлиял на феномены в социальной сфере и понятия в социальных науках.

Нужно отказаться от «демократизации», по причине невозможности таковой. Демократия – это культурно-исторический феномен, т.е. он сложился в определенной культурной среде и постоянно изменяется. Включая настоящий момент. Поэтому следует отказаться от упрощающих идею демократии брошюр и книг, которые не отвечают представлениям самих стран старых демократий, а предназначены для ограниченного, по их мнению, понимания развивающихся стран. Демократия – это не свод заповедей, это повседневная практика жизни. Демократии можно научить только примером, только своим собственным поведением, способом общения с учениками.

Цель «демократизация» искусственна, чужда, и она заслоняет от нас наши собственные цели, которых нам бы хотелось добиться. Воспитание гражданина – это часть воспитания личности. Гражданское образование должно помочь ученику выстроить иерархию своих собственных целей, или интересов, и, может быть, изменить их. Автор данного доклада, вслед за Б. Дауенхауером, предлагает в качестве главного приоритета сохранение жизни на земле. В каждой теме учебной программы по курсу «Обществознание» или «Граждановедение» учитель и ученики должны выяснять, как именно эта конкретная проблема касается их повседневной жизни. Затем должен решаться такой вопрос: могут ли они здесь и сейчас повлиять на решение этой волнующей их проблемы. Так индивид учится гражданской сознательности. Данная цель должна быть соотнесена с иерархией целей ученика с тем, чтобы не пострадали их более важные жизненные интересы. Вторая цель этого – корректировать иерархию целей, совместно и в результате демократически проведенных переговоров. Я

уверена, что здесь не стоит опасаться «диктатуры зеленых». Индивид, в ходе демократического обсуждения, несомненно, придет к признанию жизни как главной ценности. Должен подниматься вопрос: Что мы можем сделать, чтобы решить эту проблему? Будем ли мы делать, что решили, или оставим все на самотек, пока не проснемся однажды в декорациях фильма «Кин-дза-дза!»? Так мы избегаем негативных последствий модернизации и демократичным способом работаем на сохранение «хрупкого мира».

В заключение хочу напомнить о том, с чего мы начинали рассуждения: любое высказывание в модернизирующемся обществе обусловлено модернизацией. Таким образом, проект преодоления негативных эффектов модернизации – это тоже модернизационный проект. Рассмотрим признаки такого проекта в данном докладе. Во-первых, естественно, сама идея образования ради сохранения жизни на земле привнесена с Запада. Во-вторых, Эта идея не овладела народными массами, являясь прерогативой узкого круга активистов, т.е. нового модернизационного авангарда (просто не обладающего пока властью). В-третьих, такой проект продолжает модернизационную традицию порывания с прошлым опытом. Вполне возможен очередной раскол между поколением приверженцев «образования для демократии» и «образования для сохранения жизни». Очевидно, что реален и раскол внутри одной личности: ценности демократии и выживания человечества не будут гармонично сочетаться в условиях, когда демократия еще не установилась в качестве самоочевидной ценности, как на Западе.

Литература:

1. Dauenhauer B.P. Citizenship in a fragile world. Rowman&Littlefield Publishers, Inc. 1996.

Опыт определения перспективы кандидата в политических маркетинговых исследованиях
(на примере выборов в Госдуму Томской области)

М.В. Рябова

Знаменитый французский ученый Огюст Конт вывел следующую формулу: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять», подтверждающую, на мой взгляд, необходимость более широкого внедрения в политическую практику научного прогнозирования. Я предлагаю вашему вниманию небольшой эксперимент - свою первую попытку политического прогноза на выборах в Госдуму Томской области по Мичуринскому избирательному округу № 8. Выборы на исследуемом округе предстали как грандиозный «политический аукцион», в ходе которого пред-

полагаемая схема политических идентичностей и наличествующая система электоральных предпочтений соотносились друг с другом. Вплоть до момента решающего голосования сохранялось некоторая неопределенность (Чем больше выбор, тем неопределеннее шансы «политических продавцов» на успешный сбыт своего «товара»).

В данном контексте прогноз – это предвидение развития политического рынка и электорального спроса избирателей при определенных стимулирующих условия. В условиях политического рынка, прогноз – не роскошь, а средство (инструмент) для выживания.

В данной работе приведена попытка определения перспективы кандидата в процессе предвыборных маркетинговых исследований. Наиболее благоприятный для кандидата вариант, когда прогноз достигнет максимального значения, то есть доля политического рынка по предварительным оценкам составит максимальный процент. При политическом прогнозировании осуществляется формирование индикативных (рекомендательных) решений по управлению избирательной кампанией. То есть результаты прогноза необходимо учитывать в политическом брендинге. (Политический брендинг – это процесс комплексного управления «торговой маркой» кандидата с целью создания долгосрочных положительных взаимоотношений с избирателями).

Опираясь на прогнозируемый сбыт, возможно распределить ресурсы в соответствии со сложившейся ситуацией на политическом рынке, проанализировать результативность предвыборной кампании, следить за внешней конкурентной средой и модифицировать планы. Прогнозирование исходит из результатов диагностики, то есть оценки текущего состояния. Прогностическая деятельность должна базироваться на исследованиях и анализе происходящих рыночных процессов, спроса, товарного предложения, конъюнктуры политического рынка. При этом большое значение имеет изучение влияющих факторов внешней среды (прогнозный фон). Постоянное изучение и прогнозирование конъюнктуры – необходимое условие успешной кампании. Конъюнктура – это складывающаяся на тот или иной период времени политическая ситуация в условиях рынка. Конъюнктуру политического рынка определяют его участники (электорат, кандидаты), позиции конкурентов, условия реализации целей кандидата.

Социально-политические системы достаточно сложны для исследования. Умение составляющих элементов и акторов конкретного политического рынка влиять на саму модель, например, через фактическое редактирование (цензурирование) предоставляемых данных (и, следовательно, ограничение информационного массива для исследователя-прогнозиста), способность политических акторов менять условия развития политического рынка, различные схемы поведения в стандартных ситуациях и т. д.

Делают такую систему в высшей степени сложной. «Неоднозначность может быть определена как сосуществование в критической точке двух взаимоисключающих аспектов или схем объективной реальности» [1. 33]. То есть наблюдается наличие неоднозначно воспринимаемых гештальт-структур. Основой методики прогнозирования являются подготовка базы данных (информации, которую удалось собрать), проведение аналитического исследования, изучение и соединение информации в единое целое. Возникает необходимость использования общеметодологических принципов системно-информационного анализа, основной целью которых должно быть обеспечение наиболее эффективной переработки того ограниченного объема информации, которым мы располагаем в процессе анализа и прогнозирования данного социально-политического явления. Следует заметить, что исходная информация, которую реально удается собрать и подготовить для решения задач политического прогнозирования, оказывается, как правило, неполной (неточной) или, как принято считать, неопределенной. Поэтому методология политической прогностики предопределяет необходимость учета фактора неопределенности как объективного условия, сопутствующего такого рода исследованиям. Для этого представляется целесообразным, прежде всего, использовать некоторые способы формализации неопределенности, основанные на теории субъективной вероятности. «Под субъективной вероятностью понимается мера уверенности некоторого человека или группы людей в том, что данное событие в действительности будет иметь место» [6. 362].

Для разработки прогноза необходимо дать оценку таким показателям политического рынка, как:

- привлекательность сегментов политического рынка (следует оценить рынок и те его сегменты, на которых мы собираемся действовать, является ли он для нас перспективным);
- привлекательность кандидата для избирателей;
- оценка конкурентоспособности кандидатов.

Эффективное сегментирование позволяет оценить то, какая часть целевого политического рынка позволит кандидату с наибольшим успехом использовать его потенциал. Узнав свой электорат, успокаиваться еще рано. Далее важно определить, что отличает предложение нашего кандидата от предложений конкурентов. На какой «крючок» можно будет выловить целевой сегмент в море рынка?

Основной слоган избирательной кампании Середы Н.И. - «Территория нашей заботы» - вполне соответствует сложившейся ситуации на Мичуринском избирательном округе №8. Его целевая аудитория охватывает представителей разных слоев населения, но в основном блок-сегмент можно обозначить как «социально-незащищенные» (большинство ощущает себя именно таковыми).

Желательный модус избирательной кампании - создание доверия между кандидатом и избирателями, поэтому большое значение имеют способы рекламирования продвигаемого «товара».

На этапе пропагандирования основными направлениями являются повышение рейтингов популярности, доминантности, идентичности кандидата. С этими целями наиболее эффективно работает прямая почтовая рассылка, чему способствует ее способность вооружить избирателя вербальной аргументацией в поддержку кандидата, а также личные встречи с избирателями. Специфика директ-маркетинга - это направленность и фокусировка воздействия. Поэтому его применение должно основываться на точном выборе целевых аудиторий, воздействие на которых дает наибольший политический эффект - голоса. К тому же использование элементов адресности и личного контакта позволяет оперативно получать большое количество качественной и важной информации. Необходимо различать два понятия:

- Конкурентность кандидата, как эффективность его предвыборной деятельности на определенном рынке;
- Конкурентность кандидата, как потенциальное отличие в «потребительском спросе» от своих конкурентов.

Важно отметить, что избирателям в некотором смысле было предложено два «товара» кандидата в депутаты Госдумы Томской области Середы Н.И., поэтому варианты получения голосов на чужом поле создавали для него дополнительные шансы.

Образ Середы Н.И. подавался в СМИ на очень ярком фоне ОАО «Томскгазпрома» как представителя и защитника интересов томичей. В имиджевой статье ударение делается на такие моменты как:

- ОАО « Томскгазпром» - это базовое предприятие;
- это томская компания, которая работает, прежде всего, в интересах жителей области;
- «Томскгазпром» - это будущее томичей.

В фокусе SWOT-анализа это является значительным преимуществом перед конкурентами.

Первый шаг процесса политического прогнозирования – составление предварительного документа (назовем его «Предпрогнозная ориентация»), в котором уточняются следующие параметры:

Объект политического прогнозирвания: процессы, явления и события на политическом рынке Мичуринского избирательного округа №8 (центральный политический актор – Середа Н.И.). Характер прогноза:

- краткосрочный (период упреждения – с 24 октября по 16 декабря 2001 г.),
- многомерный (мультиплетный),

- комплексный, содержанием которого является как определение возможных состояний объекта политического прогнозирования в будущем (поисковая компонента), так и определение путей и сроков достижения возможных состояний объекта, принимаемых в качестве заданных (нормативная компонента).

Методы политического прогнозирования. Предполагается использование следующих методов:

- морфологического (основанного на выявлении структуры объекта политического прогнозирования и оценке возможных её элементов с последующим перебором и оценкой вариантов этих значений)
- метода экстраполяции (предполагающего проведение анализа конъюнктуры политического рынка за предшествующий период и установление тенденций его развития в ближайшей перспективе)
- метода экспертных оценок
- метода построения прогнозного сценария (предполагающего установление последовательностей состояний объекта политического прогнозирования при различных прогнозах фона)

Проблема.

На старте избирательной кампании известность кандидата в депутаты Госдумы Томской области Середы Н.И. чрезвычайно низка. Существует ограниченность во времени для продвижения его на политическом рынке избирательного округа № 8.Кроме того, основные конкуренты кандидата давно начали продвижение своей «торговой марки» с целью «захвата» электорального сегмента.

Задача блока прогнозирования состоит в нахождении такой совокупности значений управляемых переменных, которая в реальных условиях функционирования политического рынка (то есть с учетом имеющихся возможностей и ограничений) обеспечивает удовлетворительный уровень эффективности решения проблемы (в данном случае – прохождение Середы Н.И. в депутаты Госдумы Томской области по Мичуринскому избирательному округу).

Следующий этап – формирование базы данных (банк необходимой информации), в рамках которого были проанализированы реальная ситуация на округе и состояние целевой аудитории.

Когда необходимый радикально упрощенный эскиз модели политического рынка готов, а задачи структурированы, необходимо более четкое очерчивание предмета исследования. То есть следует определить на этом эскизе, чем мы будем заниматься - прогнозировать показатели каких блоков и элементов политического рынка, а что останется вне сферы наших интересов (или наших возможностей).

Из восьми кандидатов к высококонкурентным были отнесены следующие: Холин В.А., Середа Н.И., Губкин А.А., Ильин С.П., в меньшей степени Каракулов А.М.

«Модели в прогнозировании могут конструироваться для описания одного отдельного параметра, существенно характеризующего интересующий нас процесс, или группы взаимосвязанных параметров, дающих представление не только о поведении количественных характеристик процесса, но и задающих его структуру» [3. 21].

Ф. Котлер определил 8 типов стратегий, устанавливаемых в зависимости от 8-ми видов состояния спроса [2. 57-59]. Состояние спроса для конкурентов Середы Н.И. представляется мне следующим образом.

Кравченко В.К., Савицкий А.М., Савенко В.К. – отсутствие спроса;

Ильин С.П., Каракулов А.М. – понижающийся спрос (в сопоставлении со спросом на их «товар» на выборах в Томскую Городскую Думу 1 апреля 2001 г.).

В отношении оставшихся конкурентов (Холина В.А., Губкина А.А.) можно было наблюдать комбинированные состояния спроса, Спрос на «товар» Середы Н.И. к финишу избирательной кампании по нарастающей приближался к состоянию, характеризующему его как «полный». «Здесь предполагается ситуация, когда продукт имеет постоянного и массового покупателя» [4. 67].

Представляется необходимым привести некоторые выкладки из политического прогноза.

На выборах депутатов Томской Городской Думы 1апреля 2001 г. Каракулов А.М. набрал 2421 голос (22,74%), заняв 3-е место. Значит, обойти его вполне возможно. К тому же коммунистическая настроенность на Мичуринском избирательном округе не является ярко выраженной, и избирателей больше волнуют социально-бытовые проблемы, чем идеологические. А, следовательно, Каракулов не является основным конкурентом.

В случае с Ильиным С.П. может сработать убеждение, что от смены депутата положение дел не измениться. Информация в СМИ в основном подаётся косвенно, а не как прямая реклама об успешной деятельности. В целом же его образ заметно потускнел и «попритерся», ресурсы значительно исчерпаны. Новые и более яркие фигуры, объявившиеся на политическом рынке вполне могут потеснить Ильина, хотя ... не следует недооценивать его как конкурента.

Вероятно, что на исход выборов окажет влияние следующее событие: Кресс В.М. теперь пребывает в абсолютной уверенности, что имеет право бороться за губернаторство еще на один срок, поэтому уже сейчас постарается отодвинуть возможных конкурентов (в том числе Холина). Предполагается, что областная администрация во главе с Крессом, имея на

Холина «зуб» (например, вспоминается неприятное происшествие с акциями «Томскмолока», будут не слишком рады видеть его во властных структурах, и, возможно, при удобном случае «сунут палку в колёса». Холин же будет до последнего продираться к намеченной цели сквозь «политические джунгли».

Сегмент политического рынка Губкина А.А. очерчен более чем четко. На территории Мичуринского избирательного округа №8 находится 3296 квартир от ТНХК. И если будет проведена мощная «обработка» электората, то прохождение в Госдуму Таким образом, этому кандидату обеспечено. Но поскольку популярность Губкина на ТНХК сложно назвать достаточной, то имеет смысл борьба Середы Н.И. за эти голоса. Необходимо направить все возможные усилия, чтобы привлечь электорат на свою сторону.

Работа на округе показывает, что Середа Н.И. пользуется достаточно высокой известностью, и люди относятся к нему лояльно. «Товар» данного кандидата вполне соответствует запросам избирателей, а его цель («Сделать 8-ой Мичуринский округ территорией постоянной нашей заботы») и задачи («создавать условия для нормальной жизни», «адресно решать конкретные повседневные проблемы своих избирателей») отвечают всем требованиям политического рынка в сложившейся ситуации. Таким образом, конкурентность Середы Н.И. выше среднего.

В связи со всем вышесказанным в рассматриваемой проблеме большой практический интерес представляет нечисловая формализация субъективной вероятности, основанная на использовании бинарных отношений событий по вероятности [6. 364].

Представляются возможными два следующих варианта комбинаций результатов выборов по Мичуринскому избирательному округу №8:

Х-С	**С-Г**	**Г-И**	**С-Г**	Г-Х	Х-И
Х-Г	**С-И**	Г-К	**С-Х**	Г-И	
Х-И	С-К		**С-И**		
Х-К					

Результаты выборов подтвердили верное направление прогнозного исследования:

Середа Н.И. - 6077 голосов (43,46%)
Губкин А.А. - 4461 голос (31,91%)
Ильин С.П. - 2952 голоса (21,11%)
Холин В.А. - 2870 голосов (20,53%)
Каракулов А.М.-1843голоса (13,18%)
Савенко В.К. - 1493 голоса (10,68%)
Кравченко В.К, - 1218 голосов (8,71%)
Савицкий А.Н. - 596 голосов (4,26%) [6. 8]

Ожидание перспективности политического рынка для Середы Н.И. на Мичуринском округе № 8 было оправдано стабильной динамикой роста «спроса». Прогнозные расчеты показали наличие потенциального рынка сбыта и перспективу победы в предвыборной гонке. Поскольку избирательная кампания – своего рода маркетинговая война, то уместно будет привести в заключение изречение Карла фон Клаузевица: «Хорошую, сильную оборонительную позицию очень сложно преодолеть» [5. 34].

Литература:

1. Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве. М. 1998. 221 с.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. М. 1993.
3. Лугачев М.И., Ляпунов Ю.П. Методы социально-экономического прогнозирования. М. 1999. 159 с.
4. Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М. 1998. 247 с.
5. Райс Э., Траут Дж. Маркетинговые войны. СПб. 2000. 256 с.
6. Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб. 2000. 512 с.
7. Томские новости. №5 (96), 31 января 2002г.

Политическая социализация в сравнительных исследованиях

К.С. Смирнова

Прежде всего, что же такое политическая социализация? Логично было бы начать с общей теории социализации, чтобы затем рассмотреть особенности политической социализации.

Социализация – процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом социокультурного опыта (социальных норм, ценностей, образцов поведения, ролей, установок, обычаев, культурной традиции, коллективных представлений и верований и т.д.). Социализация – результат и целенаправленного формирования личности посредством воспитания, и формального обучения, и стихийного воздействия на личность жизненных обстоятельств. В психологии и социологии процесс социализации описывается как включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закрепленным в культуре. Этот процесс, с одной стороны, обеспечивает включение индивида в группу, а с другой стороны, сохраняется преемственность социального опыта.

Теории социализации. Понятие социализации появилось в 30-е гг., и с 40-50-х гг. широко используется в социологии, социальной психологии и антропологии.

Наиболее мощный толчок развитию исследований социализации и детства в разных культурах дали теории З. Фрейда об определяющей роли семьи в формировании поведения и личности индивида, роли идентификации в усвоении ребенком социальных норм и запретов, Эдиповом комплексе и т.д. В 20-40-е гг. американские антропологи, вдохновленные идеями психоанализа, проводили многочисленные исследования социализации и детства (М. Мид, Г. Рохейм, Э. Эриксон, Дж. Доллард и др.) В бихевиоризме (Дж. Уотсон) и теории научения (Э. Торндайк, К. Холл, Дж. Уайтинг) социализация интерпретировалась как социально обусловленное научение, и для ее изучения использовались и эксперимент, и статистические методы. В символическом интеракционизме (Дж.Г. Мид, Г. Блумер) социализация рассматривается как результат социального взаимодействия, в котором ребенок последовательно принимает роли «другого», «других», «обобщенного другого». Гуманистическая психология (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс) трактует социализацию как самоактуализацию Я-концепции.

Истоки современной теории социализации – работы известного французского социолога Г. Тарда, первым попытавшегося описать процесс интернализации норм через социальное взаимодействие. В основу своей теории он положил принцип подражания, а отношение «учитель – ученик», воспроизводящееся на различных уровнях, провозгласил типовым социальным отношением. Само подражание Тард возводил как к психологическим основаниям (желаниям, биологическим потребностям), так и к социальным факторам (престижу, повиновению и практической выгоде).

Структурно-функционалистская теория Парсонса рассматривает социализацию как процесс интеграции индивида в социальную систему посредством интернализации социальных норм. Первичным «агентом» социализации, по Парсонсу, является семья. Усвоение ценностей происходит в ходе формирования супер-эго, которое закладывается в структуре личности в результате интернализации структуры семьи как интегрированной системы, если придерживаться формулировок Парсонса. Эмпирические исследования убедительно подтверждают зависимость отклоняющегося поведения от ранней социализации.

Исследования американского антрополога Т. Тернера показали, что первичной социализирующей общностью может быть и не семья. Социализация – предмет многочисленных сравнительных, и кросскультурных исследований, использующих различные методы. В настоящее время социализация рассматривается как комплексный и многоаспектный процесс, к которому могут быть применены разные подходы в зависимости от исследовательских задач.

Политическая социализация. Итак, рассмотрев множество подходов к исследованию социализации, можно сделать вывод, что прежде всего социализация может пониматься как социальное созревание личности. Это предполагает интериоризацию требований общества во внутреннюю структуру личности. Политическая социализация рассматривается по аналогии с процессом социализации как процесс вхождения человека в политическую систему. То есть индивид обучается новым функциям как один из элементов, обеспечивающий функционирование политической системы в целом. Таким образом, в процессе политической социализации происходит воспроизводство институтов и структур политической системы, осуществляется преемственность политических ценностей.

Формируя *идеальную модель* политической социализации, можно выделить такие важнейшие моменты:

1. Политическая система формирует внутри себя структуры, обеспечивающие непрерывность процесса политической социализации своих членов, а также выполняющих функцию контроля за направлением и формами этого процесса.

2. В процессе политической социализации формируются установки и ориентации политического поведения индивидов, передаются присущие данной политической культуре нормы и ценности, закладываются архетипы и стереотипы политического сознания.

3. Сформированные ориентации и образцы поведения становятся неким фоном, средой функционирования политической системы, обеспечивающим поддержку или отторжение действий системы у ее членов. Эти установки на систему в политической науке как раз и принято обозначать термином «политическая культура».

Таким образом, формируя и контролируя деятельность институтов политической социализации политическая система *теоретически* имеет возможность целенаправленно формировать и трансформировать политическую культуру в сторону обеспечения максимальной поддержки существующей системы.

Однако сразу следует оговориться, что целенаправленная трансформация политической культуры – формулировка весьма условная. Политическая культура сама по себе – сложное и многосоставное образование, включающее в себя не только и даже не столько сознательные установки, сколько подсознательные и иррациональные элементы. Речь идет лишь об усилении ее желательных компонентов путем их постоянной активизации, и «приглушении», оттеснении на задний план нежелательных компонентов путем избежания ситуаций, которые в свою очередь, могли бы вызвать их активизацию.

Разумеется, такие сложные подходы требуют серьезного исследования и не только теоретической, но и большой эмпирической базы. С этим

у нас дело обстоит пока не очень хорошо, и даже перспективы не особенно радуют.

Сравнительный подход к исследованию политической социализации. Как уже можно было заметить по краткому обзору теорий социализации, этот вопрос, в принципе, не остается без внимания ни у российских, ни у западных исследователей. Но все-таки недостаточно внимания уделяется политическому аспекту проблемы, и уж тем более сложно говорить о значительных эмпирических исследованиях в этой области в России. Многие исследователи в качестве причин для этого отмечают, что политическая социализация является трудным для измерения объектом.

Если говорить о параметрах возможного прикладного исследования политической социализации, следует выделить прежде всего два основных:

1. Институты политической социализации (в основном, конечно, семья, школа и СМИ) как реально существующие физические структуры, вполне поддающиеся измерению социологическими и психологическими методами. Особенно следует обратить внимание на взаимосвязи между данным институтом политической социализации и политической системой в целом. Кроме того, исследования в этом направлении дают возможности для научных и образовательных экспериментов, которые, конечно проводятся, но, к сожалению, без поддержки государства (которому это теоретически должно быть выгодно и интересно) быстро увядают.

2. Политическое поведение индивидов и групп, исследованию которых, наоборот, посвящено в последнее время слишком много материала, большая часть которого носит конъюнктурный и одномоментный характер. В частности, на основе огромного эмпирического материала, собираемого в ходе предвыборных кампаний делаются узконаправленные выводы о рейтингах кандидатов, в то время как информации, содержащейся в этом материале, хватило бы на несколько исследований совершенно разной теоретической направленности.

Наиболее плодотворным направлением в этих исследованиях можно было бы считать сравнительные исследования политической социализации в частности, и политических культур и систем в целом. Однако здесь тоже необходимо сделать ряд оговорок.

Сравнительные исследования требуют как минимум выделения одних и тех же параметров разных объектов, измерения данных параметров и затем уже сравнения результатов измерения. Проблема в том, что в одном объекте – политической социализации, например, исследователей в Западной Европе и в России волнуют совершенно разные параметры, измерением которых они и занимаются, сравнение же которых между собой практически невозможно.

Одной из причин такого различия интересов является существенное различие политических систем и радикальное различие политических культур. Для многих явлений и процессов бывает просто сложно найти аналоги. Возможно, эти различия и становятся так заметны только потому, что сравнительные исследования направлены именно на поиск различий?

Любое общество содержит в качестве одного из компонентов своей политической культуры идеальный проект общества, политической системы и гражданина в частности. Этот идеальный проект зависит не только от рационального желания усовершенствовать политическую систему, он базируется также и на иррациональных, архетипических представлениях. Сравнение таких представлений об идеальном гражданине может дать интересный материал для сравнения политической социализации и политических культур в разных странах.

Так или иначе, практически любое исследование предполагает сравнение. И как раз сравнительные исследования сложного и многогранного процесса политической социализации могут не только дать пищу для размышлений новым поколениям политических теоретиков, но и наметить для государства новые шаги в сторону политически воспитанного, рационального и приятного во всех других отношениях общества.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Направление, содержание и проблемы социально-реабилитационной деятельности с детьми в Басандайской «коррекционной школе-интернат IV вида»

М.П. Дамм

Томский государственный педагогический университет,
Областная Басандайская специальная (коррекционная)
школа-интернат VI вида

14 января 2002 г. в Томской области была открыта Областная Басандайская специальная (коррекционная) школа-интернат VI вида. Это вторая по счету школа в России.

В ней учатся и живут дети с нарушением опорно-двигательного аппарата. У таких детей резко заторможено общее развитие двигательных функций: нарушены движения конечностей и всех частей тела в результате спазмов мускулатуры, наблюдаются гиперкинезы (непроизвольные беспорядочные движения конечностей и оральной мускулатуры). Тяжесть двигательных нарушений у детей с ДЦП различны. Большинство из них передвигается затрудненной, плохо координированной походкой, многие используют при этом костыли и трости, некоторые беспомощны без коляски. Часто церебральные параличи сочетаются с такими отклонениями в развитии, как снижение слуха, речевые расстройства. У детей нередко наблюдается также задержки формирования отдельных психических функций.

Таким детям нужна не только медицинская, но и педагогическая помощь. Именно с этой целью была организована Басандайская специальная школа интернатного вида, где специалисты составляют единый комплекс воздействия на ребенка.

На данный момент в нашем интернате проживает 26 детей (возраст от 7 до 16 лет): двое имеют III, остальные – IV группу здоровья, у семерых человек наблюдается также интеллектуальные нарушения.

Поступление детей в интернат продолжается до сих пор. В учреждение принимаются дети по медицинским показателям.

Основные задачи школы интерната:

- создание благоприятных условий, приближенных к домашним, способствующим умственному, эмоциональному и физическому развитию личности;

- обеспечение социальной защиты, медико-психолого-педагогической реабилитации и социальной адаптации воспитанников;
- обеспечение охраны и укрепление здоровья воспитанников;
- охрана прав и интересов воспитанников.

Реализацию данных задач осуществляет следующий штат сотрудников:

- учебно-воспитательный состав (директор, 8 учителей, 8 воспитателей, психолог, логопед, социальный педагог, библиотекарь, заместитель директора по учебно-воспитательной работе);
- медицинский персонал (8 человек: невропатолог, педиатр, массажист, 4 медсестры, инструктор по ЛФК; также работу ведут внештатные сотрудники: лор, ортопед, окулист, психиатр, стоматолог).

Все специалисты имеют необходимую профессионально- педагогическую и медицинскую квалификацию.

Школа-интернат имеет 5 одноэтажных корпусов: два спальных, один школьный, один административный, один столовый.

Организация обучения и воспитания в учреждении строится в соответствии с учебным планом. Обучение проводится по программам массовых школ.

В интернате существуют одновозрастные группы. В учреждении 8 общеобразовательных классов (планируется 9), в классе по 4-7 человек (планируется 10). За каждым классом закреплен свой кабинет, где дети учатся и делают уроки. Учебная нагрузка в день не превышает 5 часов для среднего и старшего звена и 4 часа для младшего звена.

В школе созданы условия для специального передвижения таких детей (специальные перила, отсутствуют пороги, ширина дверей и коридоров позволяет передвигаться на инвалидных колясках). В спальных корпусах имеются игровые комнаты для детей.

Права и обязанности воспитанников определяется уставом интерната.

В школе интернат имеется распорядок дня, где большое внимание уделяется оздоровительным мероприятиям (прогулки на свежим воздухе, массаж, занятие на тренажерах, медикаментозное лечение).

В нашем интернате прежде всего большое внимание уделяется оздоровлению детей. Медицинское отделение является структурным подразделением коррекционной школы интернат VI вида. Свою деятельность строит на основе Устава учреждения, нормативных документов Министерства Здравоохранения РФ, а также приказов, положений Департамента Здравоохранения Томской области. Все подразделения медицинского отделения размещаются в административном корпусе. Отделение строит свою работу в тесном контакте с учреждениями Здравоохранения, научно-исследовательскими институтами, кафедрами СМГУ, а также частными фирмами, занимающимися медицинской деятельностью.

Цель деятельности отдела является оказание учащимся интерната квалифицированном медицинской помощи на основе современных достижений в медицинской науке и технике.

Задачи отдела:

- проведение углубленного осмотра всех школьников специалистами (невропатологом, ортопедом, педиатром, отоларингологом, стоматологом, медицинским психологом);
- постановка или уточнение основного диагноза, выявление сопутствующей патологии;
- разработка и реализация индивидуальных программ, медицинской коррекции с определением объема, порядка, места и срока проведения;
- профилактика дальнейшей инвалидизации учащихся с нарушением опорно-двигательного аппарата;
- организация первичной профилактики заболевания (медицинский контроль за расписанием, режимом, иммунопрофилактика, профилактические осмотры, профилактика инфекционных заболеваний).

Главная задача, стоящая перед педагогическим и медицинским коллективом, - оздоровительно-профилактическая работа, направленная на укрепление и исправление общего физического и психического состояния каждого ребенка.

В интернате ведется работа по обучению правильным движениям через лечебную гимнастику, работу на тренажерах, используется массаж, ортопедические средства. Ведется логопедическая работа. Эффективность физиотерапевтического и логопедического воздействия возрастает за счет медикаментозного лечения. Летом планируется апробирование иппотерапевтических занятий. Идет воспитание навыков самообслуживания и гигиены, а также других бытовых навыков.

В результате нашего небольшого опыта работы возникает большое количество вопросов и проблем:

- нет средств для закупки современного оборудования;
- нет специальных программ воспитания и обучения детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата;
- недостаточный уровень психолого-педагогической подготовки специалистов для работы с такими детьми;
- трудности принятия такого ребенка обществом здоровых людей и т.д.

Мы не сидим на месте, а пытаемся решить эти вопросы: ищем людей, которые могут оказывать благотворительную помощь, посещаем специальные курсы по повышению квалификации, знакомимся со специальной литературой, апробируем новые методы работы с детьми и кое-какие результаты мы уже имеем.

Ведь у нас все еще впереди.

Роль вуза в содействии адаптации выпускников к рынку труда

Е.И. Дорожкина

В современной социально-экономической ситуации обострился вопрос подготовки экономически грамотного молодого поколения вне зависимости от профессии, способного самостоятельно решать жизненные вопросы, быстро приспосабливаться к условиям новой экономической системы, обладать конкурентоспособностью на рынке труда. Тем не менее, молодые специалисты, выпускники вузов, так необходимые стране, часто не находят своего покупателя на рынке труда и вынуждены получать скромные пособия или минимальную заработную плату за использование своего труда не по специальности.

По мнению экспертов, сотрудников томского городского центра занятости населения, основными факторами, препятствующими адаптации выпускников к рынку труда, являются следующие:

- Слабая профессиональная мотивация.
- Недостаточный уровень теоретической и практической профессиональной подготовки молодого специалиста.
- Неадекватное представление о ситуации на рынке труда и незнание способов и технологий поиска работы, самопрезентации.
- Низкий уровень поисковой активности (пассивная позиция выпускника) в процессе адаптации.
- Отсутствие опыта работы.

Проблема адаптации к рынку труда особенно характерна для выпускников вузов города Томска – города с высоким научно-образовательным потенциалом. В связи с этим угрожающие масштабы рискует приобрести безработица среди молодежи, которая имеет серьезные негативные последствия, как для самого молодого специалиста и его семьи, так и для здоровья общества в целом и государства.

Традиционные методы решения проблемы адаптации направлены, прежде всего, на борьбу с последствиями (содействие трудоустройству), но не на предотвращение возникновения самой проблемы, ее профилактику.

Сегодня на первый план должна выйти, на наш взгляд, не борьба с последствиями, а работа по недопущению, предотвращению дезадаптации молодых специалистов на рынке труда. Своевременная забота позволит избежать растраты ценного ресурсного потенциала молодежи и неоправданно затрачиваемых средств на подготовку кадров. Во многом незадействованным ресурсом в решении проблемы на сегодня является вуз.

Исходя из принципов социальной работы и социальной педагогики, вуз может сыграть незаменимую роль в содействии адаптации выпускни-

ков к рынку труда. Это связано с тем, что возраст, в котором происходит окончательное осознание и утверждение профессиональных интересов, жизненных ценностей, своего предназначения у большинства обучающихся совпадает с периодом обучения в высшей школе (если говорить о специалистах с высшим образованием). В связи с этим, именно в вузе должна осуществляться работа со студентом, цель которой – помочь окончательно определиться в профессиональном плане, подготовить к выходу на рынок труда, подсказать способы преодоления возможных трудностей, посодействовать в поиске первой работы.

Более того, положение молодых кадров на рынке труда во многом определяется деятельностью образовательных учреждений города, которые через процесс подготовки и воспитания задают профессионально-квалификационный уровень подготовки своих выпускников, формируют ценностные ориентации на труд, модель поведения в сфере трудовых отношений.

На основе анализа факторов попытаемся выделить возможные формы работы соответствующих подразделений вузов с выпускниками и студентами, содействующие их адаптации к рынку труда. На наш взгляд, целесообразно выделить непосредственные (прямые) формы работы с выпускниками и студентами вузов и опосредованные или косвенные формы.

К прямым формам могут быть отнесены:

1) непосредственное содействие трудоустройству выпускников данного вуза, помощь в поиске подходящей работы;

2) организация форумов, семинаров выпускников вуза с работодателями данного региона для взаимовыгодного общения;

3) профориентационная и информационная работа со студентами и абитуриентами;

4) введение дополнительных альтернативных предметов по планированию карьеры, изучению правил поведения на рынке труда и т.д.

Для осуществления работы по указанным направлениям в вузе может функционировать специальный центр по содействию адаптации к рынку труда. Деятельность центра в целом должна быть направлена на повышение конкурентоспособности выпускников вуза на местном рынке труда.

Студентам, таким образом, будет предоставляться возможность получения дополнительных знаний и навыков в области поиска работы, ведения переговоров с работодателем, технологий планирования карьеры. Получая информацию о состоянии рынка труда, тенденциях его развития, потребностях работодателей, человек сможет своевременно корректировать свои планы в соответствии с полученной информацией.

Косвенные формы работы больше связаны не с деятельностью конкретного вуза, а с управлением системой образования в целом. Но вузы

принимают непосредственное активное участие в реализации данных форм работы:

1) прогнозирование спроса специалистов на региональном рынке труда и составление соответственно с этим плана набора на бюджетные места;

2) прогнозирование стратегических потребностей народного хозяйства и производства и своевременная коррекция учебных планов, программ, повышение квалификации преподавательского состава;

3) повышение качества образования за счет установления оптимального баланса между комплексами теоретических и практических дисциплин;

4) организация взаимодействия и сотрудничества различных институтов, непосредственно связанных с рынком труда: Департамента службы занятости, вузов, предприятий, органов администрации и др.

Центры по адаптации в последнее время стали появляться в ряде вузов России. Многие из них появились после приказа Министерства образования РФ и Министерства труда и социального развития РФ от 24.07.2000 № 2285/187 «О реализации межведомственной программы содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений профессионального образования».

Будет ли цент успешно функционировать и реально содействовать адаптации своих выпускников или его существование в вузе станет формальностью, зависит в конечном итоге от руководства конкретного вуза.

С целью выявления позиции руководства томских вузов (ТГУ, ТПУ, ТГПУ) в отношении возможности и готовности включения вуза в решение проблемы адаптации выпускников к рынку труда, был проведен опрос экспертов. В их число вошли представители руководящих постов трех вузов, а также председатели студенческих профкомов.

Основная гипотеза состояла в следующем: представители руководства вузов видят необходимость включения в решение проблемы адаптации выпускников и готовы к этому, но включению препятствует отсутствие финансового и организационного подкрепления со стороны государства. Гипотеза подтвердилась лишь частично: на примере Педагогического университета.

В целом факт наличия проблемы как таковой отметили все опрошенные. Эксперты из Политехнического университета отметили, что подавляющему числу выпускников их вуза проблема адаптации не грозит, что является во многом заслугами руководства вуза.

Ректор ТГУ Г.В. Майер обратил внимание на то, что нельзя говорить о проблеме только на основании того, что выпускник не смог устроиться по специальности сразу же после окончания вуза. Особенно это правомерно при условии, что выпускники выдвигают порой слишком высокие

требования к работе и ее оплате. По его мнению, проблема серьезная, но во-первых, для разных факультетов ситуация разная, а во-вторых, не следует ограничиваться при трудоустройстве границами лишь города Томска.

Эксперты из Томского педагогического университета объясняют неадаптированность недостаточным вниманием государства и правительства к проблемам системы образования, считая, что вуз, со своей стороны, делает все возможное и необходимое для успешной адаптации своих выпускников.

Респонденты из ТПУ и ТГУ главным субъектом в решении проблемы адаптации видят, прежде всего, самого студента, отмечая, что успех зависит от его целей, активности, личных качеств. Роль вуза при этом заключается в создании всевозможных условий для реализации инициативы и стремлений студента, и предоставлении качественного образования. Вуз, по мнению одного из экспертов из ТПУ, должен предостеречь выпускников от возможных опасных ситуаций, подготовить к грамотной оценке и выходу из сложных ситуаций.

Вышесказанное хорошо иллюстрирует позиция председателя профкома ТГУ В.В. Казакова, который утверждает, что «все зависит от того, кем ты хочешь быть, чего ты хочешь, а вуз создает все условия для реализации твоих устремлений».

Мнения экспертов ТГУ и ТПУ о функциях вуза в содействии адаптации выпускников во многом схожи. Создание условий предполагает: активную работу вуза по сотрудничеству с руководителями региональных предприятий, организацию производственных и учебных практик, анализ рынка труда и внесение корректив в учебные планы. Представители из ТПУ отметили еще и участие вуза в системе распределения, побуждение студентов к проявлению инициативы, активности и творческому подходу к делу.

Ни один эксперт не придал значения профориентационной работе со студентом в качестве формы содействия адаптации, а также обучению способам поведения в сложных ситуациях на рынке труда. Это свидетельствует о том, что под адаптацией к рынку труда эксперты понимают, прежде всего, различные формы содействия трудоустройству выпускников, что подтверждает одну из гипотез исследования. Вузы пока не готовы к профилактическим формам работы со студентами.

Никто из опрашиваемых не счел нужным что-либо изменять в существующей системе подготовки специалистов для повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Все респонденты считают, что на сегодня вуз делает все, что в его силах, для обеспечения качественной подготовки специалистов. Эта позиция руководителей вузов расходится с ожиданиями работодателей.

Таким образом, в ходе исследования выяснилось, что, не смотря на различия вузов в подходах к разрешению сложившейся ситуации, они в целом готовы участвовать в процессе адаптации своих выпускников, но с условием, что это будет не односторонне направленные усилия, а сотрудничество, предполагающее заинтересованность, прежде всего, студента. Иначе коэффициент полезного действия усилий вуза будет не велик.

Руководство вузов делает большие ставки на активность и инициативность самого студента в процессе адаптации, на творческую позицию и позитивный настрой выпускников в сочетании с фундаментальной подготовкой вуза.

Условия оптимизации личности в социальной политике на предприятии
(трудовые предпочтения потенциальных работников)

А.Н. Комарова

Проводимый в прошлом году на предприятиях, имеющих долгий опыт системы советского управления, опрос председателей профсоюзов выявил, что, по сути, социальная политика на предприятии сводится к распределению имеющихся социальных благ. Главным субъектом социальной политики является профсоюз. Таким образом, главная его функция не правозащитная, а распределительная, что в принципе противоречит его природе. Подход к работникам является унифицированным, не учитывается индивидуальность человека, его потребности. Но даже это универсальное распределение доступно не каждому. Это нарушает постоянно декларируемый принцип социальной справедливости. Не вступит человек в профсоюз, не получит он вообще никаких благ. Социальные блага должны помочь работнику повысить свою производительность труда, а не являться трудовым стимулом. То есть методы социальной политики остались прежними в условиях общественных перемен.

Чтобы достичь своей цели, создание условий для удовлетворения социальных потребностей и интересов людей, социальная политика должна быть направлена на трудовую мотивацию. Важно, чтобы создавались условия, которые активизировали бы потребности работника в самореализации, в признании, значимости его действий, в творчестве, в достижении результатов и так далее, а также предоставлении условий для удовлетворения этих потребностей. Для этого необходимо поощрение инициативы работника, предоставление ему самостоятельности, соответствующей его компетентности, предоставлении возможности для получения знаний, возможностей повышения квалификации. Тем самым стиму-

лируется внутренний потенциал человека, что увеличивает его шансы самостоятельно решать свои проблемы, находить выход из трудных жизненных ситуаций, не бояться ответственности. В этом смысле социальная политика предприятия становиться ресурсом социальной работы. Цель социальной работы, обеспечение достойных человеческого существования условий жизни, достигается с помощью социальной политики на предприятии. Результаты таких методов полностью будут работать и на цели производства. Таким образом, возможно органичное существование социальной сферы в экономической.

Одним из важных условий активизации потенциала работника является компетентность, знание. Оно выступает не только условием общественного процесса, но дает возможность для человека рефлексировать свое поведение. В связи с этим было произведено исследование, целью которого являлось определение трудовых предпочтений людей, не имеющих опыта трудовой деятельности при советской системе и являющихся социально компетентными и имеющих базу новых знаний. Отсутствие опыта трудовой деятельности в советской системе позволяет избежать стереотипов социальной политики на предприятии. Опрашивались студенты специальности социальной работы (комплекс новых знаний) из ТПУ, ТГУ. Данные студенты хорошо знакомы с гуманистическими принципами, так как они являются основами специальности социальная работа. Гипотезой исследования выступало то, что трудовые предпочтения студентов, имеющих такие знания, направлены на внутренние содержания труда, а не на внешние факторы. За основу разделения факторов была взята классификация Герцберга, где факторы делились на мотивационные (направленные на содержание труда) и на гигиенические (направлены на внешние условия труда). Вопросы содержали в себе следующие элементы данных факторов: внутренние – чувство достижения, признания, содержания труда, ответственность, профессиональный рост, продвижение; внешние – хорошее отношение с вышестоящими, с коллегами, с подчиненными, рабочие условия, заработная плата, статус профессии. В опросе участвовало 81 студент специальности социальная работа. В вопросе «Что является самым главным в трудовой деятельности для вас?» 74 человека выбрали факторы, направленные на внутреннее содержание труда. В частности для 32 человек главным является интерес «к деятельности», а для 28 человек «достижение результатов в трудовой деятельности». Для респондентов важно, чем он будет заниматься и эффективность их деятельности, точнее, они ориентированы на эффективную деятельность, что является очень важным качеством будущего работника. Вместе с этим самую высокую частоту выбора из качеств важных при достижении какой-либо цели имеет «ответственность», которая дополняет ориентацию студентов на результативность трудовой деятель-

ности. На вопрос «Чтобы вы хотели получить в первую очередь от своей трудовой деятельности?» первое место занимает ответ «заинтересованность в работе», что является фактором важности содержания трудовой деятельности, но второе место по ответам в этом вопросе занимает «высокая заработная плата», причем 3 человека из 20 являются студентами первого-второго, остальные – старшего курса. Ориентация на высокую заработную плату является естественной при современной социальной и экономической обстановке. В реальности получение специальности на базе высшего образования еще не является гарантом высокой заработной платы. В России заработная плата при групповой деятельности не является данностью в связи с квалификацией, как это существует на западе, а это главный стимул в условиях финансового кризиса, потому заработная плата вызывает озабоченность потенциальных работников. «Адекватная заработная плата», как показал опрос, будет более всего влиять на респондентов при устройстве на работу, чуть меньше будет влиять возможность карьеры. Карьера – это внутренний фактор труда, который предполагает достижение профессиональных результатов и упорной работы.

На вопрос, «Какой вид поощрения вы бы предпочли прежде всего?» первое место занимает ответ «получения возможности дальнейшего профессионального развития» для респондентов важно развитие профессиональных качеств, развитие как специалиста. Возможно, высокий показатель предпочтения профессионального роста обусловлен тем, что респондент доволен перспективами специальности, по которой он обучается. Второе место занимает ответ «получение более высокой должности». У респондентов преобладает то, что трудовая деятельность ассоциируется с фразой «работа – это возможность самореализации». Здесь может проявляться именно их желание, чтобы так и было. Чуть меньше, на 25 человек, выбрали ответ «работа – это определенное социальное положение и статус». Люди с помощью работы хотят определить свою социальную роль в жизни, что свидетельствует о серьезной настроенности на трудовую деятельности еще в процессе обучения.

В целом, равное распределение количества закрытий на внешние и внутренние трудовые факторы позволили определить, что частота выбора ответов, относящихся к внутренним факторам, составила 65,3%, а к внешним – 34,7%.

Таким образом, студенты в своей будущей профессиональной деятельности ориентированы на содержание, смысл труда, а не на его внешние факторы – предметное окружение, забота о пенсии, стабильность работы. Единственным часто упоминающим внешним фактором выступала заработная плата, но большее влияние на это оказывает макросоциальная среда.

Образование, знания позволяют активизировать (с помощью рефлексии) социальные потребности, а в условиях предприятия (организации) удовлетворять их в труде. Это является благом для человека и для производства.

В целом, заниматься социальной политикой, в частности, на предприятии должны специалисты, люди, компетентные в решении социальных проблем, каких-либо социальных вопросов. Социальная политика направлена на людей, и работать по остаточному принципу здесь нельзя. Поэтому здесь важна роль специалиста по социальной работе.

Театральная деятельность как направление социально-реабилитационной работы с детьми с нарушением интеллекта

Е.В. Лопатина

Томский государственный педагогический университет

Театр – это род искусства, специфическим средством выражения которого является сцена. Разнообразные формы сценических зрелищ существовали еще в Древнем Китае, Индии, Греции.

В школе-интернате № 22 г. Томска (ул. Сибирская, 81/г) находятся дети, которые отличаются от обычных своей особенностью, выраженной в диагнозе «олигофрения в стадии дебильности». За этой страшной фразой стоит личность ребенка, который родился для того, чтобы жить. Любить и быть любимым.

Важной задачей системы образования учреждения коррекционного типа сегодня является воспитание будущего выпускника, способного ориентироваться и функционировать в сложной действительности.

Одним из решений этой задачи может стать театр, как значительная помощь для ребят с ограниченными возможностями. Такой вид социально-реабилитационной работы не новый в истории реабилитации для таких учреждений. Этот род искусства вызывает множество споров и оценок. Но анализ показывает, что сегодня многие заведения для детей с ограниченными возможностями стремятся использовать его в виде работы со своими подопечными.

На мой взгляд, можно выделить наиболее важные задачи, которые выполняет театральная деятельность для ребят с нарушением интеллекта.

Театр-студия «Радость» школы-интерната № 22, которая была создана в 1993 году, дает его актерам возможность почувствовать и проиграть ситуации, реально схожие с повседневными проблемами, и фантазируемые игровые сюжеты. Сказки, требующие от актеров эмпатийности, то есть способности сочувствовать и сопереживать своим героям. Актерское

мастерство предполагает развитие правильной, ясной речи. Умение вести себя сдержанно, спокойно в окружающем социуме. Кроме того, театральная деятельность детей сопровождается занятиями труда (столярное мастерство, швейное дело, вязание и др.) и изобразительного творчества с целью подготовки костюмов, кукол, декораций для спектаклей. Они сами шьют костюмы, при непосредственной помощи воспитателя. Все это расширяет и углубляет способности детей.

В 1999 и 2000 гг. группа ребят проявила себя в фестивале «Гримм-маски», который прошел в нашем городе, а также стали лауреатами Губернаторского конкурса 2001 года.

Таким образом, театральная деятельность способствует целостному развитию личности ребенка – актера:

- формированию культуры общения;
- формированию культуры эмоций и чувств;
- формированию мышления;
- формированию поведения и деятельности.

Результаты работы такого клуба (театра) весьма радующие, а Гунькин Виталя – с 1994 г. участник театрального кружка театра-студии «Радость» – занял приз зрительских симпатий в этом конкурсе.

Ильина Елена Николаевна, как руководитель и воспитатель, принимает участие в жизни своих учеников, подсказывая им, как правильно поступить в той или иной ситуации. Все это расширяет круг общения между ребятами-олигофренами и преподавателями, остальными работниками этого учреждения и другими людьми.

Такой специалист, работая со своими подопечными, затрачивает много моральных и физических сил, дополнительного времени за сравнительно небольшое материальное стимулирование за такую работу.

Основной целью театрального искусства должно стать максимальное приближение ребенка, внутренне похожего на других. Этот вид деятельности дает благоприятные условия, настрой детей на хорошее расположение духа. При этом важно показать проблемы повседневной жизни через коллективное творчество, чтобы сохранить добрые взаимоотношения в течение всего периода обучения воспитанников.

Проблема межнациональных отношений в студенческой среде

Ю.Г. Никифорова

В настоящее время одним из приоритетных направлений в изучении межнациональных отношений является этническое сознание молодежи. Этническое сознание включает в себя всю совокупность представлений

членов этнической общности о своем и других этносах, включая социально-психологические установки и стереотипы [1. 21].

Возраст является ведущим в числе факторов, определяющих национальное самосознание. Молодежь, по сравнению с другими возрастными группами, наиболее этноцентрична, в молодежной среде заметнее распространены стереотипы этнического негативизма [2. 129].

Молодежь в силу возрастных особенностей быстрее идентифицирует себя с собственной этнической группой. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, именно в юности ведется активный поиск идеалов, смысла жизни, во-вторых, молодежь стремиться к психологической защищенности в кругу единомышленников, к преодолению одиночества. Возможная интерпретация значимости этнической группы для молодежи – это то обстоятельство, что в этом возрасте еще достаточно мало достигаемых статусов, поэтому наиболее важными остаются статусы предписанные (в том числе национальность молодого человека).

По результатам анкетного опроса, проведенного в г. Томске, в ходе которого были опрошены 144 студента четырех национальностей (русские, казахи, буряты и студенты – представители народов Кавказа), выяснилось, что для 72 человек (50% опрошенных) значима собственная национальность, причем более значима она оказалась для иногородних студентов (52 ответивших против 20 ответивших русских).

Интересно определить обстоятельства, формирующие осознание собственной национальности, роль в этом процессе таких институтов социализации как семья, школа, коллектив. По результатам исследования в числе причин, способствующих осознанию собственной национальности, были названы: родители и родственники в 52 случаях из 72; в 47 случаях – опыт общения с представителями других национальностей; сравнение себя с другими по внешнему виду – 28; влияние СМИ – 23 случая; сверстников – 16; школы – 11. Также студенты указали на роль жизненного опыта и собственного мировоззрения.

Безусловно, в настоящее время проблема межнациональных отношений не так остра, как в начале 90-х годов, но студенческая молодежь признает существование данной проблемы. Это было отмечено 43% опрошенных студентов, 43% респондентов отметили, что проблема существует, но это зависит от региона. Кроме того, была указана роль собственного круга общения; политики, проводимой в стране.

Еще одним подтверждением существования проблемы межнациональных отношений в студенческой среде стал ответ респондентов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с антипатией к себе по национальным признакам?». Утвердительно ответили 40% опрошенных. Реже всего с антипатией по национальным признакам сталкивались русские студенты, чаще всего на это указывали представители народов Кавказа (19 человек из

у них чувство антипатии. Студенты-представители инорусских национальностей значительно чаще отмечают, что нельзя приписывать характерные черты всему этносу, что поведение и черты характера – это индивидуальные, а не групповые особенности.

Любопытно мнение студентов о людях других национальностей и данные ими характеристики этноса. Лидеры по числу симпатий среди русских студентов – немцы. Симпатизируют им за «практичность», «педантичность», «пунктуальность», «трудолюбие». Русских, белоруссов, украинцев уважают за их «открытость», «добродушие», «миролюбие», «широту души», корейцев – за «трудолюбие», евреев – за «практичность», «деловитость», «интеллект», представителям восточных народов – за гостеприимство, за чувство солидарности со своими и бережное отношение к традициям. Лидеры по числу антипатий – представители народов Кавказа (это было отмечено 12 студентами из 50 отвечавших на вопрос о национальных антипатиях). Не любят их за «наглость», «навязчивость», «жестокость», за «чрезмерное самолюбие», упрямство, не нравится также их внешность. Девушки-студентки отмечают, что испытывают антипатии к «кавказцам» за их неуважительное отношение к женщинам.

Студенты-«кавказцы» отвечают, что возможной причиной их неприязни к другим национальностям, стала «...неприязнь к людям моей национальности». Очевидно, что негативные установки носят взаимный характер. Интересно, что студенты, выразившие негативное отношение к одному или нескольким этносам так и не сумели объяснить, за что же они их не любят (качества не формулировались либо носили отвлеченный характер). Это говорит о присутствии в этнических отношениях иррационального элемента, связанного с эмоциональным восприятием действительности.

На вопрос о существовании ситуаций, когда оправдана неприязнь к людям других национальностей, студенты ответили, что такие ситуации существуют. Диапазон ситуаций достаточно широк: от особенностей поведения и национальной культуры, от сложившихся исторических и политических причин, до отказа этноса от ассимиляции, разговор на родном языке в присутствии других этносов.

Одним из показателей межнациональных отношений и одним из критериев оценки этноцентризма является отношение к межнациональным бракам. Так как поведение людей в частной жизни может служить показателем происходящих в обществе процессов, свидетельствовать о тенденциях к интеграции либо разъединению этносов.

Предпринимая исследование, важно было выяснить, как современная студенческая молодежь воспринимает межнациональные браки, какую роль играет этническая принадлежность супруга, какие национальности

предпочтительнее, а с какими вступление в брак видится нежелательным; насколько молодежь ориентирована на личностные, а не на национальные качества окружающих людей.

Молодежь положительно оценивает межнациональные браки как социальный феномен с позиции стороннего наблюдателя. Так 72% опрошенных студентов положительно относятся к межнациональным бракам. Лишь 9% негативно оценивают гетерогенный брак, 5% опрошенных считают, что главное не национальность, а личные качества человека. Но одно дело быть сторонним наблюдателем, а другое – представить себя или своих близких в качестве участника межнационального брака. На вопрос о возможности собственного вступления в гетерогенный брак студенты были более сдержаны в ответах: положительно ответили лишь 17% опрошенных, отрицательно – 43%. Ставят это в зависимость от конкретной национальности супруга либо в зависимости от ситуации 22% студентов. Молодежь склонна видеть человека другой национальности скорее в качестве соседа, сослуживца, чем в роли собственного мужа или жены. С уверенностью заявили о готовности создать семью с представителем другой национальности «лишь бы был хороший человек» - 10% опрошенных.

Нередко студенты ставят возможность вступления в брак в зависимость от того, кто именно претендент по национальности. Причем инорусские студенты выстроили меньший список предпочитаемых национальностей, у них чаще встречается толерантность, принятие человека в зависимости от личных качеств, а не от национальной принадлежности. Лишь 5,5% русских студентов не рассматривают национальность в качестве условия, исключающего возможность вступления в брак.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют об определенном уровне предубежденностей, этнических стереотипов, существующих в студенческой среде, и заставляют задуматься о проблеме межэтнической толерантности.

Литература:

1. Лебедева Н.А. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
2. Лисовский В.Г. Социология молодежи. С-Пб., 1996. 362 с.

Проблема детской агрессивности в условиях учреждений закрытого типа

О.Ю. Оцепова

Газеты, журналы, телевидение постоянно сообщают о росте насилия в обществе. СМИ призывают общественность к борьбе с насилием, однако, часто забывают о том, что насилие – это следствие, а причины коренятся

в агрессивности. Именно поэтому необходимо и целесообразно изучение данного феномена. Невозможно и неверно бороться с фактом, не зная его причин. Агрессивность – свойство личности, характеризующееся наличием деструктивных тенденций в области межличностных отношений [2. 75]. Агрессия есть проявление агрессивности. Агрессия – это физическое или символическое поведение, которое нацелено на причинение вреда живому существу [1. 24]. Агрессивные проявления можно разделить на два основных типа: первый – мотивационная агрессия, как самоцель, второй – инструментальная, как средство. Подразумевая, что и та, и другая могут проявляться как под контролем сознания, так и вне него, и сопряжены с эмоциональными переживаниями (гнев, враждебность) [2. 78]. Агрессивность имеет качественную и количественную характеристики, которые различны у разных людей. Диагностируя данные характеристики, мы можем прогнозировать формы агрессии, которые с большей вероятностью будут доминировать у человека. Агрессивные модели поведения человек усваивает в детстве. Одним из основных факторов, влияющих на становление агрессивности, является условия первичной социализации. В УЗТ – специфические условия социализации, доминирующее влияние на ребенка оказывает группа детей. Для данных детей, по мнению исследователя Л.И. Смагиной, характерно отсутствие коммуникативных навыков, умение строить отношения с окружающими, конфликтность, упрямство, недоверие [3. 8]. Дети вынуждены адаптироваться к большому числу людей, постоянно находясь в особых социально-психологических условиях, создающих эмоциональное напряжение. У них не развита волевая саморегуляция, то есть способность управлять своей эмоциональной сферой, поведением [3. 8]. В основе агрессии данных детей, по мнению Л.И. Смагиной, лежит потребность в самоутверждении, лидерстве, власти над другими людьми [3. 21]. В подростковый период происходит процесс интериоризации (усвоение индивидом определенных норм, ценностей, ролей) – социальных регуляторов, которые обеспечивают соответствие поведения индивида образцу, задаваемому требованиями конкретного социального окружения [3. 20]. Подростки в УЗТ особенно восприимчивы к влиянию группы детей (как основному агенту социализации). Стремясь быть признанным, ребенок неосознанно либо сознательно демонстрирует модели поведения, поощряемые группой. Основными диктаторами социально-групповых норм являются обладатели высокого социально-психологического статуса в группе, они имеют потенциально наибольшую возможность влияния на поведение членов группы.

Таким образом, возникает проблема: каково влияние агрессивности ребенка на его социально-психологический статус в группе? В целях разрешения проблемы было проведено психодиагностическое исследование.

Изучались две группы подростков от 12 до 16 лет, воспитанники детского дома № 4 и школы-интерната № 6 г. Томска. Численность групп 11 и 16 человек, соответственно. В общей сложности было опрошено 27 подростков. Для проведения исследования было использовано две методики:

1) Социометрическая процедура, целью которой было выявление внутригрупповых статусных позиций, группировка членов коллектива, в зависимости от социометрического статуса. (Его величина определяет субъективную меру влияния индивида на коллектив). Было выделено три основных статусных позиции:

- авторитеты, лидеры – носители положительного социального статуса, получившие максимальное число положительных выборов и не получившие отклонений;
- носители средней статусной позиции, получившие среднее число положительных и отрицательных выборов, находящиеся в рамках социометрической мишени;
- аутсайдеры – не получившие не одного выбора, либо получившие только отрицательные выборы.

2) Диагностика состояния агрессивности Басса и Дарки. Цель: диагностировать количественные и качественные состояния агрессивности у воспитанников УЗТ. Басс разделил понятия агрессии и враждебности, определив последнюю, как реакцию, развивающую негативные чувства и негативные оценки людей и событий. Создавая опросник, Басс и Дарки выделили следующие виды качественных реакций:

а) физическая агрессия,
б) косвенная агрессия,
в) раздражение,
г) негативизм,
д) обида,
е) подозрительность,
ж) вербальная агрессия.

При расчете количественных характеристик вводится методика определения индекса агрессивности. Индекс в интервале от 0 до 17 говорит о пониженной агрессивности, от 17 до 25 – агрессивность в норме, от 25 и выше – агрессивность повышенная.

Аналогичным образом рассматривается показатель враждебности. Индекс от 0 до3,5 говорит о пониженной враждебности, от 3,5 до 10 – о враждебности в норме. Индекс от 10 и выше указывает на повышенную враждебность.

Было выявлено, что в среднем уровень агрессивности обследуемых детей, находится в пределах нормы (индекс равен 21). Однако уровень враждебности превышает норму (индекс равен 12,4, а максимальное значение в интервале нормы равно 10). Составляющими враждебности яв-

ляются обида и подозрительность. В среднем индекс обиды равен 5,2, а подозрительность – 7,2, следовательно, на повышенную враждебность наибольшее влияние оказывает подозрительность, недоверие. Изучив средние значения индексов качественных агрессивных реакций, мы можем проранжировать их в зависимости от доминирования в поведенческом репертуаре:

- вербальная агрессия – 7,8
- раздражение – 7
- физическая агрессия – 5,7
- косвенная агрессия – 4,6
- негативизм – 2,7

В 17 из 27 случаев вербальная агрессия была зафиксирована как реакция, занимающая лидирующие позиции. В 10 из 27 случаев лидирующей реакцией является раздражение. Косвенная агрессия заняла последнюю позицию. Следовательно, мы можем сказать, что доминирующей агрессивной формой у опрашиваемых оказалась вербальная-активная-прямая. Примером данной формы, по А. Бассу, является словесное оскорбление или унижение другого человека, по малейшим пустякам. Данная реакция реализуется на фоне повышенной раздражительности и высокой враждебности.

Внутри выборочной совокупности было выделено три подгруппы, в зависимости от социометрического статуса и рассмотрено состояние агрессивности у каждой категории.

1) При изучении подгруппы лидеров были обнаружены следующие данные. Индекс агрессивности варьируется в интервале от 17 до 22. Средний индекс равен 18,7, что является нормой. У всех детей, занимающих позицию-лидер, доминирует вербальная агрессия, на втором месте – в 5 случаях из 6 – находится косвенная агрессия. Доминирующей формой является вербальная-активная-косвенная агрессия. Примером может служить распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке.

2) Рассматривая качественные и количественные характеристики агрессивности у детей, занимающих средние статусные позиции, были получены следующие результаты. В четверти случаев доминирующей реакцией является раздражение, на втором месте находится вербальная агрессия. В 5 из 12 случаев, наоборот, на первом месте вербальная агрессия, на втором раздражение. Индекс агрессивности в данной подгруппе варьирует в интервале от 22 до 29. Средний индекс равен 25,6, что говорит о повышенной агрессивности. В 100% случаев дети, обладающие чрезмерно повышенной агрессивностью находятся в данной группе. Преобладающей формой является вербальная – активная – прямая агрессия.

3) Средний индекс агрессивности у аутсайдеров равен 15,9, что говорит о ее пониженном уровне. При расчете средних показателей качественных реакций было обнаружено, что для аутсайдеров характерно доминирование физической агрессии (индекс равен 6,5) и раздражения (индекс равен 6). Самым малым индексом среди реакций обладает косвенная агрессия (3,2). Таким образом, для аутсайдеров характерен пониженный уровень агрессивности с доминирующей, физической – активной – прямой формой агрессии.

Примером данной формы может быть нанесение другому человеку ударов, толкание.

На вопрос, кого из группы вы можете выделить как самого агрессивного человека, было выделено 7 человек, из которых только 2 реально обладают повышенным уровнем агрессивности. В большинстве случаев, 5 из 7, выделенные члены группы как особо агрессивные, реально имеют пониженный уровень агрессивности. Все они входят в категорию аутсайдеров, обладают доминирующей физической агрессией и раздражением.

Таким образом, мы можем сказать следующее.

Во-первых, на идентификацию агрессивности детьми влияют, в первую очередь, не количественные характеристики агрессивности, а качественные. В частности, она идентифицируется с физической агрессией, не смотря даже на то, что количественный показатель агрессивности находится ниже нормы. Во-вторых, мы можем предположить, что агрессивность приписывается человеку независимо от его реального состояния агрессивности, а в зависимости от того, какую статусную позицию он занимает в группе. Люди, находящиеся в числе аутсайдеров, получившие наибольшее число отвержений, сами по себе идентифицируются с агрессией. Агрессия воспринимается как негатив и, соответственно, приписывается людям, вызывающим негативные чувства.

Изучив предпочтения в межличностном общении, были получены следующие результаты.

Лидеры в 8 из 17 случаев предпочитают общаться с другими лидерами, в 9 из 17 случаях – с детьми, имеющими средние статусные позиции. В трети случаев лидеры отклоняют ближайшее окружение лидера другой группировки, при этом, не отклоняя самого лидера. Наибольшее число отклонений сделанных членами данной подгруппы приходится на аутсайдеров 11 из 16. Лидеры предпочитают общение с детьми, занимающими средние статусные позиции, имеющими самые высокие индексы агрессивности. Аутсайдеры предпочитают общаться как с лидерами (11 выборов из 24), так и с носителями средних статусных позиций (13 выборов из 24).Однако, в отличие от лидеров, аутсайдеры предпочитают общение с детьми, занимающими средний статус, имеющими агрессивность в норме или ближе к норме. Выбираемые ими лидеры, так же в 100%

случаев, имеют агрессивность в норме. У носителей средних статусных позиций 60% предпочтений в общении пришлось на лидеров, 40% - на детей из своей подгруппы. Дети, имеющие особо высокий уровень агрессивности (индекс больше 26), предпочитают общаться в 11 случаях из 13 с лидерами. Возникает вопрос, почему лидеры и носители средних статусных позиций, с повышенным уровнем агрессивности, предпочитают друг друга в общении? Это можно объяснить тем, что в основе агрессии лежит потребность в самоутверждение, лидерстве, власти над другими людьми. Дети со средним социометрическим статусом не имеют таких авторитетных позиций, как лидеры, однако общение и признание последних является для них залогом власти, авторитета, самоутверждения. В то же время, лидеры нуждаются в опоре и поддержке в связи с тем, что у них агрессивность в норме, эту опору они ищут в людях с повышенной агрессивностью. Почему носители средних статусных позиций, с повышенной агрессивностью, сами не могут занять лидирующих позиций? Это связанно с их качественными характеристиками агрессивности. Чем более открыты и прямы агрессивные формы поведения у ребенка, тем меньше симпатий он вызывает у коллектива. Подтверждением этого является то, что у лидеров доминирует косвенная агрессия, а у остальных членов группы – прямая. Косвенная агрессия не всегда распознается, а те, кому она присуща, воспринимаются дружественно.

Выводы:

1. Воспитанники УЗТ в среднем имеют уровень агрессивности в пределах интервала нормы.

2. Уровень агрессивности различен, в зависимости от статусной позиции, занимаемой в группе.

3. Наиболее высокий уровень агрессивности у носителей средних статусных позиций, агрессивность в норме преимущественно у лидеров, пониженная – у аутсайдеров.

4. Качественные характеристики агрессивности детей различны, у разных статусных групп.

5. Для лидеров наиболее характерна вербальная-косвенная-активная форма агрессии, для средних статусных позиций – вербальная-прямая-активная форма, для аутсайдеров – физическая-прямая-активная.

6. На идентификацию агрессии в первую очередь влияют ее качественные характеристики. Агрессия идентифицируется с физической агрессией. Когда агрессия воспринимается как негатив, она приписывается людям, вызывающим негативные чувства.

7. Лидеры и носители средних статусных позиций, с повышенным уровнем агрессивности взаимно предпочитают друг друга в общении.

8. Агрессивность влияет на социально-психологический статус в группе, это влияние многомерно. Чем выше уровень агрессивности, тем

больше прослеживается стремление к лидерству, а не реальное лидерство, тем больше потенциальная возможность стать лидером. Однако необходим учет качественных характеристик агрессивности. Наибольшую возможность занять позицию лидера имеет человек со скрытыми, косвенными, вербальными характеристиками агрессии.

Физическая, прямая агрессия одобрение группы не вызывает, даже если ее количественный уровень низок. Косвенные модели агрессии не идентифицируются с агрессией, они связанны с манипулятивным поведением, а носители данных моделей поведения поощряются группой, являются лидерами. Это порождает проблему поощрения манипуляторов и манипулятивного поведения членами группы.

Литература:

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. С-Пб., 2000.
2. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. 2 т. М., 2001.
3. Сиротство как социальная проблема / Под ред. Л.И. Смагиной. Минск, 1999.

Исследование межличностных отношений воспитанников детских домов

В.В. Скатова

Поскольку воспитанники детского дома, как правило, с самого рождения лишены главного: адекватного общения со взрослым и включенности в семейную жизнь, то, на мой взгляд, процесс социализации этих детей целесообразно рассматривать сквозь призму интеракционистского подхода [2. 43]. Суть его в том, что социализация в качестве важнейшей детерминанты предполагает межличностное взаимодействие, общение.

Для исследования и диагностики межличностных отношений воспитанников детских домов в городе Томске использовалась методика неоконченных предложений [4]. Полученные в результате данные обрабатывались контент-анализом. Объектом являлись воспитанники детских домов подросткового возраста (11-15 лет) в общей численности 100 человек. В подростковом возрасте оформляется возникшее в три года собственное «Я». При формировании самосознания формируется самооценка личности и, следовательно, укрепляются жизненные позиции по отношению к себе и к окружающим людям.

В целом можно выделить 5 основных блоков направленности отношений: 1) к семье; 2) к противоположному полу; 3) к друзьям, знакомым; 4) к воспитателям; 5) к себе.

I. Для анализа взаимоотношений с родителями воспитанникам предлагалась группа предложений. Например, нужно было определить основ-

ные отличительные черты своей семьи. Большая часть суждений (63,4%) носит негативную направленность: опрашиваемые указывают на психические травмы, связанные со стрессовыми ситуациями семейных конфликтов. В качестве отличительных особенностей своих семей выделяют, прежде всего, употребление ими психоактивных веществ (34,1%), а также жестокое обращение с детьми (12,1%). Можно отметить, например, и такие примечательные суждения как: «моя семья отличается от других тем, что они даже не приезжают ко мне», «...тем, что мы не вместе», «...тем, что моей мамы нет, а отец отказался от родительских прав». Некоторые (15% суждений) использовали нейтральные характеристики, то есть их отношения не отличаются выраженной эмоциональной окрашенностью. Так, например, упоминают о составе, о полноте семьи: «все пять детей от разных отцов», «папа один растил семерых детей» и др.

Вопросы взаимоотношений с родителями вызывали болезненную реакцию у подростков, так как они ощущают свою ненужность или плохое обращение. Особо часто характеризуют отношение к себе как к вещи (12,7%), например: к тряпке, к игрушке, к боксерской груше; как к животному (11,8%): к щенку, к котенку и др.; к лишнему (7,8%): к обузе, как не к родной и др.; либо указывали на безразличное к себе отношение (9,8%).

Любопытными оказались результаты, связанные с детскими воспоминаниями о семье, о контактах со значимыми другими, которые определяют представление индивида о самом себе и об окружающем мире, то есть это – наиболее мощная сила, которая влияет на психологические позиции [3]. Согласно полученным данным здесь наблюдается более оптимистическая картина (32,4% суждений – позитивно окрашенные), и, скорее всего, это обусловлено воображением ребенка (компенсаторный фактор), корректирующим трагическое прошлое. Тем не менее, большая часть суждений негативной направленности (48,6%): вспоминают о безразличии, о предательстве по отношению к себе и т.д. Неудивительно, что у сирот уже заложен каркас непродуктивных и деструктивных жизненных сценариев, формулы которых: «моя жизнь не многого стоит» и «жизнь вообще ничего не стоит» [19].

Примечателен тот факт, что в ответах не прослеживается чувство активного неприятия родителей. Более того, оценивая свои слабости, подростки в ранг приоритетной (2-ое место) возводят отсутствие своей прежней семьи. Так же свое счастье связывают, прежде всего, с семьей (65% суждений): «я мог бы быть счастливым, если бы родители были рядом», «...если бы жил дома со совей семьей» и др. А обретение семьи в подавляющем числе случаев рассматривается как доминирующая жизненная цель.

Примечательными показались результаты, связанные с выяснением отношения ребят к другим семьям. Можно было бы предположить, что сработает механизм проекции отрицательного семейного опыта. Однако большая часть суждений оказалась позитивной направленности (45,1%). Скорее всего, это свидетельствует об экзистенциальных переживаниях воспитанников: только у них все так плохо, у других дело обстоит совершенно противоположным образом.

II. Осознание и переживание человеком своей половой идентичности является одним из наиболее существенных показателей формирования психологического пола. Такое осознание и переживание предполагает наличие у человека определенных эталонов, то есть представления о наиболее привлекательных и значимых качествах личности мужчины и женщины.

Для анализа отношения воспитанников к противоположному полу также предлагалась группа предложений. Было опрошено 53 девочки и 47 мальчиков. Было выявлено, что в связи с отрицательным опытом семейного взаимодействия, а также воспитательной работы в детских домах, срабатывает механизм проекции по отношению к мужчинам, женщинам. Что касается воспитательной работы, то детский дом не формирует у своих воспитанников позитивного стереотипа семьи. Если ведется подготовка детей к будущей семейной жизни, то игнорируется отрицательный семейный опыт сирот (что обусловлено желанием воспитателей не наносить лишний раз психологическую травму), хотя в воспитательной работе нужно отталкиваться именно от этого опыта, подводить воспитанников к пониманию причин неблагополучия в семьях и показывать возможные позитивные способы решения семейных проблем.

Наиболее привлекательные и значимые качества личные противоположного пола, выделяемые воспитанниками, отражают преимущественно нравственную сторону взаимоотношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, то есть фактически связаны с представлениями о качествах семьянина (мужа, отца, матери, жены). Повышенная ценность семьи и недостаточный семейный опыт жизни в ней способствуют идеализации подростками взаимоотношений в семье, образы семьянина. Поэтому эти абстрактные представления, которые выражают скорее желание подростка, приходят в столкновение с реальностью. Нужно отметить, что у девочек, по сравнению с мальчиками, настороженно негативное отношение к противоположному полу – в два раза более выраженное (83,6% против 41,5%).

Если положительная идеальная модель до определенной степени расплывчата, то одновременно у воспитанников существует эмоционально насыщенный, конкретный образ того, какими эти взаимоотношения быть не должны. Столкновение этих двух образов порождает конфликтную

систему требований: идеализированных, с одной стороны, и ограниченных выполнением элементарных норм поведения – с другой. Так, самый большой протест вызывает злоупотребление спиртными напитками (мальчики – 44,2%, девочки – 22,2%), аморальное поведение по отношению к семье и детям (мальчики – 42,3%, девочки – 55,6%). Такая конфликтная система требований может влиять на формирование адекватного эталона мужественности и женственности.

III. Особо важной задачей являлось выяснение и анализ взаимоотношения воспитанников с друзьями, знакомыми. Признание обществом сверстников является фактором самоутверждения, особенно важным в подростковом возрасте. Для сирот, испытывающих выраженный дефицит интимно-личностных отношений с окружающими, качественно обостряется эта потребность. На реализацию этой задачи также была направлена группа предложений. Например, любопытно было узнать представления воспитанников о том, как, на их взгляд, ведут себя друзья в их отсутствие. Известно, что то, как человек рассматривает самого себя, является отражением того, что, по его мнению, думают о нем другие, хотя не обязательно, чтобы они действительно так действительно так думали [1]. Исследование продемонстрировало, что самооценка большинства подростков сравнительно высокая (60% суждений позитивной направленности), что является своеобразной компенсацией на неудовлетворенную потребность в признании своей семьей. Ребята в основном предполагают, что друзья в их отсутствие скучают по ним (27%), часто вспоминают (10%), ищут (14%).

IV. Что касается характера межличностных отношений с воспитателями, то, несмотря на то, что большинство подростков оценивают их как позитивно окрашенные, они, тем не менее, указывают на такие моменты их взаимоотношений (непонимание и неуважение со стороны воспитателей (46,5%), грубость (7%), давление (6%) и т.д.), которые позволяют характеризовать межличностные взаимодействия воспитанников и воспитателей со знаком «минус». К тому же велика вероятность влияния фонового фактора на полученные результаты, которые выражаются в том, что поодаль или в соседних комнатах при заполнении детьми анкет, как правило, находились воспитатели. То есть немаловажной оказывается высокая референтность воспитателя, его значимость, во многом обусловленная тем, что в детских домах, уже в силу самого факта их «закрытости», взрослый располагает мощными властными рычагами воздействия на все сферы жизнедеятельности развивающейся личности своих подопечных.

V. В связи с одной из задач исследования, направленной на выявление особенностей осознания, рефлексии по поводу собственной жизни, было выявлено, что на первом месте в модели будущего у воспитанников: об-

ретение семьи (27,2%): прежней (14,5%), новой (9%), собственной (3,7%), а также карьерные устремления (26,4%). Однако у подростков наблюдается низкое осознание внешних и внутренних условий, резервов, способов достижения своих целей. Так, например, оценивая свои «слабые места», чаще всего на первое место (40,8%) ставят свои психологические особенности: эмоциональные неуравновешенность, неуверенность, необщительность, ранимость, отсутствие силы воли и др. – они препятствуют не только эффективному межличностному взаимодействию, но и достижению поставленных целей. К тому же вместо умения самому справиться с трудной ситуацией – тенденция к излишне бурному эмоциональному реагированию (53,4%), потеря смысла жизни (5%), стремление к одиночеству (6%). Эти «защитные реакции» являются компенсацией недоразвитых механизмов саморегуляции. А поэтому в конфликтных ситуациях воспитанники, как правило, неспособны к конструктивным решениям (48%), поскольку, например, встают на путь соперничества по отношению к оппоненту (34,6%), решают проблему с помощью физической силы (4,9%).

То есть воспитанники, осознавая свое настоящее, не соотносят желаемое с действительным. А то, что значимость настоящего, как и прошлого, для подростков очень низка, характеризуют экзистенциальные устремления сирот, связанные, прежде всего, с отрицанием своего нынешнего состояния («покинуть детский дом», «уехать в другой город», «стать большим», «избежать судьбу своих родителей»), убежденностью в том, что, будучи в другом месте и в другом образе – все изменилось бы в лучшую сторону.

Таким образом, тот «багаж», с которым ребенок приходит в детский дом, а затем и условия жизни в самом детском доме – в комплексе предопределяют сценарий, согласно которому сироты большей частью вынуждены действовать. Пока что это сценарий Проигрывающих людей, а конкретно – непродуктивный жизненный сценарий [3].

Литература:

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. 442 с.
2. Голованова Н.Ф. Социализация школьников как явление педагогическое // Педагогика. 1998. № 5. с. 42-45.
3. Джейм М., Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. Трансакционный анализ с гештальтупражнениями. М, 1993. 336 с.
4. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. М., 1998. 512 с.
5. Юферева Т.И. особенности формирования психологического пола у подростков, воспитывающихся в семье и интернате // Лишенные родительского попечительства. М., 1991. с. 92-94.

Гендерное образование в контексте социальной работы

Ю.М. Слёзкина

В эпоху высоких информационных технологий происходит осознание того, что для решения возникающих социальных проблем и повышения адаптационного потенциала личности, которые являются основной целью социальной работы, недостаточно прежних государственно-перераспределительных методов. Важность принципа адресности состоит не только в том, чтобы предоставлять материальную помощь исключительно нуждающимся и малоимущим, но и в профилактике и предоставлении необходимых услуг (социально-психологических, социально-педагогических, профориентационных и др.) категориям населения, на первый взгляд, относительно благополучным.

Поэтому необходимо сказать о важности исследовательской практики, которая позволяет прослеживать динамику социальных процессов и быстро реагировать на изменения, а также о существенной роли образования, которое не просто повышает культурный уровень и расширяет мировоззрение человека, но и значительно повышает его адаптационный потенциал, возможность самореализации и учит самостоятельно справляться с возникающими проблемами, причем требует минимальных материальных затрат.

Это, на мой взгляд, можно отнести и к гендерному образованию, под которым я буду подразумевать преподавание в вузах и за их пределами курсов и проведение исследований по гендерной проблематике.

Можно выделить следующие *черты* гендерного образования в России:

1. Более позднее возникновение по сравнению со странами Западной Европы и США.

2. Гендерные образовательные и исследовательские программы сосредоточены в двух направлениях: в рамках вузов и независимого общественного (в основном, женского) движения. Иногда эти направления пересекаются, что увеличивает исследовательские возможности и масштабы преподавания.

3. Акцент на женском и феминистском направлениях и их высокая идеологизированность.

4. Основные темы образовательных и исследовательских программ:
- гендерное неравенство;
- гендерный анализ;
- женщины и политика (женщины в политике);
- насилие по отношению к женщинам;
- репродуктивные права и др.

В последнее время большое внимание уделяется психологическому аспекту гендерной проблематики, затрагиваются вопросы психологической помощи женщинам в кризисных ситуациях (смерть, суицид, посттравматический стресс, сексуальное и внутрисемейное насилие).

Но необходимо отметить, что гендерные образовательные и исследовательские программы в основном носят однобокий характер, сфокусированы на женской (феминистской) проблематике, т.е. ориентированы на женщин. В городах России появляются правозащитные и кризисные центры для женщин. Небольшое внимание отдается мужским проблемам и вопросам маскулинности, хотя они являются не менее важными. Поэтому в своей работе я остановлюсь на данном аспекте.

Мужчина долгое время ассоциировался в массовом сознании с сильным, волевым человеком, у которого и не может быть проблем. Если мужчина и упоминался в исследовательских и образовательных гендерных программах, то рассматривался как субъект, дискриминирующий женщину, причиняющий насилие по отношению к ней и др., что оборачивается не только дискриминацией мужчин, но и женщин, которые предстают несчастными, избиваемыми и угнетаемыми мужчинами. Таким образом, данный стереотип только воспроизводится.

Лишь в последнее время исследователи в области гендерной проблематики обратили внимание на мужской пол, а вернее мужской гендер. Начали возникать образовательные и исследовательские проекты, в которых мужчина со своими проблемами и возможностями предстает на первом плане.

Как известно, продолжительность жизни мужчин катастрофически низкая. В данное время ухудшается положение мужчин на рынке труда, поскольку женщины в условиях информационного общества оказались более конкурентоспособными. Около 2/3 из числа незанятого населения – мужчины [4. 9]. Психологами и социологами давно доказано, что мужчина переживает потерю работы куда болезненнее, чем женщина. Чтобы погасить стресс, в ход идут алкоголь, наркотики и беспорядочные половые связи. Также большой проблемой является экзистенциальный кризис мужчин, то есть кризис самореализации. К тому же, оказывается, 80% инфарктников – мужчины, и самоубийства они совершают в 12 раз чаще, чем женщины [1].

Поэтому, говоря о гендерном образовании в контексте социальной работы, необходимо отметить его важность в осознании общественной и личной позиции не только женщин, но и мужчин.

Что еще более немаловажно, образовательные и исследовательские проекты обычно носят характер практической реализации. Так, например, целью Алтайского кризисного центра для мужчин (директор Костенко Максим Александрович, Барнаул), к сожалению, уникального в

своем роде, является профилактика и реабилитация физического, психического и социального здоровья мужчин региона.

С 1995 года сотрудники Центра (причем, как мужчины, так и женщины) оказывают услуги консультирования для мужчин, участвовавших в действиях в Чечне и Чернобыле, для отцов-одиночек, для мужчин-насильников и подвергшихся насилию, по вопросам развода и др.

С 1997 года были разработаны программы для отцов-одиночек «Воспитание сына» и «Подготовка юношей к семейной жизни», ряд учебных курсов для социологического факультета и колледжа социальных наук Алтайского госуниверситета по проблемам социальной терапии, психологии и социальной работы. На базе кризисного центра были открыты опорные экспериментальные площадки всероссийского центра «Педагогика социальной работы» и факультета социологии АГУ, в ноябре в центре начали применять на практике музыкотерапию, арттерапию и релаксационную терапию.

Таким образом, в связи со слабой развитостью данной проблематики можно предложить в рамках образовательного направления создавать программы, обращенные как на общие вопросы (например, «Маскулинология», «Социально-психологические проблемы мужчин», «Социальная работа с мужчинами и женщинами» и др.), так и специфические («Мужская геронтология», «Занятость мужчин и женщин», «Профориентация юношей и девушек», «Мужчина и война» и др.).

Говоря об исследовательской деятельности, к сожалению, необходимо признать, что по данным вопросам имеется лишь небольшой исследовательский материал, здесь больше перспектив развития, чем полученных результатов. Поэтому данное направление является актуальным, но нужно учитывать прошлый опыт, избегая одностороннего рассмотрения проблемы, как это произошло с женскими исследованиями, принимая во внимание принцип комплексности и системности.

Роль социального работника, на мой взгляд, в этом контексте состоит в том, что он может, как участвовать в образовательной и исследовательской деятельности, так и применять полученные результаты в своей практике, оказывая реальную помощь и проводя консультирование при возникновении следующих проблемных ситуаций:

- сексуальное и внутрисемейное насилие;
- дезадаптация на рынке труда при переходе к рыночной экономике;
- социальная защита отцовства, материнства и детства;
- планирование семьи;
- реабилитация участников локальных войн и стихийных бедствий;
- социально-психологическая и профессионально-трудовая реабилитация инвалидов и пожилых людей.

По инициативе социального работника могут быть организованы кризисные центры, как для женщин, так и для мужчин.

Таким образом, гендерное образование помогает увидеть проблемы и перейти к стадии их профилактики и смягчения, развивая личность, помогая преодолевать трудности самостоятельно и предупреждая возникновение новых, делая этим существенный вклад в повышение адаптационного потенциала личности и гармонизацию общества, которые и являются основной целью социальной работы.

Литература:

1. Газеты пишут о...– http:// www.demoscope.ru
2. Кризисный центр для мужчин – http:// arw.asu.ru
3. Психосоциальная работа с участниками локальных боевых действий – http:// arw.dcn-asu.ru
4. Россия в цифрах: Статистический справочник. М., 2000. 51 с.
5. Gender Studies & Women's Studies Directory. Budapest: Open Society Institute. June, 1999. P. 91-108.

Образ ребенка глазами учителей начальных классов

М.В. Федянина

Одной из составляющих социокультурной модели детства являются представления о детях, границах детства. Эти представления играют двоякую роль. С одной стороны, они регулируют взаимоотношения детей и взрослых, задавая их рамки, определяя общие смыслы, то есть способствуют коммуникации. С другой стороны, в какой-то мере проектируют, предопределяют поведение человека. Например, ребенку не разрешают сделать что-то, что уже соответствует его возможностям только потому, что считают его маленьким. Или, наоборот, стимулируют развитие каких-нибудь качеств, ожидая их от ребенка. Поэтому возникает необходимость исследовать представления учителей о современном ребенке.

Важными представлениями являются образы, очерчивающие границы детства, т.е. критерии отличия детей от взрослых, образ самого ребенка, роль «ребенок» и место свободы выбора среди качеств, ожидаемых от ребенка.

Для выявления представлений, связанных с детством, было проведено исследование, цель которого – выявить представления учителей о детстве вообще и в частности о свободе выбора ребенка. В ходе исследования было опрошено 14 учителей, работающих с детьми младшего школьного возраста из обычных, традиционных школ (№ 1 и № 50) и 15 преподавателей из инновационных школ («Наша» школа и «Эврика-

развитие»). В связи с тем, что выборка была маленькой, полученные выводы носят вероятностный характер и их нельзя экстраполировать на все школы г. Томска.

Учителям было предложено написать сочинение на тему «Современный ребенок – это…» по заданному плану.

Одно из главных представлений о детстве – критерии отличия детей от взрослых. Сравнительный анализ сочинений показал, что основные критерии для учителей разных школ общие. Это физические, психические особенности детей, наличие особого внутреннего мира ребёнка, поведенческие характеристики. Содержание этих критериев несколько различно. Учителя инновационных школ упоминают особый внутренний мир ребенка 16 раз, подробно расписывают его характеристики, а учителя обычных школ говорят лишь об особом мировоззрении ребенка (3 упоминания). Такая разница может объясняться тем, что в традиционных школах внеурочная работа с детьми, позволяющая лучше узнать ребенка, сведена к минимуму, главное место занимает учебный процесс. Другое важное отличие представлений учителей различных школ проявилось в том, что в инновационных школах большее значение предается мотивации к познавательной деятельности. Дети «любознательны», «пытливы», «наблюдательны», «любят поиск», а взрослые «считают, что познали этот мир и всматриваться, наблюдать уже ни к чему». Также учителя инновационных школ отметили, что мир взрослых ограничивает свободу выбора ребенка – «попадая в мир взрослых они (дети) вынуждены играть по правилам взрослых».

Образ ребенка складывается не только из представлений «каким он должен быть». Основные качества, приписываемые ребенку, условно можно разделить на три группы: личностные, связанные с учебной деятельностью и качества, необходимые при взаимодействии ребенка с окружающими.

Ребенок, по мнению учителей традиционных школ, должен быть добрым, милосердным, отзывчивым, внимательным, то есть обладать качествами, направленными на гуманное, уважительное отношение к людям. В инновационных школах ценятся смелость, решительность, целеустремленность, качества, способствующие самореализации.

В учебной деятельности в традиционных школах приветствуются внимание, умение слушать, а в инновационных – мотивация к познанию (любознательность, активность, пытливость и т.д.). В первом случае качества способствуют пассивному восприятию, во втором – активному познанию.

Значительное место в группе необходимых качеств занимают качества, связанные с умением взаимодействовать в окружающей среде, с

людьми любого возраста. В традиционных школах от ребенка ожидается «умение сочувствовать», «быть благодарным», «выслушивать взрослых», важным и необходимым считается чувство товарищества. В инновационных школах почти в три раза чаще говориться о необходимости умения взаимодействовать с окружающими, но лишь часть учителей описывают, какими должны быть эти отношения. Ребенок, по их мнению, должен «уметь слышать и слушать окружающих», «чувствовать себя и других, чувствовать ситуацию», «быть открытым миру». Учителя инновационных школ практически все считают необходимым умение общаться, описывают условия успешного взаимодействия, но содержание, этические основы этих отношений остаются в тени.

Свобода выбора является неотъемлемым условием самореализации человека. Одной из задач исследования было выявить представление учителей о свободе выбора ребенка, определить, поощряется ли взрослыми умение свободно выбирать.

Свобода выбора определяется через три составляющие: желание выбирать, т.е. стремление изменять ситуацию; умение принимать решения (из множества альтернатив выбрать одну) и способность отвечать за свои поступки.

Желанию выбирать соответствуют такие качества, как: самостоятельность, активность, целеустремленность и реализуется через некомформное поведение. Среди качеств, необходимых ребёнку в повседневной жизни самостоятельность встретилась по три раза в сочинениях учителей традиционных и инновационных школ, умение постоять за себя также по три раза. Умение отстаивать свою точку зрения поощряют только учителя инновационных школ (три упоминания). Также в инновационных школах приветствуются самоорганизация, инициативность (по одному упоминанию). В традиционной школе встретилось мнение, что ребенку необходимо «послушание для приспособления в жизни общества», то есть от ребенка не ожидается, что он будет что-то конструировать, выбирать, ребенку необходимо будет приспособиться к жизни. От ребенка в инновационной школе примерно в два раза чаще ожидается положительная мотивация к самостоятельному выбору.

Следующая составляющая свободы выбора – умение из множества альтернатив путем перебора и оценивания выбрать одну. Осуществить выбор альтернативы нельзя, не имея достаточной информации о ее преимуществах и недостатках. Поэтому необходимым условием умения выбирать является наличие знаний и стремление к познанию. Необходимость мотивации к познанию оценивается учителями различных школ практически в равной мере. Учителя традиционных

школ пишут, что детям необходимы познавательная активность, любознательность, наблюдательность, зачатки творческого мышления, гибкость ума. В сочинениях учителей инновационных школ спектр таких качеств шире, хотя суммарно их столько же, сколько и в сочинениях учителей традиционных школ. Они пишут не только об абстрактной любознательности детей, но и о конкретных формах ее проявления. Дети «не боятся пробовать», «любят поиск», «пытливы», «всегда спрашивают, что есть что» и т.д. Также учителя отмечают, что детям необходимы «способность делать выбор», «умение изменять ситуацию». В целом познавательная активность, как условие свободы выбора, поощряется примерно в равной степени как в традиционной, так в инновационных школах, но в инновационных школах она имеет более разнообразные, конкретные формы.

Поощрение качеств, позволяющих осуществлять выбор еще не означает, что детям позволено будет это сделать. Поэтому важно оценить, ожидают ли учителя от детей самостоятельность поведения, в сочинениях им было предложено ответить на вопрос «Могут ли дети осознанно регулировать свое поведение?». Утвердительно на этот вопрос ответили пять учителей из традиционных школ и десять из инновационных. Ответ «частично» могут регулировать свое поведение (не все или не всегда, не до конца и т.п.) встретился шесть и четыре раза соответственно. На необходимость этого умения указали двое учителей из традиционных школ и один из инновационных. Мнение, что дети не могут осознанно регулировать свое поведение, выразил один человек из традиционной школы, ответ не был пояснен.

В ответах на этот вопрос явно прослеживается тенденция большего доверия детям в инновационных школах. Почти в два раза чаще от них ожидается самостоятельное принятие решения (осознанное регулированное поведение).

Последнее составляющее свободы выбора – ответственность за изменение ситуации. Учителям был задан вопрос «Способен ли ребенок отвечать за свои поступки?». Утвердительно на него ответили трое учителей из традиционных школ и семь из инновационных, частичную способность признали три и семь человек соответственно. О необходимости этого качества заявили шесть учителей из традиционных школ. Мнение учителей из традиционных и инновационных школ по вопросу о способности ребенка отвечать за свои поступки различно, но это различие не так четко проявляется по сравнению с другими вопросами.

Сравнительный анализ сочинений учителей позволил выявить следующее:

1. Образ ребенка в традиционных и инновационных школах несколько различен. В традиционных школах больший вес придается морально-эстетическим качествам, в инновационных – навыкам коммуникации.

2. Среди качеств, приписываемых ребенку, не обнаружилось таких, как подчинение, соглашательство, то есть таких, которые могли бы препятствовать свободе выбора.

3. Свобода выбора как условие самореализации поощряется в разных школах в различной степени.

- Желающие выбирать в инновационных школах поощряются примерно в два раза чаще, чем в традиционных.
- Умение принимать решение посредством оценивания возможных альтернатив на основе полученной о них информации приветствуется в равной степени. Но в инновационных школах предлагаемые формы познания более разнообразны и предполагают активную позицию ребёнка.
- Осознанная регуляция поведения в инновационных школах ожидается в два раза чаще, чем в традиционных.
- Способность отвечать за свои поступки ожидается не всеми учителями и не от всех детей. Уровень ожиданий ответственности в традиционной и инновационной школах одинаков.

В целом учителя предполагают возможность свободы выбора ребёнка, поощряются качества, способствующие умению выбирать. Но в инновационных школах ожидания возможности осуществления свободы выбора ребенка выше. Это связанно с тем, что в инновационных школах применяется индивидуальный подход, а традиционная школа является массовой.

АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Онтология творческого мышления и проблема инженерного творчества

О.А. Автоманова, Н.С. Баринова, Н.А. Рольгейзер
Филиал Томского политехнического университета (г. Юрга)

Мышление современного человека, достигшее удивительного совершенства в приемах активного отражения действительности, представляет из себя чрезвычайно сложный продукт многовекового развития познавательной деятельности бесчисленных поколений людей. Благодаря кропотливым и упорным усилиям в борьбе с природой каждое поколение неустанно вносило свою посильную лепту в грандиозное здание культуры человеческой мысли.

Творческое мышление направлено на получение новых результатов в практике, науке, технике. Мышление – это активный процесс, направленный на постановку проблем и их решение. В процессе мышления человек в поток своих мыслей вовлекает нити из полотна имеющегося запаса знаний накопленных жизненным опытом. Зачастую самые невероятные сопоставления, аналогии и ассоциации могут привести к решению важной практической или теоретической задачи.

Первоначально творчество понималось только как неотъемлемое свойство Бога, как создание из ничего (creatio ex nihilio). С этим связаны представления о непознаваемости творчества, что довольно откровенно выразил Н. Бердяев: «Непостижимо, что есть творчество».

Нам представляется, что правильнее увидеть в представлениях об «абсолютности» (божественности) творчества гиперболизированное стремление, иногда наперекор обстоятельствам, творческой личности к оригинальности и совершенству исполнения замысла и достижению максимально возможных результатов при минимуме средств.

Христос в притчах, говорит о творчестве человека, об его творческом призвании, осуждает зарывание даров в землю. Таким образом, отсутствие творчества осуждается Христом.

Творчество всегда есть прирост, прибавление. Еще в Евангелии говорится о плоде, который должно принести семя, когда оно падает на добрую почву, о талантах, данных человеку, которые должны быть возвращены с приростом.

В подлинном творчестве всегда есть катарсис, очищение, освобождение духа от душевно телесной стихии или одоление душевно-телесной стихии духом.

Творчество принципиально отличается от эманации и рождения. В эманации происходит излучение материи и отделение материи. Творчество также не есть перераспределение материи и энергии, как в эволюции. Эволюция не есть творчество. В эволюции ничто новое не создается, а лишь перемещается старое. Эволюция есть необходимость, творчество есть свобода

Тайна творчества и есть тайна свободы. Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо только лишь из бездонной свободы возможно создание нового, небывшего. Творчество есть порыв из ничего, из небытия, из свободы в бытие и мир.

Вместе с тем, творчество имеет сложный состав. Оно предполагает не только свободу, изначальную, несотворенную, но и дары, данные человеку-творцу. Гениальность при этом должна пониматься не так, как традиционно она понимается в быту, то есть человеческая способность имеет огромный дар писать художественные произведения или делать открытия и изобретения. Гениальность должна быть отнесена к внутреннему творчеству, а не к внешней реализации творчества в продуктах. Гениальность есть качество человеческой личности. Она свидетельствует о том, что в человеке творческий процесс первороден, а не определен социальной наследственностью.

Творчество носит напряженно-личностный характер, и вместе с тем, оно есть забвение личности и предполагает жертву.

Творчество всегда есть самоопределение, выход из пределов своего замкнутого личного бытия.

Учение Платона об абсолютных идеях создает предпосылки для понимания души человека как безличного выразителя абсолютных начал. Если это так, то задача человека заключается в реализации уже имеющегося у Абсолюта плана. Творчество человека как самостоятельная деятельность предполагает нарушение этого плана, а, значит, несет негативные тенденции, повреждает Бытие. Так ли это?

Нам представляется, что свобода открытых возможностей как альтернатива консервативному, стабильным идеям и сущностям возможна и должна быть направлена человеком на познание абсолютной идеи и следование ей. Таким образом, философия Платона акцентирует внимание в деятельности, творчестве человека на высшие, позволим себе так выразиться, материи.

Как уже не раз отмечалось исследователями, интеллектуализм этического учения Платона заключается в игнорировании живого конкретного человека, с его неутомимой, постоянной потребностью в деятельности, создании нового, а значит в творчестве. Живому человеку ближе гедонизм как существенный элемент философии антропологического толка. Так, к примеру, человеческое счастье в учении Эпикура связано с удов-

летворением, прежде всего, потребности в любви, дружбе, еде, творчестве. Естественно, что гедонистический подход приземляет онтологическую значимость творческих решений человека

Таким образом, человеческое творчество есть объект прямо противоположных онтологических подходов. Нам представляется, что решение данной проблемы видится в словах Архимандрита Рафаила (Карелина).

Архимандрит, отмечая что «шестой день творения и седьмой день покоя являются историческим ядром мироздания», тем не менее не отрицает, что создав на шестой день человека Бог продолжает через него («через деятельность человека») миросозидание и «должен окончить вселенским преображением и раскрытием всех символов и подобий в новом небе и на новой земле».

Что значит «новое небо» и «новая земля»? Об этом можно только размышлять. Вероятно, на этот вопрос должно ответить научное человеческое познание. Но несомненно то, что в их создании предстоит участвовать человеку. Его задача лишь в том, чтобы почувствовать, познать абсолютный замысел, найти способы его выполнения. Конечно же, это творчество – деятельность, направленная на создание нового, доселе никем не созданного! И конечно же, если эта деятельность соответствует абсолютному замыслу, она не может быть неблагодатной, приземленной!

Наивысшим уровнем инженерного творчества является выявление и формулирование законов и закономерностей строения и развития техники и сознательном их использовании при поиске наиболее эффективных и рациональных конструкторско-технологических решений. Сегодня имеются теоретические и методические разработки по законам и закономерностям техники, которые представляют большой интерес для практического использования в инженерном творчестве (к примеру, закон прогрессивной эволюции техники, закон соответствия между функцией и структурой и пр.).

Освоение отдельных методов инженерного творчества – это первая необходимая ступень обучения и подготовки творческой личности. Однако, для дальнейшего повышения творческого потенциала и продуктивности, необходимо переходить ко второй ступени – освоению и использованию отдельных систем методов (к примеру, алгоритм решения изобретательских задач Альтшуллера, систему методов Б.С. Воинова, обобщенный эвристический метод и т. д.).

Следующая, более эффективная ступень овладения методами и средствами инженерного творчества – создание и использование систем информатики в виде автоматизированных банков инженерных заданий (АБИЗ), предназначенных для решения инженерных задач инженерного творчества с использованием вычислительной техники.

Нам представляется, что творческое мышление способно придать полет творчеству, преодолеть «заземленность»деятельности, в том числе и инженера; обеспечит благодатные ощущения, и значит поможет творить бытие в соответствии с благодатными законами Бытия.

Теория хаоса и ее значение для натурфилософии

Ф. Бирдигулов
Механико-математический факультет
Томского государственного университета

В хаосе есть порядок: в основе случайности лежи некая геометрическая структура. Хаос налагает принципиальные ограничения на возможность прогнозирования, но в то же время предполагает причинные связи там, где их никто не подозревал.

Под воздействием открытий Ньютона математик Лаплас сформулировал философскую концепцию детерминизма и даже распространил свои тезисы на социальные явления, которые привели к выводу о полной предопределенности поведения людей, к утверждению того, что свободной воли не существует.

Но наука XX века покончила с лапласовым детерминизмом. Случайное поведение проявляют даже системы, не отличающиеся ни особой сложностью, ни неопределенностью. Это осознал математик Анри Пуанкаре, отметив, что непредсказуемые, возникающие «по воле случая», явления присущи скорее таким системам, где небольшие изменения в настоящем приводят к заметным изменениям в будущем. В последние несколько лет для многих систем удалось найти приближенный хаотический аттрактор.

Хаос часто рассматривают в свете налагаемых на него существенных ограничений таких, как отсутствие предсказуемости. Однако природа может пользоваться хаосом конструктивно. Через усилие малых флуктуаций она, возможно, открывает системам природы доступ к новизне. Биологическая эволюция требует генетической изменчивости, а хаос порождает случайные изменения структуры, открывая тем самым возможность поставить изменчивость под контроль эволюции.

Даже интеллектуальный процесс зависит от появления новых идей и нахождения новых способов увязывания старых идей. Врожденные творческие способности, быть может, скрывают за собой хаотический процесс, который селективно усиливает малые флуктуации и превращает их в макроскопически связанные состояния ума, которые мы ощущаем как мысль. Иногда это могут быть какие-то решения или то, что мы осознаем как проявление воли. С этой точки зрения теория хаоса представляет со-

бой математический анализ проявления свободной воли в мире, которая находится в основании детерминистских законов.

Литература:

1. Ричард М. Кроновер. Фракталы и хаос.
2. Арнольд В.И. Обыкновенные дифференциальные уравнения.
3. Фармер Д. Хаос.

Стереотип в научном познании

Н.Г. Булахов
Радиофизический факультет
Томского государственного университета

В настоящее время в обществе сохраняется устойчивое мнение об абсолютности научных знаний, многие люди искренне верят, что наука экспериментальным и индуктивным путём получает на 100% достоверные, не подлежащие сомнению результаты и практические достижения используются, как неоспоримые доказательства. Однако это не более чем стереотип. Люди, непосредственно вовлечённые в исследования и занятые разработкой новых концепций, знают, что на самом деле наука имеет дело только с различного рода моделями, которые в той или иной степени отражают наблюдаемые явления. При этом одно и тоже явление в разных областях наук при решении различных задач может описываться в корне различающимися моделями, не имеющими на первый взгляд ничего общего. Таким образом, сложилось противоречие между общественным представлением науки и её собственным. Так чем же следует представлять науку?

Построение моделей вызвано не только ограниченностью воспринимаемых человеком чувств. Моделирование позволяет выбирать оптимальный способ решения поставленных задач при заданной степени точности. Познание же абсолютной истины является философской проблемой. Согласно Канту человек не способен понять вещь в себе, если это даже простейший объект окружающего мира.

Таким образом, у науки есть две задачи. Первая заключается в исследовании новых объектов и создании описывающих их моделей, а вторая заключается в коррекции или пересмотре моделей уже исследованных объектов. Решение этих задач сталкивается с проблемами, главным образом обусловленными укоренением стереотипа абсолютности научных знаний. На практике приобретение новых знаний и построение новых моделей влечёт за собой, или является следствием пересмотра моделей, которые давно считаются полностью исследованными и потерявшими в связи с этим научную актуальность. Здесь стереотипы становятся колос-

сальной тормозящей силой, сдерживая как научное открытие, так и его дальнейшее развитие.

В силу того, что любой человек тесно связан с обществом и каждый день сталкивается с его влиянием, установки, полученные ранее, становятся «шорами», затрудняющими обозревать картину в целом. Например, современное представление об атоме в физике содержит колоссальное количество оговорок, связанных с планетарной моделью его представления. Если электрон не вращается вокруг ядра, то он обязательно притянется к нему, и атом перестанет существовать, если же он вращается вокруг ядра, то, как всякая движущаяся заряженная частица он излучает электромагнитные волны, теряет энергию, замедляет скорость и должен упасть на ядро. Получается, что окружающий нас мир не может существовать в любом случае. Аналогично дело обстоит и со светом, размерами пространства, происхождение человека и т.д. И таких областей, где наука вошла в очевидные противоречия и не может их преодолеть, достаточно.

Это является острой проблемой науки, требующей решения, однако эти же стереотипы являются положительным фактором, так как далеко не все способны переосмыслить функцию современной науки, уже не заключающуюся в отыскании абсолютного знания. Получается, что стереотипы являются своего рода фундаментом, держащим научный авторитет, а также поддерживающим интерес к науке.

В этом заключается диалектическое противоречие, наука превращается в распространителя заблуждений, ретранслируя сведения, которые содержат в себе множество противоречий всё новым и новым поколениям людей, хотя наука стремится к познанию окружающего мира, и в тоже время пресекает познание, диктуя заранее подготовленные факты как должное, не сомневаясь в их непогрешимости.

На вопрос, чем следует представлять науку в данный момент нельзя дать однозначного ответа, однако следует заметить, что решение этой проблемы не может заключаться в простой ликвидации её авторитета, как исследователя окружающего мира. Это может привести к возникновению дискомфорта, ложного ощущения бессмысленности познания, несмотря на практически значимые результаты. Стереотип здесь является средством обратной связи. На мой взгляд, стоит просто сделать акцент на построение именно моделей в современной науке.

Проблема творчества в философии

А.В. Емельянова, Е.О. Зезюлина
Филиал Томского политехнического университета (г. Юрга)

Творчество можно рассматривать в различных аспектах. К примеру, психология творчества исследует процесс, психологический механизм протекания акта творчества, как субъективного акта индивида.

Философское рассмотрение творчества предполагает ответ на вопрос как вообще возможно творчество как порождение нового, каков онтологический смысл акта творчества.

Когда мы говорим о творчестве, прежде всего, имеем в виду великих людей: писателей, художников, ученых. Однако каждый человек занимается в своей жизни творчеством, когда он пытается не просто механически выполнить свою работу, но и внести в нее что-то от себя, хоть в чем-то ее усовершенствовать.

Наиболее распространенным является такое понимание творчества как труда, как деятельности человека, преобразующей природный и социальный мир в соответствии с целями и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности.

Отметим, что творчество в труде не всегда было изначально сущностной характеристикой труда. Слишком часто и даже почти для всех в истории труд был преимущественно средством для поддержания элементарного существования, а не проявлением творческих способностей человека.

И все же труд может быть не только и не столько средством к жизни, сколько ее сущностью, процессом, в котором человек полностью и всесторонне развивает свои склонности и задатки. При этом стимулом к труду должно быть не внешнее принуждение, в том числе и стремление к заработку, и, прежде всего, глубокая внутренняя потребность в творчестве.

Конечно, для какого-то отрезка исторического становления цивилизации характерно отношение к труду как к проклятью, к участию в трудовой деятельности как к чему-то отвратительному (в первую очередь, это касалось физического труда), от труда бежали как от чумы.

При разумной организации общества он может и должен стать первой потребностью личности, источником полноценной жизни и счастья. Если труд является свободным проявление жизни, то человек наслаждается им, и творчество становится активным фактором труда и жизни человека.

Вместе с тем, можно сколько угодно перебирать знания, приобретенные в процессе обучения, вычитанные из книг, но при этом ничего нового не создать. Нужно самому измениться. Нужно стать способным к творчеству.

Кроме того, должно измениться и само общество. Будущим мерилом произведенного богатства должна стать степень творчества, степень развития и применения человеческих способностей, знаний, науки. Формы собственности, с этой точки зрения, есть лишь средство. Самоцелью общества становится человек, разностороннее развитие его способностей, свободный труд и творчество, то есть самоутверждение человеческой личности, счастье человека.

Вместе с тем, тайна творчества раскрывается и библейско-христианским миром. Творчества в мире только и потому возможно, что мир сотворен, что есть Творец и по его образцу и подобию есть также тот, кто призван к творчеству.

Творчество, с этой точки зрения, имеет сложный состав и предполагает три элемента: элемент свободы, элемент дара и элемент сотворенного уже мира, в котором совершается творческий акт и в котором он берет себе материалы. Человек не сам виновник своего дара и своего гения. Он получил его от Бога, потому чувствует себя в руке Божьей, орудием Божьего дела в мире.

Как отмечал Н.А. Бердяев, в творчестве есть две разные стороны, два разных акта, в зависимости от того, на какой стороне творчества мы сосредотачиваемся.

Есть первоначальный творческий акт, в котором человек как бы стоит перед лицом Божьим, и есть вторичный творческий акт, в котором он как бы стоит перед лицом людей и мира. Есть первичная творческая интуиция, творческий замысел, когда ему звучит, еще не выраженное открытие. В этом творческом акте человек стоит перед Богом и не занят еще реализацией замысла в мире и для людей.

Есть творчество-деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее. В этом случае человеческое творчество выступает в христианском мире, прежде всего, как творение истории, той сферы, в которой конечные человеческие существа принимают участие в осуществлении замысла Божьего о мире.

Следует отметить, что античная философия не отводит творчеству главенствующего значения. Истинное знание, то есть созерцание вечного и неизменного бытия, выдвигается ею на первое место. Всякая деятельность, в том числе и творческая, по своему онтологическому значению ниже созерцания. Созидание ниже познания, ибо созидает человек конечное, преходящее, а созерцает бесконечное, вечное.

Божественное творчество, плодом которого является мироздание, есть момент божественного созерцания. Аналогично этому и человеческое творчество есть только момент в достижении высшего, доступного человеку «умного» созерцания.

Это «ограничение» человеческого творчества снимется в эпоху Возрождения, когда человек постепенно освободится от бога и начнет рассматривать себя как самодостаточного в онтологическом плане творца.

Этот подход станет основополагающим в философии Нового и Новейшего времени.

Однако «высшее» не может быть «всем», иначе пропадает соизмеримость, т.е. пропадает сама «высота» творчества. Не всякий способен творить и создавать естество. Бесспособное, безблагодатное «творчество» родит чудовищ. Действительно, если первейшим атрибутом верховного бога и есть способность творить, то Зевс без совокупления, т.е. без зооморфной аналогии, создает (рождает) из своей головы Афину (понятую как мудрость). По одной из версии – без совокупления подобно Зевсу, и подражая ему,– попыталась родить и Гея, в результате появился Тифон (чудовище). Бесспособное, безблагодатное «творчество» родит чудовищ.

Равно человек, не удовлетворившись своей приближенностью к Богу (Богочеловечеством) пожелал заместить собою бога, а в сущности – узурпировать его право Творца. И здесь разыгрывается та же драма, которую мы можем отслеживать на примере греческой мифологии: возомнив себя обладателем божественной способности, став человекобогом, человек самоуверенно провозгласил себя Творцом.

Ужас содеянного, его последствия уже зримо прочерчиваются в его «творениях» становится все более очевидно, что человек, как и Иксион, стал обладателем в отнюдь не самой способности творить (Герой), а только ее призраком (Нефелой).

Это достигнуто, говоря словами Хайдеггера, «уверенным в себе самозаконодательством». Отсюда, если можно так выразиться, нефелизм современной цивилизации. Начиная с эпохи итальянского Возрождения, он становится ее доминирующей чертой, определяющим качество.

И в первом, и во втором случае Иксион и человек вместо могущества и самодовольно ожидаемого наслаждения обретают ничтожество. В первом случае рождается чудовище – Кентавр, во втором – самозаконодательная цивилизация.

Недосказанность остается лишь в последнем пункте. Иксион кончает своё отчаянное мероприятие в Тартаре, привязанным к вечно вращающемуся огненному колесу. Человек ещё только подошёл к бездне ада. Но вихри «огненного колеса» всё чаще обжигают его естество. Он пока ещё не сброшен в Тартар. Пока что самым тяжким мучением для него является событие рядом и вместе с порожденными им же Кентаврами.

Запрятавшийся от «самозаконодательства» человека тайный свет бытия, возможно, и воссияет заново. Для этого необходимо если не вернуть бытию его первоначальные качества, то уж, по крайней мере, сохранить его закрытость нетронутой.

Отпавший человек, соблазнившийся своим самотворчеством и законодательством (как в случае с греческими антигероями, так и в ситуации со всей европейской, гуманистической цивилизацией), способен создавать ложное, недействительное (призрачное) и неразумное бытие.

Итак, основной вывод, заключается в следующем. Человек возжелал и научился творить ложное бытие, которое есть несомненное зло из-за безблагодатного творчества. Как сделать творчество благодатным? Возможно ли это? Но это уже тема для отдельного разговора.

Метафизика Тлёна. В поисках утерянной мечты

В. Еске

Факультет информатики

Томского государственного университета

Проблема поиска смысла жизни человеком, пожалуй, одна из важнейших проблем Философии. Многие великие ученые и поэты предлагали и предлагают по сей день свой вариант решения этой проблемы, этой несбыточной мечты, универсальной цели, на которую устремлены взоры человечества.

Исключением не стал и великий аргентинский писатель Х.Л. Борхес, но он выбирает особый метод, понимание через поиск, он всего лишь предлагает всякому, кто читает его произведение «Тлён, Укбар, Орбис Терциус», подумать, где эта точка под названием смысл лежит на мишени жизни.

Начнем с некоторого введения, которое бы помогло не очень осведомленному читателю вникнуть в суть дела. Тлён – монументальный литературный труд народов, населявших империю Укбар, существовавшую в средние века где-то в районе средней Азии. Собственно о Тлёне и ведет рассказ Борхес. Этот труд действительно грандиозен, в нем описывается целая планета с ее жителями, законами природы и, что немаловажно, со своим человеческим обществом, о котором в дальнейшем и пойдет речь.

Язык этих народов был началом всех начал, как пишет автор: «Их язык и производные от него – религия, литература и метафизика».

Метафизика – всего лишь производная языка, а язык, в свою очередь, базовое понятие общества. Простое и, пусть огромное, но понятное любому, кто впитал его с молоком матери. Как мудро и прелестно сказано, как казалось бы легко распутан «гордиев узел», искусно сплетенный Хайдеггером в его «Основных понятиях метафизики». Но мир был бы слишком страшен, если бы Борхес свой филигранный ум использовал как

топор. Тут же он развеивает миф о простоте понятия метафизики, даже в понимании планеты Тлён.

«Мир для них – не собрание предметов в пространстве, но пестрый ряд отдельных поступков. Для него характерна временная, а не пространственная последовательность». Языки же Тлёна не имеют существительных, лишь безличные глаголы на Юге и простые прилагательные на Севере. В этих языках нет двух одинаково выраженных понятий. Разговор, описание предмета или явления, это не цель, а средство жизни, процесс, в котором сплетаются ароматы звуков и запахи цветов. Целью не является описание действительности как таковой, скорее создания бесконечного полотна мыслей и слов. Вся легкость клинка, рубящего узел, тает с каждым прочитанным словом. Иногда кажется, что Борхес запутывает его еще больше, определяя метафизику как подмножество языка, который задается не простыми и конечными правилами порождения, а множеством стрел, выпущенных в бесконечность. И как же близки они к ускользающей метафизике Хайдеггера и бесконечному стремлению Новалиса чувствовать себя как дома. Метафизика Борхеса, нечаянно определенная в начале как яблочко на мишени, становиться стрелой, уходящей в бесконечность сознания.

Счастлив тот, кто жизнь проводит в поисках потерянной мечты. Порой мы, рассматривая какое-либо произведение, специально или случайно произносим весьма любопытную фразу: «Автор хотел сказать», но разве автор не сказал то, что хотел, когда его перо скользило по бумаге. Однако великий творец оставляет в своем творении загадку, загадку для того, кто готов мыслить, готов искать свою потерянную мечту между строк. Борхес с удовольствием дарит нам радость открытий и непониманий.

«Метафизики Тлёна не стремятся к истине, ни даже правдоподобию – они ищут поражающего». Этой замысловатой фразой автор всего лишь пытается определить всю разнородность метафизики Тлёна – мира, ставящего все с ног на голову, запутывающего простые понятия и разъясняющего сложные. Он как будто заставляет нас самих вспомнить наши попытки придумать себе все новые цели, искать, а затем, разочаровавшись или достигнув, снова броситься в бой, осознав всю бессмысленность того, что так упорно искали и добивались. В конце концов, сам поиск становиться той движущей силой, одновременно стрелой и мишенью. Так и в Тлёне, один архиерей, заявивший о сущности только материи, был поднят на смех лишь за то, что осмелился утверждать о конечности бытия. Тогда как оно есть процесс, действие, исполняемое каждый день, быть может, это и есть наша потерянная мечта – осознавать, что мы не находим, а ищем! Наслаждаться каждой минутой разумного созерцания и несознательного восприятия мира, каждой возможности проверить этот

мир на прочность. Ведь поиск, загадка, мечта - быть может, это и есть метафизика, но уже не загадочного Тлёна, а та самая, которую так невнятно задает Хайдеггер или проговаривает Мамардашвили.

Та потерянная мечта, которую обретаешь, погружаясь в мир Тлёна, созданного воображением мыслителей Укбара, созданный мыслителями Европы и Америки, созданных мыслителем и поэтом Борхесом, быть, может, одним из добрейших агентов Компании, что когда-либо определяли нашу судьбу.

Особенности демократии в странах АТР

А.В. Кулиш
Гуманитарный факультет
Томского политехнического университета

Трудности в становлении российской демократии неизбежно заставляют обращаться к опыту других стран, при этом не только западных. Ответы на вопросы: «Возможна ли демократия в России?» и «Нужна ли демократия в России?» все чаще звучат отрицательные, а прогнозы достаточно пессимистичны. Действительно, в России мало демократического опыта, нет устойчивых демократических традиций. Чтобы не вести схоластических споров, лучше обратиться к опыту тех стран, которые в своей истории не имели демократических институтов и демократических традиций. Тем не менее, сегодня это государства с устойчивой политической и экономической системами

Во второй половине 19-го столетия в некоторых азиатских обществах начались первые эксперименты с адаптацией институтов представительной демократии, утвердившихся к тому времени в европейских государствах, считавшихся наиболее передовыми, - Великобритании, Франции, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Пруссии. К середине 20-го века опытом парламентаризма обладали уже многие страны Азии, хотя лишь в нескольких из них он отличался непрерывностью.

Представительная демократия, парламентаризм – термины государственно-правовые. Они обозначают, что в данном обществе имеются такие политические институты, как всеобщие выборы, многопартийная система, конституционное разделение власти, при котором институированной в парламенте законодательной власти отводится первенствующая роль.

Принципы демократии в общих чертах сводятся к идее народовластия, свободных выборов на основе политического плюрализма, свободы слова, мирных собраний, соблюдения основных прав человека, экономической свободы, равенства всех перед законом [1].

Если изучать и сравнивать конституции европейских и азиатских стран, мы не обнаружим сколь-либо существенных различий; если рас-

сматривать формальную организацию государственности, она окажется приблизительно одинаковой и в Англии, и в Индии, и в Японии, и во Франции. Везде гражданам дано право или вменено в обязанность избирать всеобщим равным голосованием своих представителей, которые составляют высший орган страны – парламент. Этот орган по той или иной процедуре контролирует исполнительную власть и через определенные промежутки времени переизбирается на соревновательных выборах. Поскольку подобная система называется представительной демократией, те азиатские или восточные страны, в которых она существует, именуются азиатскими или восточными представительными демократиями. Оценочного значения слова «демократия» при этом не имеет. Речь идет о государственно-правовых формах, и только.

Но чем же наполняются эти близкие, а часто и просто «один к одному» заимствованные на Западе формы в представительных демократиях Востока?

Если говорить об особенностях демократических структур и институтов в незападном мире, то можно выделить два наиболее важных аспекта. Во-первых, специфика формирования гражданского общества в странах АТР, преобладание различных форм, опирающихся на корпоративно-коллективистские традиции (расширенная семья, община, каста). Эти формы затрудняют формирование демократии западного типа, привносят в общество элементы неравенства и иерархии. Но вместе с тем именно иерархичность традиционного типа неожиданным образом может способствовать укреплению демократических институтов.

Каждому, более или менее знакомому с ячейками японского общества, его группами известно, что их внутренние структуры довольно жесткие, в них нет демократичности в классическом смысле слова, существуют довольно четкая система соподчиненности, иерархические элементы. Но жесткость структур, иерархичность вовсе не означают авторитарности или произвола, угнетения личности, пренебрежения ею или ее унижения. На микроуровне действует внутренняя демократия, обусловленная рационализмом и прагматизмом в решении социально-производственных задач.

Во-вторых, сравнительно немногие прецеденты демократии в незападных странах, как правило, основываются на доминантной партии, то есть партии, неизменно находящейся у власти благодаря постоянному превосходству на выборах. Это относится прежде всего к странам Востока – Индии, Малайзии (по такому же пути шла и Япония). В азиатских режимах, осуществляющих переход от авторитаризма к демократии (Таиланд, Индонезия, Тайвань, Южная Корея), дело обстоит аналогичным образом. Эта тенденция, по-видимому, не случайна: система с доминантной партией обеспечивает в переходных обществах большую поли-

тическую стабильность, нежели двухпартийная или многопартийная системы, хотя главенствующая партия здесь обладает набором функций, в немалой степени отличающих этот институт от политических партий в западных обществах (громоздкий кадровый аппарат, сращенность с государственным чиновничеством). Вместе с тем политическая система с доминантной партией обладает некоторыми признаками демократии, поскольку здесь гарантированы права оппозиции, существует механизм консультаций, достаточно независима пресса. Разумеется, эта система не свободна от серьезных недостатков, так как длительное пребывание у власти одной партии может постепенно развращать ее функционеров, равно как и госаппарат. Периодические скандалы по поводу коррупции и «черных денег» в Индийском национальном конгрессе или в японской Либерально-демократической партии являются тому наглядными примерами.

Наконец, важным показателем эффективности политической власти в развивающихся странах – и это относится не только к демократическим, но и ко всем ее формам, - является степень ее укорененности в национальных культурных традициях и нередко сознательное использование этих традиций правящими группами. Разумеется, имеется в виду использование традиций как важных компонентов модернизации развития, а не для блокирования этих процессов. В таких ситуациях традиция не просто сохраняется или возрождается, но и как бы обретает новую жизнь, соединяя национальную идентичность в ее исторической преемственности с «идеологией развития».

Таким образом, даже краткий анализ элементов парламентской демократии в странах АТР позволяет сделать простые выводы. Во-первых, демократия возможна в странах ранее к таковым не относящимся. Во-вторых, демократическое строительство не означает слепого копирования с классических западных демократий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (ст. 1, 2, 7).
2. Демократия в Японии: опыт и уроки. М., 1991.
3. Зубов А. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1993.
4. Николаева О. Японская политика сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 5.
5. Целищев И. Япония как политический партнер. Безопасность в АТР // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 5.

Мифологический аспект биографии Отца народов

О.В. Лазарева
Юридический факультет
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

Пытаясь понять смысл и значение исторических событий, мы, как правило, анализируем их объективную сторону: непосредственно ход событий, их политическую, экономическую, социальную, культурную обусловленность. Но все эти моменты становятся факторами исторического процесса посредством различных действий, которые люди совершают, исходя из своего видения мира, картины мира. Парадигмальная трансформация истории как научной дисциплины, произошедшая в XX веке, привела к возникновению новых методологических подходов к изучению истории. В результате объективная поверхность истории стала рассматриваться как обусловленная подспудными, но все же поддающимися анализу психологическими факторами. Современная историческая парадигма исходит из постулата о том, что для понимания поведения людей необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, познакомиться с их мыслительным и чувственным инструментарием [1. 50]. Этот подход связан с постулированием ментальности как совокупности установок и предрасположенностей действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [2. 414]. XX век, нередко называемый веком толп, породил феномен массового человека с особым типом ментальности. Это время столкновения ценностей индивидуализма с приоритетами, формируемыми массовой психологией, детерминированной коллективной ментальностью. С середины XIX века жизнь европейца становится все более прилюдной. Частная жизнь, уединенная или замкнутая, укрытая от посторонних, от чужих, ото всех, становится все несбыточней [3. 58]. Новые условия жизни, обусловленные теснотой больших городов, организацией гигантских армий, стандартизацией производства, в рамках которых мнение и воля отдельного человека не решали ничего, привели к возникновению массового человека. Однако не стоит думать, что это явление есть следствие только объективных причин, поскольку внешние объекты действительности, их особенности и свойства – это проекция образа человека.

Что привлекло человека-индивидуалиста XIX века в возможности избавиться от своей индивидуальности? Ответ на этот вопрос мы находим в книге Э. Фромма «Бегство от свободы». Обращение к этой работе при рассмотрении данной проблемы уместно, если принять тезис Э. Геккеля о повторении филогенетических свойств в онтогенезе. В процессе индивидуализации человек перерастает свое первоначальное единство с приро-

дой и с остальными людьми. Он оказывается один на один с миром, который представляется ему несоразмерно громадным, мощным и всемогущим [4. 47]. Это рождает в человеке ощущение своей незначительности и ничтожности. Поиск опоры в данной ситуации будет сопровождаться потерей и уничтожением индивидуальности и свободы человека в пользу победы над чувством одиночества и беспокойства. Средством достижения этой цели выступает объединение людей, в котором исчезает отдельная личность, чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление, т.е. толпа, масса. Привлекательность массы для человека заключается в том, что в силу факта своего множества она позволяет индивиду испытывать эйфорическое чувство мощи. Ввиду анонимности своих членов масса избавляет их от ответственности за принимаемые решения. Одним из признаков массового сознания является потребность в лидере, компенсирующая потерю индивидуальности. При этом фигуру реального вождя следует отличать от коллективного представления о его харизме, которая не столько принадлежит ему, сколько спроецирована на него массовым бессознательным. Целью нашей работы является попытка объяснения структурно-смыслового сходства текста официальной биографии Сталина с универсальным мифом о культурном герое. Предметом нашего исследования является официальная биография Сталина [5], представляющая собой при ближайшем рассмотрении рационализированный миф.

Этот извод мифа возник не спонтанно, из глубин коллективного бессознательного, а был создан идеологами тоталитарного государства. Несмотря на последнее обстоятельство, данный текст воспроизводит структурно-смысловые доминанты архаического мифа о герое. Эта типологическая разновидность мифа в количественном отношении является наиболее распространенной в корпусе мифологических текстов, что дало основания исследователям XX века (преимущественно психоаналитического и близких направлений) говорить об универсальности мифа о герое и его особой значимости для культуры.

Что позволяет нам говорить об официальной биографии Сталина как о мифе? Миф это рассказ сакрального порядка, выражающий священную веру народа, рассказ, действительность которого не подвергается сомнению. Миф это не то, что понимают, не то, во что верят: это то, в чем непосредственно живут, от чего себя не отделяют. О серьезности восприятия идеологизированной биографии Сталина его современниками говорить не приходится.

Анализ текста биографии позволяет сделать вывод о том, что он построен по законам мифического повествования. В мифе интерес вызывает только действие, обстановка не важна: ни место действия, ни окружающие героя люди, в том числе его семья, ни внешний вид действующих

лиц не важны. В тексте биографии нет ни одного пейзажа, на фоне которого происходит действие; нет ни одного индивидуального портрета. Личная жизнь Сталина, его семейные отношения также остались за рамками повествования. Упоминания о них возможны лишь тогда, когда это требуется по условиям хода действия.

Для мифа характерен особый тип пространства. Это эмпирическое пространство, которое в момент действия окружает героя. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими [6. 340], вне вещей оно не существует. Время мифа тоже специфично: миф строится по закону хронологической несовместимости, согласно которому не может быть двух театров действия в разных местах в одно и то же время, поскольку пространство и время существуют не сами по себе, а только относительно движения героя.

Важнейшее свойство мифического пространства – его разделенность на свое и чужое, которое является дурным: наша партия есть крепость, двери которой открываются лишь для проверенных [5. 31]. Любое полноценное мифическое описание пространства предполагает определение здесь и теперь.

Концепция единства пространства неотделима от концепции единства времени (нет предшествующего времени и нет последующего). Общего представления времени нет, есть только эмпирическое время, измеряемое действиями героя. Еще на ранней стадии развития высоких культур древности началось прославление мифических правителей и царей, т.е. героев. Причину этого следует искать в особенностях человеческой психики: по мнению О. Ранка, мифы возникают из способности человечества к воображению. Это подтверждается повсеместным распространением героических мифов, имеющих всевременный универсальный характер. Во всем корпусе героических мифов выделяется конкретная разновидность мифа о культурном герое, представляющего собой своеобразную летопись первых успехов людей в трудовой и общественной практике, приписываемых культурному герою как единственному обладателю в глазах членов общины необходимой свободы самодеятельности [6. 35].

Для исследуемого текста, как и для мифа, характерно стремление к одногеройности, подразумевающее наличие центрального героя и группирование вокруг него и его поступков других лиц: его противников, помощников и тех, кому он помогает. По отношению к Сталину роли действующих лиц четко определены: противники буржуазия, предатели бухаринцы-троцкисты, иностранные интервенты; роль помощников отведена передовым рабочим, испытанным большевикам-ленинцам, вместе с которыми он творит благо для угнетенного класса рабочих и крестьян.

Герой призван на земле среди людей упорядочивать жизнь, вносить в нее справедливость, меру, законы вопреки стихийности и дисгармоничности. Создатели мифов редко удовлетворялись представлением великих героев мира как простых человеческих существ. Всегда существовала тенденция наделять героя исключительными способностями [7. 310]. Составители биографии говорят о Сталине как о талантливом полемисте, крупнейшей литературной и теоретической силе партии, планы которого замечательно верно отвечали русской действительности, воодушевляли уверенность широких народных масс в победе, двигали революцию вперед. Соединение в одном лице прозорливости политического вождя и таланта полководца, способность разгадывать и разбивать вдребезги самые искусные и коварные замыслы врагов, вдохновлять и организовывать важнейшие победы позволяли ему быстро и решительно разрешать самые опасные и трудные задачи. Харизматизация вождя вызвана желанием народа иметь неуязвимого героя.

Важнейшая задача культурного героя – защита человеческого мира от хаотичных природных сил, которые (в виде разнообразных чудовищ и демонов) пытаются смести установленный порядок. Стихийные силы природы часто сливаются с образами иноплеменников. В биографии роль враждебных сил отведена сатрапам царя, меньшевикам, совершающим раскольнические и дезорганизаторские действия, предательски ведущим себя пособникам троцкизма, подонкам нечеловеческого рода, штрейкбрехерам и другим дезертирам революции.

Первые свершения мифического героя – это его действия по расчистке поля [7. 326] от врагов. Защищая мирную жизнь людей, герой непрерывно борется против сил хаоса. В первобытном сознании борьба единственная форма восприятия мира. Мотив борьбы со всевозможными врагами социалистического строя становится основным направлением деятельности Сталина. Следует особо отметить то обстоятельство, что мотив борьбы присутствует на каждой странице биографии.

Подобно культурному герою, который впервые создает для людей различные предметы культуры, вводит определенную социальную организацию, ритуалы и праздники, Сталин превратил нашу Родину из отсталой страны в передовую, из аграрной – в индустриальную, обеспечил победу учения о возможности построения социализма в одной стране, сделал возможным вступление страны в период социализма.

В мифе культурный герой превращается в помощника верховного творца, исполнителя воли последнего. Как верная опора, выдающийся ученик и ближайший помощник Ленина в деле строительства Советского государства, Сталин дал от имени партии великую клятву с честью выполнять заветы учителя и вождя Ленина, который будет жить в веках.

Завершающим этапом эволюции мифического героя является обретение им предельной самости, апофеоз могущества и личной власти. Невозможность личного бессмертия компенсируется в героическом мире подвигами и славой (бессмертием) среди потомков. В Сталине народы СССР видят воплощение своего героизма, с именем Сталина рабочий класс совершил беспримерный трудовой подвиг в Великой Отечественной войне, колхозное крестьянство самоотверженно трудилось на полях, советская интеллигенция преданно работала на дело обороны страны. Имя Сталина носят в своем сердце юноши и девушки страны социализма, самая заветная их мечта – быть как Ленин, как Сталин.

Причина обнаружения в тексте официальной биографии характерных признаков мифа заключается в том, что мифы образуют естественную среду человеческого обитания, потому что возникают на основе древнейших форм восприятия мира. Герой может пониматься не только как метафора эго, но и как символ трансцендентной функции, возникающей в процессе индивидуации. Архетип героя является главным средством поддержания психического равновесия и устойчивости личности. Без этого человек обречен на дисгармоничное смятенное существование, бесцельные блуждания в поисках потерянного рая целостности и красоты.

Литература:

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993.
2. Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
3. Ортега-и-Гассет Х. Болезнь века // Новое время, 1993. № 38.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 1998.
5. Сталин И.В. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1950.
6. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. М., 1991.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М., Киев, 1997.

Геополитические прогнозы для России

Т.А. Лукьянова

Гуманитарный факультет

Томского политехнического университета

Вопросы геополитики как части политической проблемы России очень активно обсуждаются современной общественностью.

Символика в гербе России двуглавого орла – как бы к нему кто не относился, - одна голова которого обращена на Запад, другая на Восток, имеет не только охранное, но и геополитическое значение.

История распорядилась так, что Россия оказалась не просто на разломе двух цивилизаций – западной и восточной, европейской и азиатской,

она государственно объединила эти цивилизации. В.С. Соловьёв, видный представитель философии XIXв., писал: «Империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада, необходимо разрешение этой вековечной распри великих исторических сил в высшее всеобъемлющее единство...» в синтез восточных и западных культур [1. 602]. Многие народы, как на Юге, так и на Востоке добровольно, руководствуясь своими собственными интересами, вошли в состав России, о чём сейчас не любят вспоминать националистические силы в суверенных странах СНГ.

В отличие от народов колониальных держав Запада – Англии, Франции, Испании, Португалии и других, живших в своих национальных государствах-метрополиях, в отличие от США, поместивших остатки индейских племен в резервации, русский народ, расселившись на огромной территории России, жил вместе и наравне с нерусскими народами – одной жизнью, одной семьёй. Последнее, не только в фигуральном, но и в буквальном смысле. Так называемые смешанные семьи в России, по числу которых она вряд ли имеет себе равных, - это не просто межнациональные семьи; чаще всего это межрасовые, межцивилизационные «западно-восточные» семьи, для которых характерно смешение культур, традиций, образов жизни и образов мысли.

Н.С. Трубецкой (1890-1938), выдающийся русский учёный-языковед и мыслитель, писал: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР (ныне – Российская Федерация) может быть только совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, её территорию – *Евразией*, её национализм – *евразийством*» [2. 196].

Пусть слово «национализм», употреблённое два раза в двух предложениях, никого не пугает: евразийский национализм не возвышает один народ в ущерб другим народам, не разъединяет их, а сплачивает. Он сеет не ненависть, а дружбу, зовёт не в прошлое, а в будущее.

Азиатская часть России несметно богата. Только зона Севера, которая занимает четверть территории России, на 90% обеспечивает потребности страны в природном газе, на 75% - моторном топливе, на 95% - в алмазах, золоте, сурьме, никеле, олове, апатитах, слюде и других минералах. Казалось бы, и люди должны жить здесь богато, и людей должно быть много. Но это совсем не так. На территории Российской Федерации от Урала до Дальнего Востока проживают 30 млн. россиян, их "исход" на российский Запад продолжается. И не потому что они разлюбили эти суровые, но красивые края, а потому что усложняются материальные условия жизни [3. 471].

На фоне в целом неблагополучного положения зауральского населения существует и другая проблема. Так после распада Советского Союза процесс стихийной «инфильтрации» китайцев в районы Сибири и Дальнего Востока России заметно усилился. По некоторым оценкам российских экспертов, в конце 1994 года их насчитывалось уже до 2 млн. человек [4. 203]. Процесс переселения явно поощряется официальным Пекином, где существуют представления о том, что Россия по русско-китайским договорам приобрела ряд территорий, которые Китай мог бы рассматриваться в качестве утраченных. Если тихое оседание китайцев на российских землях приобретёт более широкие масштабы, то в недалёком будущем возникнут серьёзные политические осложнения в российско-китайских отношениях.

Между тем есть одно сверх важное обстоятельство, почему двуглавому российскому орлу следует держать в поле своего зрения именно Восток. Оно связанно с *возможной (может быть, уже даже начавшейся) сменой цивилизационного лидерства в мире.* Если первоначально в ходе цивилизационного развития лидировал Восток (именно здесь – в Египте, Месопотамии, Китае и Индии – зародилась и встала на ноги человеческая цивилизация), а в XV-XVII вв. это лидерство перешло к Европе, дополненное в XX в. лидерством США, то сейчас, на пороге XXI в. и третьего тысячелетия, лидирующие позиции Запада начали подвергаться серьёзным испытаниям. Причём вызов идёт с Востока.

В начале 70-х гг. в Лондоне состоялась известная дискуссия между А. Тойнби, «человеком Запада» и «человеком Востока», учёным-энциклопедистом, основателем ряда японских университетов Д. Икэда [5]. Они пришли к выводу, что в обозримом будущем мировое лидерство перейдёт с Запада в Юго-Восточную Азию, что такие страны, как Япония, Китай, Корея, Сингапур, Вьетнам и некоторые другие, образуют «ось», вокруг которой произойдёт объединение всего мира. Двадцать лет назад в это слабо верилось. Сейчас, похоже, этот прогноз начинает сбываться.

По оценке многих экспертов, в следующем веке страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), при всех сегодняшних трудностях, станут ведущими в мировой экономике и, возможно, политике. Как правило в АТР включают 40 стран, а те 18, что входят в АТЭС, уже сейчас дают 56% мирового производства, по 45% мирового экспорта и импорта. По прогнозу Департамента экономической и социальной информации ООН, АТР сохранит высокую динамику развития как минимум до начала третьего тысячелетия. Среднегодовой прирост ВНП в Китае за 1994-2002 год прогнозируется 8,7%, в Корее – 6,9%, на Тайване – 6,8%, в Японии – 2,1% при среднем мировом показателе – 2,7% [4. 203]. В странах АТР при рыночных отношениях государство играет важную роль в сфере эконо-

мики, занимается её планированием и программированием, предусматривающим развитие конкурентноспособной промышленности ориентированной на экспорт. Упор делается не на индивидуализм, а на коллективизм, трудолюбие, образование – в полном соответствии с конфуцианской традицией.

Соответственно, в России актуальна задача укрепления организаторской и инноваторской роли государства, учёта российского менталитета, приоритетности создания высоких технологий. Следует учитывать и потенциальную потребность стран АТР в импорте российского газа (к 2010 г. оценивается в 50 млрд [3]). А если учесть, что в Японии, Южной Корее и некоторых других странах АТР существуют планы создания региональных и глобальных систем энергоснабжения, то становится очевидной геополитическая значимость для России форсированного развития эффективной газодобывающей промышленности в Восточной Сибири и на Севере. К настоящему времени существует несколько проектов подачи газа (из республики Саха, Красноярского края, Иркутской области через регионы Дальнего Востока) в страны АТР.

Россия может и должна адекватно отреагировать на вероятный переход цивилизационного лидерства на Восток. У России в этом отношении уникальный шанс и уникальная возможность. Англия, Германия, Франция, другие государства Европы не могут «уйти на Восток», «истернизироваться». Для этого им надо отказаться от самих себя, выйти за пределы своих государственных границ, своего менталитета, своей цивилизации. России же ничего этого делать не придётся. Она может совершенно спокойно, без каких-либо глубоких потрясений присоединиться к «восточному экспрессу». Ибо она, повторим ещё раз, исторически, государственно, цивилизационно не только Запад, но и Восток. *Для этого нужен определённый геополитический поворот России к Востоку, в первую очередь.* Россия может прирастать, т.е. реформироваться, обновляться, богатеть материально и духовно – Севером, Сибирью, Приморьем, Дальним Востоком. *Может быть, в этом наш последний шанс упрочиться как Великой державе.*

Между тем, по другую сторону Тихого океана, в США, всерьёз задумываются, как ответить на вызов «азиатских тигров». О. Тоффлер пишет, что его стране тоже предстоит решить, в какой географической сфере лежит её будущее. По его мнению, Америка в конце концов разделится на две части – восточную, тяготеющую к Европе, и западную, ориентированную на Японию и Тихоокеанский регион. «Америку ждёт раскол или единство с азиатским оттенком», - заключает О. Тоффлер.

Литература:

1. Соловьев В.С. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1989.
2. Мир России – Евразия. Антология. М., 1995.

3. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. М., 1999.
4. Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998.
5. Диалог «Тойнби - Икэда». М., 1976.

За пределами аристотелевской логики
(о специфике языка квантовой механики)

Д. Нарежнева
Механико-математический факультет
Томского государственного университета

1. Проблема. С развитием науки все больше возрастает поток *противоречивой* информации, что ставит под сомнение саму возможность познания окружающего мира.

2. Пример противоречия из квантовой механики. Одни эксперименты показывают, что свет распространяется в виде отдельных частиц, другие – что свет – это волны. Результаты эксперимента зависят от используемых инструментов и от их расположения в ходе эксперимента, что, естественно, приводит в замешательство ученых. Некоторые теоретики-квантовики начали говорить о «волночастицах»; другие в отчаянии заявили, что «вселенная недоступна разуму» (подразумевая под этим, что вселенная не следует аристотелевской логике); третьи с надеждой ждали решающего эксперимента, который внесет окончательную ясность, «являются» ли фотоны волнами или частицами.

3. Причина появления подобных противоречий. Аристотелевские «идентификационные» утверждения (типа «Х есть У») любому объекту приписывают некоторую внутреннюю «вещность» (которую немецкий философ Макс Штирнер называл «призраком»).

4. Вариант разрешения проблемы: новый язык. Нильс Бор, создатель Копенгагенской интерпретации квантовой механики, считал, что поскольку как «здравый смысл», так и традиционная философия оказались не способны учитывать данные квантовой механики (и теории относительности), то, чтобы понять то, что нам открыла физика, нам нужно говорить на новом языке. В 1949 году Дэвид Борланд предложил исключить из языка все формы слов «быть» и «являться», что привело бы к появлению нового языка, в котором совершенно отсутствовала бы «идентификационность». Этот язык Борланд назвал «Я-прим» (или «язык-прим»). Причина, по которой предложено использовать язык-прим, очень проста: «идентификационность» загоняет мышление в средневековые аристотелевские рамки и делает невозможным понимание современных проблем и возможностей.

5. Пример разрешения противоречия с помощью нового языка. Вернемся к примеру о волнах и частицах. Посмотрим на предложения «фотон является частицей» и «фотон является волной», переведенные со стандартного языка на язык-прим: «фотон ведет себя как частица, если сдерживать его при помощи определенных инструментов» и «фотон ведет себя как волна, если сдерживать его при помощи определенных инструментов»: здесь мы уже не видим никакого противоречия, никакого «парадокса», никакой «непостижимости» вселенной.

6. Почему исчезают противоречия? Дело в том, что мы наложили некоторые ограничения на разговор о том, что на самом деле происходит в пространстве-времени, в то время как стандартный язык позволяет нам рассуждать о том, чего мы в пространстве-времени никогда не наблюдали - об «идентичности» или «аристотелевской сущности» фотона.

7. Различие между аристотелевской и современной моделями вселенной. Аристотелевская вселенная – это собрание «вещей», обладающих внутренними «сущностями» (или призраками»), в то время как современная научная (или экзистенциалистская) вселенная - это сеть структурных взаимоотношений.

8. Применение языка-прим. Сам по себе язык-прим не обязательно переносит нас в научную вселенную, но он, по крайней мере, подводит нас к экзистенциальным или основанным на опыте моделям и выводит нас из сферы средневековой теологии. Перевод на язык-прим указывает на мышление как на инструмент, производящий оценку или интерпретацию событий, возвращая нас в квантовый мир, в котором наблюдатель и наблюдаемое неотделимы друг от друга. Язык-прим, кстати, применим и может быть очень полезен и в повседневной жизни – вопреки утверждениям, что квантовая неопределенность не имеет никакого отношения к нашему макромиру и существует только на субатомном уровне. Рассмотрим такой пример: «Первый человек ударил второго человека ножом». В этом предложении отсутствует слово «является», и даже люди, искушенные в языке-прим, могут не увидеть здесь проблемы. Однако приведем эксперимент из области психологии, который ясно показывает, что стандартно-языковая версия все же содержит в себе изъян. Суть эксперимента: в аудиторию внезапно врываются два человека, дерутся и один из них делает такое движение, словно бьет другого ножом. Тот падает. Большинство студентов при опросе заявляют, что в руках нападавшего был нож. На самом деле никакого ножа нет. В руке «убийцы» находится банан. Теперь обратимся к переводу нашего предложения на язык-прим: «Мне кажется, я видел, как первый человек ударил второго ножом». Человек, хорошо обученный языку-прим, более осторожен со своим восприятием и не торопится выносить суждения, как это делают большинст-

во людей. Может быть, такой человек даже способен увидеть банан вместо ножа-галлюцинации?..

Роль традиций в политической культуре японского народа

А.В. Фаерман
Гуманитарный факультет
Томского политехнического университета

Сегодня Россия, как это уже ни раз бывало в ее истории, стоит на распутье, перед сложным выбором пути.

Крупнейшие державы всего мира уже сделали этот выбор. Россия же, еще выбирает: пойти ей по пути модернизации, дальнейших реформ, выматывающих народ или оглянуться назад, вспомнить, что была когда-то и у нас своя традиционная культура и найти свой собственный путь развития, не похожий ни на западный (европейский), ни на восточный.

Россия находится на перекрестке, между Западом и Востоком, вот поэтому этот выбор всегда стоит перед ней. Но всегда есть возможность стать местом, где скопились все самые лучшие черты этих двух различных частей мира.

Подобную позицию заняла Япония. Ученые до сих пор ломают голову над политической культурой этой страны. Возможно, ключ к тайне японской культуры лежит на поверхности или точнее в глубине веков, когда еще складывались основы менталитета японцев. Одной из составных частей политической культуры являются традиции. От способности народа передавать из поколения в поколение, во многом зависит будущее государства, его политическая система, место народа в управлении страной и многое другое.

Несмотря на достаточно прочное и влиятельное место, которое в сегодняшнем мире занимает Япония, эта страна остается для нас экзотической. Возможно дело именно в том, что жизнь ее народа построена на совершенно особых, самобытных принципах.

Конечно, свои традиции есть и в других странах, но в Японии их присутствие не ограничивается фольклорными праздниками или особенностями быта, а проявляется даже в самых «интернационализованных» областях – науке, бизнесе, политике и т. д. [1. 7].

В других государствах традиции принято считать консервативным элементом, тормозящим развитие страны. Но «при всей самобытности современное японское общество оказывается вполне эффективным как в сфере экономики, так и в области политической и правовой саморегуля-

ции. Причем имеется множество примеров того, что традиции не только не препятствуют его развитию, но даже способствуют ему» [1. 7].

Дело в том, что в японском национальном характере, помимо трудолюбия, аккуратности, вежливости и некоторых других качеств выделяются: приверженность традициям и склонность к заимствованию.

«Островное положение Японии способствует долговечности ее национальных традиций. В этом смысле Японию часто сравнивают с Англией. Однако Корейский пролив, отделяющий страну от Азиатского континента, в 6 раз шире, чем Ла-Манш. Для древних завоевателей это была очень серьезная преграда. Защищенная ею Япония практически никогда не подвергалась успешному вторжению чужеземных войск. Войск, а не идей! В 552 г. в Японию из Китая впервые попали изображения Будды. Буддийские сутры стали для японцев первыми учебниками иероглифической письменности, которые приобщали их к древнейшим цивилизациям Востока» [2. 223].

«Отношение японцев к континентальной культуре не исчерпывалось ни отталкиванием, ни слепым преклонением; достаточно часто оно приобретало характер соревнования, диалога, который со временем стал внутренним принципом японской культуры. Заимствованные элементы иноземной культуры творчески переплавлялись, приобретали новый характер и постепенно становились органической частью японской традиции.

Японцы перенимали у других то, что представляло для них интерес на каждом конкретном этапе их исторического развития. Любой элемент чужой культуры осваивался таким образом, чтобы можно было его приспособить к японским условиям. В результате заимствования всегда носили прагматический характер, да и по существу, заимствованиями не были – скорее речь может идти о своего рода трансформации применительно к социальным или иным потребностям Японии» [3. 55-56].

Многие японоведы считают, что «главные черты японской нации были предопределены внедрением 3-х религий. *Синто* наделил японцев чуткостью к природной красоте, чистоплотностью и легендой о своем божественном происхождении. *Буддизм* окрасил своей философией японское искусство, укрепил в народе стойкость к превратностям судьбы. Наконец *конфуцианство* принесло с собой идею о том, что основа морали – это верность, понимаемая как долг признательности старшим и вышестоящим» [2. 235-236].

Нужно отметить, что из этих 3-х религий, только Синто истинно японская. Две другие пришли в Японию из Китая. Так что уже основа менталитета японцев была заложена заимствованными «материалами». Но, так или иначе, все это проявляется и в сегодня существующей политической культуре японского общества.

Японцы сумели сохранить императорскую традицию, несмотря на ее анахронизм. Официально император не является «ками» (божеством), а синто отделен от государства. Но император все же остается центром, вокруг которого объединяется вся нация, а синто своими легендами укрепляет положение императора. Приверженность традициям не позволяет японцам уничтожить монархию. «Ведь на протяжении более чем тысячелетней истории до эпохи Мэйдзи идеология института монархической власти прошла сложный путь эволюции – от культа «священного царя» через заметное ослабление своего влияния на духовную жизнь общества в период средневековых междоусобий к постепенному возрождению в новое время в качестве центральной идеи национального самосознания. Особенностью японского института монархии можно считать его поразительную способность гибко реагировать на многочисленные перемены в обществе, и сохранять в качестве главного ядра черты, свойственные ему на ранних этапах, а, следовательно, и ритуально-мифологический комплекс, характерный для института «священных царей».

Неизменная на протяжении веков и ставшая впоследствии ведущей функция императора как верховного священнослужителя синтоистского культа прочно утвердила в сознании японцев представление о «тэнно» (императоре) как воплощении мистической силы космических масштабов, способной оказывать определяющее влияние на жизнь всего общества» [4. 180].

Сейчас в Японии проводится целенаправленная политика сохранения в сознании народа идеи о том, что император является символом нации, мерилом нравственных идеалов и хранителем преемственности поколений. Она вызывает неоднозначную реакцию в обществе, но на нее работают все средства массовой информации, постоянно поддерживая интерес к институту императора. Особенно наглядно это проявляется во время таких эпохальных событий в жизни императорской семьи, как свадьба кронпринца, похороны императора Сева (Хирохито) и коронация Акихито, проведенных с соблюдением древних ритуалов. В тоже время постоянно подчеркивается, что члены императорского дома живут той же жизнью, что и миллионы японских семей с их радостями и горестями. Другими словами, проводится «демократизация» образа императора и самого института императорской власти…

В сознании японцев культивируется стиль жизни императорского дома эры Хэйсэй («Установление мира»), соответствующий современной эпохе демократической конституции и высокоразвитого информационного общества. Это дает свои результаты. Согласно опросу общественного мнения, проведенного газетой «Асахи Симбун» в 1989 году, император Акихито, который заявляет о себе как о приверженце «демократической пацифистской монархии», получил выражение «любви» от 79% респон-

дентов и «уважения» от 17%. А годом раньше «любовь» по отношению к императору Сева выразили лишь 35% респондентов» [1. 36-37].

«История Японии показывает всю сложность сочетания традиций и новаций в политической жизни страны и подтверждает мысль о недопустимости механического разделения или противопоставления этих двух начал...

...В политическом развитии Японии весьма рано сформировалась гуманистическая и демократическая традиция. Во всяком случае, гуманное отношение к человеку, обращение с низами общества не как с неодушевленными орудиями бытовало в стране и в домэйдзийский период»[1. 41].

Тем не менее в рассуждениях как иностранных, так и японских исследователей о проблемах демократии в Японии нередко можно найти утверждения об ущербности этой демократии и даже сомнения в ее существовании вообще. Основанием для них служит то, что весьма важным признаком демократии является возможность каждого гражданина участвовать в отправлении власти через свободное изъявление своей индивидуальной политической воли, а в Японии, мол, такая свобода индивида резко ограничена жесткими рамками групповой принадлежности.

Такие утверждения логически вытекают из подхода к изучению природы политической культуры Японии, основанного на противопоставлении ее основополагающих элементов традиционного и заимствованного происхождения... Противопоставляются традиционный группизм и заимствованный индивидуализм политического поведения... Утверждается, будто группизм как консервативное или конформистское начало препятствует развитию индивидуализма как залога демократии, в результате чего Япония в своем движении к развитому демократическому обществу отстает от передовых стран Запада

Такой подход представляется ошибочным. Японское общество отмечено ярко выраженной способностью к включению иностранных заимствований (о чем говорилось выше – авт.) в общую систему материального и духовного национального достояния. Группизм и индивидуализм в политическом поведении японцев выступает в синтетическом единстве, взаимно окрашивая друг друга и вместе превращаясь в основу политической стабильности японского общества... Таким образом, механическая попытка противопоставить традициональные и заимствованные элементы политического поведения японцев грешит недооценкой важных национальных особенностей японского общества.

Коллективное сознание совокупного субъекта политики «может в известной степени противостоять личному сознанию индивидов, представленных в социальной группе или организации и вынужденных считаться с совместно выработанными требованиями, принципами и ограничениями» [5. 3]. Надо полагать, что многие участники совокупного субъекта

сознательно жертвуют какой-то частью своих индивидуальных притязаний, поскольку именно «потребность в общем действии на основе солидарности между людьми, которые обладают одинаковыми интересами, является силой, приводящей к созданию самых разных организаций» [6. 68].

Политическая история японского общества не привела к абсолютному «выбрасыванию за борт» группистского наследия политической жизни домэдзийской Японии, связанного с наследственным характером власти в центре и на местах, с патерналистическими стереотипами вассалитета, с жестко зафиксированными конструкциями отношений в семье – ячейке первичной политической социализации и т.п. В сегодняшней Японии такие социальные формирования, как семья, локальное сообщество, внутрифирменный коллектив и т.п., являющиеся носителями традиционного группизма и не принадлежащие к собственно политическим институтам, дополняют политическую активность партий, партийных фракций, парламентских депутатских объединений и др. В то же время эти неполитические социальные формирования напрямую влияют на политическое (главным образом электоральное) поведение члена общества.

Политический процесс в Японии буквально пропитан традиционными элементами. Вступление на трон нового императора сопровождается ритуалом дайдзесай, который лежит за рамками официальной церемонии и берет свое начало в древних синтоистских обрядах. Решение о роспуске палаты представителей парламента принимает кабинет министров, но процедурно роспуск осуществляется по императорскому акту, который торжественно вносится в зал заседаний палаты, завернутый в фиолетовый бархат: фиолетовый цвет – олицетворение мудрости, бархат – воплощение мягкости, терпимости. В центральном холле японского парламента установлены четыре пьедестала, три из которых занимают статуи Ито Хиробуми, Окума Сигэйнобу и Итагаки Тайсукэ, а четвертый пьедестал свободен, что должно оживлять в памяти законодателей примеры прошлого и стимулировать их стремление стать достойными этих примеров [1. 46-47].

В начале я уже сказал, что традиции являются одной из основных частей политической культуры общества и Россия в этом не исключение. Но статуи, каких политиков мы можем поставить в холле Думы?!

Литература:

1. Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
2. Сухарев В.С., Сухарев М.С. Психология народов и наций. 1997.
3. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. 1999.
4. Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. 1990.
5. Грачев М.Н. Политическая система общества. М., 1997.
6. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М. 1992.

В западной культуре чувство зависимости, являющееся предтечей власти, носит более конкретный, приближенный к человеку характер. В России же как в архаическом социуме оно простирается на весь космос. Политическая культура России имеет сакральный базис. Подобной основой обладают политические институты (государство, лидерство), политические структуры (иерархия), формы (система, режим). В Японии «государство – семья» понимается как сложный организм, жизнь которого обусловливает связь всего со всем. Всё связано воедино Небом. Оно не управляет земным порядком непосредственно, а дарует власть правителю, Сыну Неба.

Bürger	нем.	англосаксонское *burgware (R*ömware) – современное *sich wehren* (защищаться)
гражданин	рус.	калька *politēs (житель города);* в современном значении – от Радищева
citoyen	франц.	*cité – город;* в современном значении – с 17 в.; *citoyenneté* – с конца 18 в.
citizen	англ.	1300 г.; 1380 г. – *житель страны; citizenship* – 1611 г.
nation	франц.	*natus – рожденный; nation* – с 12 в.; прилагательное *national* – с 16 в.
Freiheit	нем.	ст.-н. *frija = со свободной шеей* (не-раб)
liberty freedom	англ.	вероятно до 1200 г. Однако еще в 13 в. в *Великой хартии вольностей* использовалось слово *selfmadeness = способность владеть собой и условиями своего существования, самостроительство, самоответственность*
Heimat Vaterland	нем.	*haimōpli = владение, добро;* с 12 в. – *«страна отцов»*
родина отечество отчизна	рус.	суффиксальное производное от *род*; *отчизна* заимствовано в 16 в. - *ojczyzna*

Традиционная русская мораль не осуждает нищенство: «бедность – не порок», «от сумы не отказывайся». Удел «попрошайки» (оценка с точки зрения западной культуры), человека, который не может «сделать себя», видится избранничеством судьбы в России. И если на Западе нищих старались искоренить (сначала репрессивной, затем специальной социально-реабилитационной политикой), то у русских культивировалась общественная позиция «любовь к нищим». С.Н. Булгаков отмечал, что «институт нищенства» имел значение эталона общественной совести, символа. «Подаяние» есть ритуал приобщения к бесстатусности.

свобода	рус.	основа – *собьство, свобьство* = своё, собственное, отличное от…

ки языка может помочь лучше понимать особенности политической ментальности того или иного народа.

Литература:

1. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache./ Fr. Kluge. Unter Mithilfe von Max Bürgisser und Bernd Gregor. – 22. Auflage. – Berlin; New York. – de Gruyter, 1989.
2. Jacqueline Picoche. Dictionnaire étymologique du français. – 1992. – Dictionnaires Le ROBERT.
3. The Barnhart concise dictionary of etymology. / edited by Robert K. Barnhart. - New York, 1995.
4. Учим японские иероглифы. / Худ. А. Лурье. СПб., 1997.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.
6. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск, 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ***3***

Статус нарратива в современном социальном пространстве
Е.В. Агафонова 3
Философский анализ современного кризиса национально-культурных ценностей
И.В. Аксёнов 7
Познание и научная проблема: особенности современной интерпретации
И.Б. Ардашкин 12
Психоаналитический подход в литературной критике в России
О.В. Городович 17
Реминисценции в культурно-исторической памяти
С.В. Дементьева 20
Негативная теология и черный юмор
М.Н. Евстропов 21
Дзэн как философское вопрошание
А.С. Ильин 24
Проблема пространства и времени в контексте субъективного восприятия
О.Н. Карпицкая 26
Метафизика *Ничто* как онтология *Тела*
А.В. Кривошеев 30
Природа моделирования искусственного интеллекта: к постановке проблемы
В.В. Котельников 34
Исследование диалога в современной отечественной философии
С.А. Кукушкин 39
Роль психоаналитической установки в философии постмодерна
С.Б. Куликов 43
Телесность: возможность трансцендентального видения проблемы
З.С. Лобода 45
Проблема ментальных оснований человеческого бытия
Е.Н. Мостовой 47
Социальный аспект понятия адаптации на основе анализа различных концепций адаптации
Е.Н. Муравская 51
Диалектика божественного и человеческого в контексте эсхатологии
А.С. Николаева 54
Против однозначной эстетической трактовки смерти
А.Н. Новожилова 59
Гражданское общество в античности: социально-философский и политический аспекты
Г.А. Окушова 60

К феноменологии личной собственности
Л.В. Подшибякина.....66
Мысль-событие, возможности актуализации
Е.Г. Ромахина.....70
Природа власти в современном обществе
И.А. Серов.....74
О чем молчит мистик?
Н.А. Соседова.....77
Феноменология молчания
О.Г. Стасева.....80
Осмысление концепта «со-бытие» в философии Мартина Хайдеггера
А.В. Тебекова.....83
Фуко и публичная автономия
Р.Ш. Турашев.....86
Статус «смысла» в описании социального бытия у Г.Г. Шпета
Л.Б. Фарышев.....88
Духовность в экологическом контексте
Д.С. Худяков.....89
Модернист Мишель де Монтень в эпоху постмодерна
В.В. Янковец.....92

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ*.....*96

Учитель средней школы в контексте проблемы социальной напряженности
М.О. Абрамова.....96
Социальный портрет священнослужителя
Н.А. Дегтярёва.....100
Интенции на отличную учебу студентов-отличников (на примере ТГУ)
В.В. Кашпур.....105
Проблема преемственности в модусе школа – вуз
Ю.А. Кондинская.....109
Методологические особенности изучения группового взаимодействия учащихся различных образовательных учреждений
М.Е. Макеева.....115
Анализ тенденций современной российской рекламы
Л.Л. Максименко.....121
Методологические проблемы изучения «молодежной рекламы»
И.В. Сивец.....124
Российская семья в обществе постмодерна
К.С. Сочугова.....129
Толерантность и либерализм: проблема соотношения
Н.В. Форрат.....133

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ.....*137*

Экспансия экономики в политическое пространство (на примере информационных кампаний кандидатов крупных экономических акторов на выборах)
О.В. Агишева.....137
Роль символического капитала в избирательной кампании
Д.В. Балахнин.....140
Политические паттерны телевизионного инфотекста как механизм управления обществом
Н.В. Гоманович.....144
Преломление федеральных идеологий на областном уровне (анализ избирательной кампании в Государственную Думу Томской области 2001 года)
И.В. Кологривова.....149
Символические отношения как средство конструирования политической реальности
М.А. Кулешова.....151
Особенности электорального поведения ЗАТО (на примере г. Железногорска и г. Зеленогорска)
А.А. Бычков, Д.Ю. Пестиков.....154
Гражданское образование в современной России. Пути развития
О.Н. Побережная.....157
Опыт определения перспективы кандидата в политических маркетинговых исследованиях (на примере выборов в Госдуму Томской области)
М.В. Рябова.....162
Политическая социализация в сравнительных исследованиях
К.С. Смирнова.....169

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ.....*174*

Направление, содержание и проблемы социально-реабилитационной деятельности с детьми в Басандайской «коррекционной школе-интернат IV вида»
М.П. Дамм.....174
Роль вуза в содействии адаптации выпускников к рынку труда
Е.И. Дорожкина.....177
Условия оптимизации личности в социальной политике на предприятии (трудовые предпочтения потенциальных работников)
А.Н. Комарова.....181
Театральная деятельность как направление социально-реабилитационной работы с детьми с нарушением интеллекта
Е.В. Лопатина.....184

Проблема межнациональных отношений в студенческой среде
Ю.Г. Никифорова.....185
Проблема детской агрессивности в условиях учреждений закрытого типа
О.Ю. Оцепова.....189
Исследование межличностных отношений воспитанников детских домов
В.В. Скатова.....195
Гендерное образование в контексте социальной работы
Ю.М. Слёзкина.....200
Образ ребенка глазами учителей начальных классов
М.В. Федянина.....203

АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК*.....*208

Онтология творческого мышления и проблема инженерного творчества
О.А. Автоманова, Н.С. Баринова, Н.А. Рольгейзер.....208
Теория хаоса и ее значение для натурфилософии
Ф. Бирдигулов.....211
Стереотип в научном познании
Н.Г. Булахов.....212
Проблема творчества в философии
А.В. Емельянова, Е.О. Зезюлина.....214
Метафизика Тлёна. В поисках утерянной мечты
В. Еске.....217
Особенности демократии в странах АТР
А.В. Кулиш.....219
Мифологический аспект биографии Отца народов
О.В. Лазарева.....222
Геополитические прогнозы для России
Т.А. Лукьянова.....226
За пределами аристотелевской логики (о специфике языка квантовой механики)
Д. Нарежнева.....230
Роль традиций в политической культуре японского народа
А.В. Фаерман.....232
Возможности этимологических исследований в выявлении особенностей политической ментальности народов мира
М.Н. Шабалин.....237

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук» 19-20 апреля 2002 г.

Стиль изложения, обозначения терминов сохранены в авторском исполнении

Оригинал-макет О.Н. Ладовой

Типография «Иван Фёдоров»
634009 г.Томск, Октябрьский взвоз, 1, т.: (382-2) 51-24-20
Лицензия ПД № 12-0070 от 22.03.2001г.

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Печать плоская. Бумага офсет №1.
Тираж 150экз. Заказ № 205.